

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Цумарова Елена Юрьевна

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)

Специальность 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки.

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель –
доктор политических наук,
профессор В. А. Ачкасов

Санкт-Петербург
2014

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования политики идентичности	18
§ 1.1. Политика идентичности: концептуализация понятия	18
§ 1.2. Компоненты политики идентичности	33
Глава 2. Политика идентичности в регионах	47
§ 2.1. Специфика политики идентичности в региональных сообществах ...	47
§ 2.2. Этапы формирования и реализации политики идентичности в постсоветской России	60
Глава 3. Политика идентичности в Республике Карелия	81
§ 3.1. Институциональное оформление политического сообщества в Республике Карелия	81
§ 3.2. Символизация и ритуализация принадлежности к политическому сообществу в Карелии.....	90
§ 3.3. Формирование представлений о «мы-сообществе»	105
§ 3.4. Дихотомия «свой» - «чужой» в политике идентичности Республики Карелия	118
Заключение	129
Список источников и использованной литературы.....	133

Введение

Актуальность темы

Трансформация российского государства на рубеже 1980-1990-х гг. повлекла за собой целый ряд последствий, одним из которых стал кризис идентичности, вызванный крушением советской идеологии. На смену советской общности не пришла общность российская¹, которая определила бы ценностные основания для объединения людей, проживающих на территории современной России. В течение 1990-х гг. российская власть предпринимала попытки сформировать новую общероссийскую идентичность², однако, ни одна из них не принесла желаемых результатов. В итоге деятельность по конструированию национальной идентичности на какое-то время отошла на второй план.

В настоящее время вопрос о формировании общегосударственной идентичности вновь появился в политической повестке дня. Так, в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 2012 г. В. Путин заявил, что Россия должна сохранить «свою национальную идентичность, не растерять себя как нация»³. А одной из целей Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года провозглашается «упрочение общероссийского гражданского самосознания»⁴. Утвержденная 20 августа 2013 г. федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 гг.)» также ставит своей целью

¹ Мелешкина Е. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // Ильин М.В., Бусыгина И.М. (ред.) Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 126-137.

² Самым заметным начинанием можно назвать конкурс на лучшую «идею для России», объявленный в июле 1996 года в «Российской газете».

³ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России [Электронный ресурс]. – Электрон. ст. – Москва, 2012. – URL : <http://kremlin.ru/transcripts/17118>, свободный. – (6.02.2014).

⁴ О «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. №1666 [Электронный ресурс] / Президент Российской Федерации. – URL : <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1:1644521>, свободный. – (6.02.2014).

«укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)»⁵.

Однако помимо соотнесения себя с Россией в целом, актуальным остается и вопрос об идентичности региональной. Произшедшая в 1990-е гг. регионализация российского государства во многом способствовала складыванию в субъектах федерации регионального самосознания, которое использовалось политическими элитами в качестве ресурса в борьбе за властные полномочия. Усиление вертикали власти, связанное с приходом к власти В. Путина, поставило под сомнение значимость региональной идентичности в политической жизни регионов, особенно после отмены прямых выборов глав регионов. Однако в последние годы в ряде субъектов РФ формирование региональной идентичности вновь оказывается одним из центральных элементов деятельности как политических элит, так и других акторов – научных и гражданских сообществ. Ярким примером этому может служить Ульяновская область, где по инициативе губернатора С. Морозова был создан Научно-исследовательский Институт этнологии и культуры, одной из задач которого является разработка концепции формирования региональной идентичности⁶.

Формирование региональной идентичности в границах субъектов РФ способствует решению широкого спектра проблем как в экономической, так и в социальной сферах. Консолидация населения вокруг общих, разделяемых всеми жителями региона ценностей позволяет региональным политическим элитам мобилизовать членов сообщества для реализации того или иного политического курса, разделить ответственность за положение дел в регионе. Кроме этого, региональная идентичность может являться важным ресурсом для политических акторов в борьбе за властные позиции и/или во взаимоотношениях с федеральным центром. Разнообразие региональных

⁵ О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 гг.)»: постановление от 20 августа 2013 года [Электронный ресурс] / Правительство Российской Федерации. – URL : <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>, свободный. – (6.02.2014).

⁶ Юхтанов А. В Ульяновске создается НИИ по поиску региональной идентичности [Электронный ресурс] / А. Юхтанов. – Электрон. ст. – URL: <http://www.ul.aif.ru/politic/article/29462>, свободный. – (9.12.2013).

особенностей, которое наблюдается в России, поднимает проблему выстраивания отношений между центральной и региональной властью. Трансформация федеративных отношений в России в течение 1990-х и 2000-х гг. демонстрирует изменения в характере взаимоотношений между центром и регионами, а также в уровне политической автономии субъектов.

Таким образом, формирование региональной идентичности является актуальным составным элементом российской политической действительности, важным пунктом в политической повестке дня региональных политических элит и гражданского общества.

Актуальность предлагаемой работы определяется с одной стороны, важностью политологического осмысления процесса формирования региональной идентичности в современной России, а с другой стороны, необходимостью всестороннего теоретического анализа предпринимаемых политическими акторами шагов в области формирования региональных сообществ с целью консолидации усилий населения для решения насущных социально-экономических проблем субъектов РФ.

Степень разработанности проблемы и особенности авторского подхода

В настоящее время разработка данной темы в отечественной научной литературе находится на начальной стадии аккумуляции разрозненных знаний, накопленных в разных областях изучения политических процессов в Российской Федерации. Объективная причина этого состояния заключается в том, что, во-первых, исследования региональной идентичности и политики, направленной на ее формирование, пока не имеют длительной традиции в отечественной политической науке.

Во-вторых, в политической истории постсоветской России можно обнаружить несколько различных периодов, в каждом из которых вопрос о формировании политических идентичностей (как общенациональной, так и региональной) имел разную степень остроты. Необходимо отметить, что большинство как отечественных, так и зарубежных исследователей российского случая занимаются изучением федеративного устройства,

формирования государственных институтов, политики идентичности без учета их глубокой внутренней взаимосвязи. Тем не менее, во всех выделенных областях накоплен существенный эмпирический материал, и выработаны теоретические основы для дальнейших исследований. В этой связи следует отметить работы, посвященные анализу концепции идентичности в целом (Э. Эриксон⁷, Р. Брубейкер и Ф. Купер⁸, Ю. Качанов⁹ и др.), а также особенностям политической идентичности (О. Попова¹⁰, И. Семенов¹¹, Г. Миненков¹² и др.).

На данный момент существует значительный пробел в комплексных теоретических исследованиях, рассматривающих специфику формирования и реализации политики идентичности в регионах в ее взаимосвязи и обусловленности с политическими процессами и явлениями более крупного масштаба.

Изучение региональной идентичности и политики, направленной на формирование в России региональных политических сообществ, было начато в середине 1990-х гг. в первую очередь, в рамках рассмотрения складывавшихся в тот момент федеративных отношений. При этом региональная идентичность рассматривалась в двух основных аспектах – как (1) явление, которое препятствует формированию общегражданской идентичности и (2) важная составляющая истинно федеративных отношений. Среди авторов, придерживающихся первого подхода, можно отметить С. Хенкина¹³, Р. Туровского¹⁴, Е. Мелешкину¹⁵, В. Пантина¹⁶ и др. По их

⁷ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

⁸ Brubaker R., Cooper F. Beyond "Identity" // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29, № 1

⁹ Качанов Ю. Опыты о поле политики. М., 1994.

¹⁰ Попова О. В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб, 2002; она же Развитие теории политической идентичности в отечественной и зарубежной политологии // *Идентичность как предмет политического анализа*. М., ИМЭМО РАН, 2011. С. 13-29.

¹¹ Семенов И. Идентичность в предметном поле политической науки // // *Идентичность как предмет политического анализа*. М., ИМЭМО РАН, 2011. С. 8-13

¹² Миненков Г. Идентичность в политическом измерении [Электронный ресурс]. – Электрон. ст. – Минск, 2005. – URL: <http://nmnby.eu/news/analytics/414.html>, свободный. – (21.01.2014)

¹³ Хенкин С. Сепаратизм в России: позади или впереди? // *Pro et Contra*. – 1997. – Т. 2. - С. 5-19.

¹⁴ Туровский Р. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России, // *Идентичность и география в постсоветской России: сборник научных статей*. – СПб: Геликон Плюс, 2003. - С. 139-173; он же *Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей*. - Москва, 1999. - С. 87-136.

¹⁵ Мелешкина Е.Ю. Региональная идентичность как фактор становления региональных политий в

мнению, укорененная региональная идентичность могла привести к усилению сепаратистских тенденций, особенно в национальных республиках, где большое значение имел этнический фактор. Кроме этого возможное противостояние региональной и общенациональной идентичности рассматривалось как угроза продвижения национальных интересов России¹⁷.

Другая позиция заключалась в том, что формирование региональной идентичности свидетельствовало о возникновении в границах субъектов Российской Федерации политических сообществ, обладающих определенной долей автономии. А это, в свою очередь, способствует складыванию истинного федерализма в России. К работам подобного рода можно отнести труды А. Макарычева¹⁸, О. Орачевой¹⁹, Н. Петрова²⁰, Н. Чернышева²¹, Г. Грошевой²² и др. В частности, Г. Грошева отмечает, что формирование «позитивной модели региональной идентичности может стать основой социальной и политической стабильности» как в субъектах федерации, так и в государстве в целом²³. Особенности формирования и функционирования региональных политических сообществ в рамках анализа федеративных отношений рассматривались в работах И. Бусыгиной²⁴, А. Захарова²⁵,

Российской Федерации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12: Политические науки. – 1999. - № 6. - С. 48-59.

16 Пантин В.И. Самоопределение как ресурс модернизации [Электронный ресурс] / В. Пантин. – Электрон. ст. – Москва, 2010. – URL : http://www.ng.ru/scenario/2010-03-30/10_samoopredelenie.html, свободный. – (6.02.2014).

¹⁷ Пантин В. Указ. соч.

¹⁸ Макарычев А. Регионализм глазами конструктивизма: агенты, структуры, идентичности [Электронный ресурс] / А. Макарычев. – Электрон. ст. – URL : <http://magazines.russ.ru/nz/2010/3/ma14.html>, свободный. – Аналог печат. изд. (Неприкосновенный запас. - 2010. - №3).- (21.01.2014)

¹⁹ Орачева О.И. Региональная идентичность: миф или реальность? // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / ред. М. В. Ильин, И. М. Бусыгина. - М., 1999. – С. 36-43.

²⁰ Петров Н. Формирование региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / ред. В. Гельман, Т. Хопф. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 125-186

²¹ Чернышев А.Г. Особенности регионального самосознания и современный политический процесс // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / ред. М.В. Ильин, И.М. Бусыгина. - Москва, 1999. – С. 139-145

²² Грошева Г.В. Этническая государственность как фактор формирования региональной идентичности (на примере Республики Хакасия 1990-х – 2000-х гг.) // Вестник ТГПУ. - 2010. – Вып. 9(99). - С. 125-131

²³ Там же. С. 125

²⁴ Макарычев А. Федерализм эпохи глобализма: вызовы для региональной России // Полис. - 2000. - №5. – С. 81-97.

²⁵ Захаров А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. – Москва : Московская школа политических исследований, 2008. – 143 с.

В. Филиппова²⁶, М. Фарукшина²⁷, В. Тишкова²⁸, М. Ноженко и А. Стародубцева²⁹ и др.

Изучение региональной идентичности осуществлялось также в рамках исследований региональных политических режимов и элит. Так, В. Гельман и Е. Попова рассматривали региональную идентичность как «частный случай такого ресурса, контроль над использованием которого может быть утилизирован региональными элитами в своих интересах»³⁰. Е. Мелешкина предложила анализировать региональную идентичность как «фактор политической легитимации региональных властных институтов вне и внутри региона»³¹. Другими словами, региональная идентичность рассматривается как способ формирования позитивного имиджа региональных политических элит, а процесс формирования региональной идентичности – как способ привлечения сторонников в полицентричных политических режимах регионов³².

Также в фокусе исследователей оказывались дискурсивные практики конструирования региональной идентичности³³, а также отдельные составляющие региональной идентичности, такие как региональная мифология (И. Малякин³⁴, В. Нечаев³⁵), официальная и неофициальная

²⁶ Филиппов В. Р. Критика этнического федерализма. Москва: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2003. – 380 с.

²⁷ Фарукшин М. Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт – Казань: Изд-во Казанского университета, 1998. – 335 с.; Он же Этничность и федерализм: возможность сочетания или тотальная несовместимость // Политэкс. - 2008. - Т.4, №2. - С. 5-27.

²⁸ Тишков В. А. . Этнология и политика. Научная публицистика - Москва, 2001. – 240 с.; он же Федерализм и национализм в многонациональном государстве // Межнациональные отношения в России и СНГ. – Москва, 1995. - Вып. 2. - С. 157-172; он Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. Москва, 1997. - С. 15-43; он же От федерализма до сепаратизма, или как превратить «национальный очаг» в большой международный пожар // Российская федерация сегодня. - 1999. - № 22. - С. 49-51.

²⁹ Ноженко М., Стародубцев А. Одна научная загадка, или почему губернаторы так легко согласились с Президентом? // Федерализм и российские регионы. - Москва, 2006. - С. 55-77

³⁰ Гельман В., Попова Е. Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России // под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. - Санкт-Петербург ; М. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге : Летний сад, 2003. – С. 187-254.

³¹ Мелешкина Е.Ю. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / ред. М. В. Ильин, И. М. Бусыгина. - М., 1999. – С. 126-137.

³² Ноженко М., Белокурова Е. Северо-Запад России: регион или регионы? Санкт-Петербург: НОРМА, 2010. – 164 с.

³³ Назукина М.В. Структурные уровни региональной идентичности в современной России // Регионология. - 2011. - №4. - С. 13-19

³⁴ Малякин И. Региональная мифология: три возраста // Pro et Contra. - 2000. - № 1. - С. 109-122.

региональная символика (Ю. Перфильев³⁶, Р. Туровский³⁷), сочетание этнической, региональной и общегражданской идентичности (В. Ачкасов³⁸, Р. Брубейкер³⁹, М. Губогло⁴⁰, Л. Дробижева⁴¹). Кроме этого, существует большое количество работ, посвященных анализу формирования региональной идентичности в конкретных регионах (В. Ачкасов⁴², М. Крылов⁴³, С. Рыженков и др.⁴⁴, Л. Сагитова⁴⁵, И. Башмаков⁴⁶ и др.). Попытки типологизации региональной идентичности в России предпринимались М. Назукиной⁴⁷, Н. Петровым⁴⁸.

Помимо этого в политологии и других социальных науках накоплен богатый опыт исследований политики идентичности. В первую очередь речь идет об анализе новых общественных движений, где под политикой идентичности понимается деятельность социальных групп, направленная на

³⁵ Нечаев В.Д. Региональный миф в процессе становления российского федерализма // Полития. - 1999. - № 11. - С. 48-72

³⁶ Перфильев Ю. Региональная символика: в поисках идеологии // Регионы России в 1999 г.: ежегодное приложение к «Политическому альманаху России» / под ред. Н. Петрова. М., 2001. С. 324-337

³⁷ Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей. М., 1999. С. 87-136

³⁸ Ачкасов В.А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т.2. Вып. 1. С. 131-143

³⁹ Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012

⁴⁰ Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., 2003; Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А.Тишкова /сост. М.Н.Губогло, Н.А.Дубова. М., 2011

⁴¹ Дробижева Л. Российская, этническая и республиканская идентичность: конкуренция или совместимость // Гельман В., Хопф Т. (ред) Центр и региональные идентичности в России. СПб, 2003, 47-76

⁴² Ачкасов В. А. Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «каленинградский казус» [Электронный ресурс] / В. А. Ачкасов. – Электрон. ст. - [Санкт-Петербург]. – URL: <http://www.politex.info/content/view/90/30/>, свободный. – Аналог печат. изд. (Политекс. – 2005. - № 1). – (9.12.2013).

⁴³ Крылов М. Региональная идентичность в историческом ядре европейской России [Электронный ресурс] / М. Крылов. – Электрон. ст. - URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/027/663/1216/002-1.pdf>, свободный. – Аналог печат. изд. (Социс. – 2005. - № 3). - (21.01.2014).

⁴⁴ Политика и культура в российской провинции : Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская обл. / Михаил Жеребятьев [и др.] ; под ред. С. Рыженкова, Г. Люхтерхандт-Михалевой (при участии А. Кузьмина) ; Междунар. ин-т гуманист.-полит. исслед. - Москва ; Санкт-Петербург : Летний сад, 2001. - 253 с

⁴⁵ Сагитова Л. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере республики Татарстан) // Центр и региональные идентичности в России / ред. В. Гельман, Т. Хопф. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 77-124

⁴⁶ Башмаков И.С. Региональная идентичность в политической жизни Краснодарского края: ход формирования посредством символической политики власти [Электронный ресурс] / И. Башмаков. – Электрон. ст. – URL: <http://teoria-practica.ru/-1-2012/politics/bashmakov.pdf>, свободный. – Аналог печат. изд. (Теория и практика общественного развития. - 2012. - №1.). – (9.12.2013)

⁴⁷ Назукина М Региональная идентичность в России: типологический анализ [Электронный ресурс] : автореферат диссертации. – Электрон. дан. - Пермь, 2009. – URL : http://identityworld.ru/load/poisk_po_alfavitu/n/nazukina_mv_regionalnaja_identichnost_v_sovremennoj_rossii_tipologicheskij_analiz_perm_2009/21-1-0-2, свободный. – (21.01.2014).

⁴⁸ Петров Н. Формирование региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / ред. В. Гельман, Т. Хопф. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 125-186

повышение статуса той или иной группы в обществе, или на переопределение ее места внутри культурной системы. Здесь следует выделить работы С. Ароновитц⁴⁹, М. Бернштейн⁵⁰, Е. Здравомысловой⁵¹, У. Кимлики⁵², Г. Миненкова⁵³, К. Калхуна⁵⁴, Дж. Ноуз⁵⁵, И. Семеновко, В. Лапкина и В. Пантина⁵⁶, Ч. Тэйлора⁵⁷.

Вторым важным направлением является рассмотрение территориальных политических идентичностей, в первую очередь, в рамках исследований регионализма и регионализации. Политика идентичности в данном случае выступает в качестве ключевого элемента формирования региональной идентичности и регионального сообщества. К работам подобного рода относятся исследования И. Барыгина⁵⁸, И. Бусыгиной⁵⁹, А. Вульфа⁶⁰, М. Китинга⁶¹, А. Макарычева⁶², И. Нойманна⁶³, М. Ноженко и Е. Белокуровой⁶⁴, С. Роккан и Д. Урвина⁶⁵, Б. Хеттне⁶⁶.

⁴⁹ Aronowitz S. *The Politics of Identity: Class, Culture, Social Movements*. New York: Routledge, 1992

⁵⁰ Bernstein M. *Identity Politics*. - *Annual Review of Sociology*, 2005, Vol. 31

⁵¹ Здравомыслова Е. «Солдатские матери»: мобилизация традиционной женственности // *Политическая наука*. – 2005. - №3. - С. 39-65; Здравомыслова Е. Политика идентичности правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» // *Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения: сборник статей / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой*. - Москва, 2009. – С. 120-136.

⁵² Kymlicka W. *Finding our way. Rethinking ethnocultural relations in Canada*, 2004. - 220 p

⁵³ Миненков Г. Политика идентичности: взгляд современной социальной теории // *Политическая наука*. 2005. №3. С. 21-28

⁵⁴ Calhoun C. *Social Theory and the Politics of Identity*. - *Social Theory and the Politics of Identity*, ed. by C. Calhoun, Blackwell, Oxford, UK, 1994; он же *Национализм*. М., 2006.

⁵⁵ Knouse J. *From Identity Politics to Ideology Politics*. - *Utah Law Reviews*, 2009, №3

⁵⁶ Семеновко И. С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // *Полис*. - 2010. - №3. - С. 40-59

⁵⁷ Taylor Ch. *The politics of recognition // Multiculturalism and the «Politics of recognition» / A. Gutmann (ed.)*. - Princeton, N.Y.: Princeton univ. press. 1992. - P. 25-73

⁵⁸ Барыгин И.Н., Ланко Д.А., Фофанова Е.А. Регион как инструмент мира: анализ балтийского академического дискурса // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*. - 2005. - №3. - С. 100-111

⁵⁹ Бусыгина И.М. Концептуальные основы европейского регионализма // *Регионы и регионализм в странах Запада и России / отв. ред. Р.Ф. Иванов*. М., 2001. С. 7-15

⁶⁰ Вульф Д. *Изобретая Восточную Европу*. М., 2004

⁶¹ Keating M. *The new regionalism in Western Europe: territorial restructuring and political change*. UK, USA: Edward Elgar, 2003; Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // *Логос*, 2003, № 6, С. 67-116

⁶² Макарычев А. С. Регионализм и региональная культурная идентичность [Электронный ресурс] / А. Макарычев. – Электрон. ст. - URL: <http://www.crimea.edu/internet/Education/notes/edition11/n01102.html>, свободный. - (10.09.2013).

⁶³ Нойманн И. *Использование «другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей*. М. 2004

⁶⁴ Ноженко М., Белокурова Е. *Северо-Запад России: регион или регионы?* СПб: НОРМА, 2010

⁶⁵ Роккан С., Дерек У. *Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму*. Логос. - 2003. - № 6 (40). - С. 117-132

⁶⁶ Hettne V. *Europeanization of Europe: endogenous and exogenous dimensions // European Integration*. 2002, Vol.

Среди отечественных работ, посвященных анализу политики идентичности, следует выделить двухтомник «Политическая идентичность и политика идентичности»⁶⁷, в котором представлены дефиниции ключевых категорий теории идентичности, а также изложены результаты исследований политики идентичности на самых разных уровнях. Кроме этого следует отметить монографию В. Ачкасова⁶⁸, посвященную анализу политики идентичности в мультиэтнических государствах, к которым относится и Российская Федерация. На основе анализа теорий этничности и идентичности, автор доказывает сложность и противоречивость процесса национального строительства в России и показывает его связь с проблемой безопасности.

Несмотря на довольно большой наработанный материал, на данный момент в публикациях отечественных политологов не были предприняты попытки теоретического анализа формирования региональной идентичности в субъектах России с учетом специфики политики идентичности в регионах. В этой связи наиболее целесообразным является критическое осмысление существующих теоретических подходов к определению политики идентичности, выявление специфических черт политики идентичности в регионах, а затем рассмотрение с их помощью процесса формирования и реализации политики идентичности в субъектах России.

Объект и предмет исследования

Объектом диссертационного исследования является политика идентичности в субъектах Российской Федерации. Предметом – формирование и реализация политики идентичности в Республике Карелия.

Цель и задачи диссертационного исследования. Основной целью данного исследования является выявление особенностей политики идентичности в субъектах Российской Федерации на примере Республики Карелия.

24. №4.

⁶⁷ Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х тт. / отв. ред. И.С. Семенов. Редкол.: И.С.Семенов, В.В.Лапкин, Л.А.Фадеева. - Москва: РОССПЭН, 2012

⁶⁸ Ачкасов В. Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблемы безопасности Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2012. - 232 с.

Для достижения поставленной цели ставятся и решаются следующие научные задачи:

- определение теоретических оснований исследования политики идентичности и выявление ее составных компонентов;
- анализ специфики политики идентичности в регионах;
- выявление и анализ основных этапов формирования и реализации политики идентичности в регионах постсоветской России;
- анализ специфики формирования и реализации политики идентичности в Республике Карелия.

Методологические и теоретические основания исследовательской проблемы

В качестве теоретико-методологической основы анализа был использован конструктивистский подход. Конструктивизм предполагает рассмотрение социальной реальности как конструкта, результата воздействия дискурсивных практик различных социальных и политических акторов. Политика идентичности в данном случае понимается как способ «реализации дискурсивных ходов в формировании общеевропейских, региональных и национальных идентичностей»⁶⁹. Основным *методом анализа* данного диссертационного исследования является качественный анализ законодательных актов, официальных документов, материалов прессы и текстов экспертных интервью. Эмпирическую базу исследования составили тексты 16 экспертных интервью⁷⁰, публикации в региональных средствах массовой информации с 1990 по 2013 гг., официальные выступления представителей политической элиты республики. Интервью проводилось с представителями политической элиты, которые в своей деятельности связаны с формированием и реализацией политики идентичности, а также с представителями общественных организаций. Основное внимание в интервью

⁶⁹ Нойманн И. Указ. соч. С. 271

⁷⁰ Часть интервью была собрана в рамках реализации исследовательского проекта «Формирование Северо-Западной идентичности и политико-экономическая интеграция субъектов РФ», осуществленного Центром европейских исследований Европейского университета в Санкт-Петербурге.

уделялось практикам конструирования и содержанию образа «мы-сообщества» органами государственной власти Карелии.

Хронологические рамки исследования 1990 – 2013 гг. Нижняя граница обусловлена проведением первых демократических выборов Совета народных депутатов РСФСР и начавшимися преобразованиями в сфере территориального устройства России. Выбор верхней границы связан с принятыми на федеральном уровне документами, касающимися формирования национальной идентичности, а также изменениями во взаимоотношениях между центром и субъектами федерации.

Научная новизна работы определяется полученными результатами и заключается в том, что:

1. выявлены специфические черты политики идентичности в регионах, связанные с особенностью функционирования региональных политических сообществ в рамках субъекта федерации;
2. проведено важное теоретическое разграничение между «эксклюзивным» и «инклюзивным» типами региональной идентичности, дано описание каждого из указанных типов;
3. процесс формирования региональной идентичности рассматривался с учетом специфики политики идентичности в регионах;
4. на основе разработанной теоретической модели выявлены и проанализированы основные этапы формирования и реализации политики идентичности в регионах постсоветской России;
5. выявлена и доказана (на примере Республики Карелия) взаимосвязь между проводимой региональными элитами политикой идентичности и характером взаимоотношений между Центром и регионами в России, с одной стороны, и деятельностью федерального правительства по формированию общенациональной идентичности, с другой стороны.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Политика идентичности определяется как деятельность политических акторов по формированию как представлений о «мы-сообществе», так и чувства принадлежности к нему в границах политического сообщества. Целью политики идентичности является укрепление позиций и легитимация властвующих институтов. Основные направления политики идентичности — это символизация пространства, ритуализация принадлежности к политическому сообществу, формирование образа «мы-сообщества» и установление границ «свой» - «чужой».
2. Специфика политики идентичности в регионах обусловлена особенностями статуса региона как составной части национального государства. Деятельность региональных политических элит по формированию и реализации политики идентичности во многом связана с необходимостью сочетания региональной идентичности с общегосударственной идентичностью. Политика идентичности в регионах может быть направлена на формирование двух типов региональной идентичности: эксклюзивной и инклюзивной. Эксклюзивная идентичность предполагает формирование представлений о региональном «мы-сообществе», которое противопоставляется национальному сообществу. Инклюзивная идентичность, напротив, направлена на гармонизацию представлений о региональном и национальном сообществах, регион рассматривается как часть более крупного сообщества.
3. На формирование политики идентичности в регионах постсоветской России большое влияние оказывал характер взаимоотношений между федеральным центром и регионами, а также деятельность общегосударственных органов управления, направленная на формирование общенациональной идентичности. Формирование ассиметричной федерации привело к появлению в регионах двух типов региональной идентичности. Среди факторов, определявших

выбор региональными элитами той или иной стратегии, можно выделить статус региона, долю титульного населения, близость или удаленность от федерального центра, экономические характеристики и тип политического режима региона. Эксклюзивная идентичность в большей степени была характерна для национальных республик и географически отдаленных субъектов федерации, тогда как административно-территориальные образования чаще демонстрировали формирование инклюзивной идентичности. Изменение характера взаимоотношений между федеральным центром и регионами в 2000-е гг. привело к трансформации политики идентичности, при которой доминирующей стратегией региональных элит стало формирование инклюзивной идентичности.

4. Анализ процесса формирования и реализации политики идентичности в Республике Карелия показал, что в регионе доминировала стратегия создания инклюзивной идентичности. Во многом это было обусловлено преобладанием русского населения, экономической зависимостью республики от федерального центра, а также полицентричным характером политического режима. Статус национальной республики и ее приграничное положение являлись дополнительными ресурсами, позволяющими артикулировать уникальность Карелии в составе Российской Федерации, однако, они не были как предметом торга с центральными органами управления за дополнительные полномочия, так и основой для формирования эксклюзивной идентичности.

Научная и практическая значимость исследования данного исследования определяется теми возможностями, которые открывает для дальнейших исследований предложенный в диссертации теоретический подход к изучению специфики политики идентичности в регионах. Собранный и систематизированный в диссертации материал и основные выводы работы могут быть использованы при разработке учебных курсов, книг и пособий по

политологии, политической регионалистике, современной российской политике и другим смежным дисциплинам.

Апробация основных результатов исследования. Основные результаты исследования были представлены на конференциях и летних школах:

1. Всероссийская научно-практическая Интернет-конференция «Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы» (декабрь 2013 года);
2. Международная научная конференция «Город невест? Брендинг территории и региональные идентичности» (Иваново, сентябрь 2013 года);
3. VI Всероссийская Ассамблея молодых политологов (Пермь, апрель 2013 года)
4. Методологический семинар по сравнительным исследованиям в политической науке (Санкт-Петербург, февраль 2012 года)
5. V Всероссийская Ассамблея молодых политологов (Пермь, апрель 2012 года)
6. 5-ая летняя школа для аспирантов «Исследования Европейского Союза: методологические возможности и ограничения» (Санкт-Петербург, июнь 2011 года).

По теме диссертации опубликовано шесть работ, которые отражают основные результаты проведенного исследования.

Структура диссертации

Поставленные в диссертационном исследовании цели и задачи определяют логику изложения материала и структуру работы. Так, **первая глава** диссертации посвящена анализу категории «политика идентичности» и выявлению ее составных компонентов. Во **второй главе** основное внимание уделяется анализу специфики политики идентичности в регионах. В ней сделано предположение о наличии взаимосвязи между формированием и реализацией политики идентичности в регионах и характером

взаимоотношений между федеральным центром и субъектами РФ. **Третья глава** представляет собой анализ конкретного случая Республики Карелия.

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования политики идентичности

§ 1.1. Политика идентичности: концептуализация понятия

Процесс формирования устойчивой идентификации индивидов с определенного рода сообществом или социальной группой в исследовательской литературе получил название «политика идентичности». Однако следует отметить, что единой трактовки данного понятия не существует. Так, термин «политика идентичности» употребляется в связи с формированием территориальной идентичности жителей разных регионов (от субъектов федераций до макро-образований, например, Европейского Союза)⁷¹. В то же время, зачастую это же понятие используют при анализе общественных движений для обозначения процесса оформления общих идеологических установок членов движения⁷². В первом случае политика идентичности рассматривается как проект политического конструирования, предпринимаемый политическими элитами, а во втором – как процесс, в который включены социальные группы, борющиеся за признание новой или изменение существующей идентичностей⁷³.

Первоначально термин «политика идентичности» использовался для описания деятельности угнетенных ранее социальных групп, борющихся за изменение своего положения в обществе. Как отмечает М. Бернштейн, в академический дискурс термин «политика идентичности» был введен в 1979 г. Р. Анспачем (Anspach), который рассматривал его как процесс изменения людьми с ограниченными возможностями самопрезентации и общественного

⁷¹ Одними из первых термин «политика идентичности» применительно к территориальным сообществам употребили С. Роккан и Д.В. Урвин (The Politics of Territorial Identity. Studies in European Regionalism / Edited by STEIN ROKKAN & DEREK W URWIN (SAGE Publications, 1982); см. также: Роккан С., Дерек У. Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму. - Логос, 6(40), 2003, с. 117-132; Keating M. The new regionalism in Western Europe: territorial restructuring and political change. UK, USA: Edward Elgar, 2003; European Identity. Ed. By Jeffrey T. Checkel and Peter J. Katzenstein. Cambridge University Press. 2009. 265 p.

⁷² См., напр.: Aronowitz S. The Politics of Identity: Class, Culture, Social Movements. New York: Routledge, 1992

⁷³ В исследовательской литературе нет общепринятого подхода к интерпретации термина «идентичность». О дискуссии об использовании категории «идентичность» в социальных науках см., напр.: Brubaker R., Cooper F. Beyond "Identity" // Theory and Society. 2000. Vol. 29, № 1; Особенности политической идентификации подробно освещены в: Попова О. В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб, 2002;

образа себя⁷⁴. В то же время часть исследователей относят появление данного термина к деятельности The Combahee River Collective⁷⁵ в 1970-е гг., группы, которая описывала себя как «приверженцев борьбы против расового, сексуального, гетеросексуального и классового подавления»⁷⁶. В любом случае большинство исследователей сходятся в том, что возникновение политики идентичности стало возможным только в качестве реакции на либеральную демократию, которая была изначально ориентирована исключительно на белых, трудоспособных и гетеросексуальных граждан, прежде всего — мужчин.

В дальнейшем термин «политика идентичности» использовался для объяснения этничности как современной формы политики⁷⁷, формы критической педагогики⁷⁸, а также для описания деятельности общественных движений, формирующих культурные идентичности своих членов⁷⁹. В середине 1990-х гг. понятие «политики идентичности» использовалось для описания этнических конфликтов, и сопоставлялось с национализмом⁸⁰.

Приведенные примеры использования термина в самом общем виде сводятся к пониманию политики идентичности как «политической деятельности групп идентичности»⁸¹. Однако, как пишет Дж. Ноуз, такая трактовка не может быть использована в научном анализе, поскольку не позволяет определить ни характеристики групповой идентичности, ни природу политической активности группы. Таким образом, важным аспектом изучения политики идентичности становится определение групп идентичности, то есть тех социальных групп, от имени которых

⁷⁴ Bernstein M. Identity Politics. - Annual Review of Sociology, 2005, Vol. 31, p. 47

⁷⁵ Организация темнокожих феминисток-лесбиянок, базирующаяся в Бостоне в 1974-1980 году. Более подробную информацию о деятельности движения можно найти на: http://en.wikipedia.org/wiki/Combahee_River_Collective

⁷⁶ Knouse J.. From Identity Politics to Ideology Politics. - Utah Law Reviews, 2009, №3, p. 751

⁷⁷ Ross JA. Urban development and the politics of ethnicity: a conceptual approach. - Ethnic and Racial Studies, 1982, 5(4), pp. 440-456

⁷⁸ Bromley H. Identity Politics and critical pedagogy. - Educational Theory, 1989, 39(3), pp. 207-223

⁷⁹ Connolly C. Splintered sisterhood: antiracism in a young women's project. - Feminist Review, 1990. 36 (Autumn), pp. 52-64

⁸⁰ Bernstein M. Identity Politics. - Annual Review of Sociology, 2005, Vol. 31, p. 47

⁸¹ Knouse J. From Identity Politics to Ideology Politics. - Utah Law Reviews, 2009, №3

осуществляется «борьба за признание»⁸². Другими словами, необходимо ответить на ряд вопросов, таких как: кто является основным участником политики идентичности? Как мы можем определить группу идентичности? Чем такие группы принципиально отличаются от других социальных групп?

Дж. Ноуз выделяет три основных типа социальных групп: феноменологические группы, группы идентичности и идеологические группы. К феноменологическим группам относятся группы, сформированные на основе анатомических и квази-анатомических признаков⁸³. Например, группы людей, объединенных одним цветом глаз или схожими политическими представлениями. Группы идентичности представляют собой только те феноменологические группы, которые ассоциируются с культурными нормами, определяющими уровень политической власти (или полное отсутствие таковой) у ее членов. В качестве иллюстрации группы идентичности можно привести темнокожих людей в Америке, которые на протяжении долгого времени не обладали политической властью из-за доминирующих представлений о превосходстве белой расы. Наконец, идеологические группы — это объединение людей на основе не анатомических признаков, а философских воззрений или систем верований. К последним Дж. Ноуз относит движение феминисток или пацифистов⁸⁴. Таким образом, по мнению Дж. Ноуз, основными агентами политики идентичности выступают те социальные группы, положение которых в социальной структуре вызывает недовольство у ее членов.

При этом автор выделяет три условия, необходимых для формирования групп идентичности. Так, нужна осведомленность членов группы о различии, неравенстве и субординации. Дж. Ноуз подчеркивает, что американские племена стали определять себя как группу только после того, как начали

⁸² Миненков Г. Политика идентичности с точки зрения современной социальной теории. - Политическая наука. - 2005. - №3. - С. 25

⁸³ Дж. Ноуз предлагает рассматривать индивидов как носителей трех групп признаков: анатомических (цвет глаз, волос, кожи или половая принадлежность), квази-анатомических (политическая направленность, сексуальная ориентация, определенные ограниченные способности) и не-анатомических (связанные с поведением, внешним видом итд)

⁸⁴ Knouse J. From Identity Politics to Ideology Politics. - Utah Law Reviews, 2009, №3, pp. 759-761

обращать внимание на другие племена. До этого они называли себя просто людьми. Знание о различиях, в свою очередь, приводит к появлению знания о неравенстве, которое создает привилегированные и подчиненные группы, как это происходило с темнокожим населением Америки. Именно группы, осознающие себя в качестве подчиненных по отношению к доминирующим нормам, и становятся в итоге группами идентичности⁸⁵.

Опираясь на такое понимание групп идентичности, Дж. Ноуз уточняет определение политики идентичности. Политика идентичности рассматривается им как политическая деятельность групп идентичности, то есть групп, объединенных общими признаками и занимающих подчиненное положение в культурной системе, и диктующих идеологию своим членам⁸⁶.

Такое широкое толкование политики идентичности находит различные интерпретации в ряде методологических подходов, существующих в научной литературе. Исторически первым из них является неомарксистский подход, основанный на макроанализе экономической структуры общества. С точки зрения приверженцев данного подхода, источником политики идентичности является существующее классовое неравенство, подразумевающее эксплуатацию и подавление одного класса другим. Главными же агентами социальной жизни служат активисты угнетаемого класса, которые пытаются преодолеть экономическое неравенство и изменить социальную структуру⁸⁷. Другими словами, политика идентичности рассматривается как «особая политическая практика»⁸⁸, деятельность по изменению социальной структуры с целью повышения статуса группы, прежде всего экономического.

Формирование новых общественных движений в 1960-1970-х гг. привело к появлению иной интерпретации политики идентичности. Несмотря на то, что представители этого подхода напрямую не использовали язык политики идентичности, именно они обратили особое внимание на роль

⁸⁵ Knouse J. From Identity Politics to Ideology Politics. - Utah Law Reviews, 2009, №3, p. 765-766

⁸⁶ Ibid. P. 761

⁸⁷ Bernstein M. Identity Politics. - Annual Review of Sociology, 2005, Vol. 31 p. 49

⁸⁸ Knouse J. From Identity Politics to Ideology Politics. - Utah Law Reviews, 2009, №3

идентичности в деятельности общественных движений, где она выступает главным механизмом мобилизации участников⁸⁹. Идентичность при этом рассматривается преимущественно в культурных терминах как конструирование «смысла на основе определенного культурного свойства, или соответствующей совокупности культурных свойств, которые обладают приоритетом по отношению к другим источникам смысла»⁹⁰.

Источником политики идентичности в данном случае является «ошибочная» позиция группы внутри (доминирующей) культуры⁹¹, то есть восприятие группой своего положения как подчиненного по отношению к доминирующим культурным нормам. А политика идентичности понимается как деятельность по переопределению места группы внутри культурной системы. Содержание политики идентичности при этом включает в себя «сознательное конструирование коллективной идентичности, направленное на улучшение позиции в поле»⁹². Соответственно, основными агентами политики идентичности в рамках концепции новых общественных движений являются группы «с особым социальным положением, до настоящего времени отрицавшихся или преследуемых», которые разрабатывают «набор политических проектов» для изменения своего положения⁹³.

Определение политики идентичности как деятельности по изменению культурной системы зачастую используется в теориях мультикультурализма и приравнивается к понятию «политика различия» и/или «политика признания»⁹⁴. Как отмечает Г. Тернборн, политика идентичности являлась следствием борьбы за институциональное равенство «прежде дискриминированных, маргинализированных и часто презираемых этнических групп», которая получила распространение в США, Канаде,

⁸⁹ Здравомыслова Е. Политика идентичности правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» // Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения: сборник статей / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. - Москва, 2009. - с. 121

⁹⁰ Миненков Г. Указ. соч. с. 22

⁹¹ Knouse J. From Identity Politics to Ideology Politics. - Utah Law Reviews, 2009, №3, p. 750

⁹² Здравомыслова Е. Политика идентичности... с. 121

⁹³ Identity Politics. - Stanford Encyclopedia of Philosophy, Fall 2002 edition, <http://plato.stanford.edu/archives/fall2002/entries/identity-politics/>, (обращение 1.12.2011)

⁹⁴ Тернборн Г. Мультикультурные общества // Социологическое обозрение. - 2001. - №1. - С. 50-67.

Австралии и Новой Зеландии⁹⁵. Подобные группы выступали против господствовавших в Америке ценностей доминирования мужчин, европоцентризма и т.д., ставили под сомнение «специфический вид монокультурности или культурной гегемонии на данной территории». При этом «ни о расколе, ни об учреждении альтернативных законов или правления речи не шло»⁹⁶. «Борьба за признание» осуществляется в рамках «особого поля общей релевантности», внутри которого разные группы артикулируют различия при выдвижении схожих притязаний⁹⁷. Как показывает Т. Гитлин, в мультикультурном пространстве политика идентичности, ориентированная прежде всего на проблематику расы, класса и гендера, «была направлена на внутреннюю гомогенизацию конкретных сообществ»⁹⁸.

Другими словами, в рамках описанных ранее подходов политика идентичности рассматривается как особая политическая практика, связанная с борьбой за символические (властные) ресурсы. Как подчеркивает Г. Миненков, политика идентичности — это, прежде всего, «борьба теоретическая и социально-политическая, а не просто объединение в группы по интересам, борьба, связанная с разрушением прежних легитимаций и поиском признания и легитимности, а иногда и власти, а не только возможностей для самовыражения и автономии»⁹⁹.

Однако, как указывает О. Малинова, политику идентичности проводят не только социальные группы, но и все современные государства с целью интеграции «стоящих за ними сообществ, на поощрение солидарности, формирование определенного представления о “Нас”, опирающегося на те или иные интерпретации истории и культуры»¹⁰⁰. Подобное использование термина «политика идентичности» стало возможным благодаря

⁹⁵Тернборн Г. Указ. соч. С. 52

⁹⁶ Там же. С. 52

⁹⁷ Миненков Г. Указ. соч., с. 25

⁹⁸ Там же. С. 26

⁹⁹ Там же. С. 24

¹⁰⁰ Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России [Электронный ресурс] – Электрон. ст. – URL : <http://www.politex.info/content/view/662/30/>, свободный. - Аналог печат. изд. (ПОЛИТЕКС. – 2010. - № 1). – (21.01.2014).

распространению конструктивистского подхода в социальных науках, основатели которого, П. Бергер и Т. Лукман, определяют идентичность в качестве ключевого элемента субъективной реальности, формирующегося посредством социальных процессов¹⁰¹. Конструктивизм рассматривает идентичность не как нечто, создаваемое в лабораториях, но как то, что отражается «в конкретных социальных практиках», которые являются «взаимодействием смыслов, которые мы вкладываем в социальные действия»¹⁰².

Наибольшее распространение конструктивистский подход получил в рамках исследований наций и национализма. В работах Б. Андерсона¹⁰³, Э. Гидденса¹⁰⁴, Э. Хобсбаума¹⁰⁵ процесс формирования национальных государств рассматривался как результат деятельности политических акторов, использующих государственные институты для конструирования политического сообщества. Однако, как отмечает М. Ноженко, национализм¹⁰⁶ являлся не только продуктом деятельности политических институтов, но и следствием политики идентичности¹⁰⁷. Последняя в данном случае определяется как «совокупность ценностных ориентиров, практик и инструментов формирования и поддержания национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности»¹⁰⁸. Цель проводимой политики идентичности сводилась к формированию в границах государства чувства принадлежности к национальной общности («мы-сообществу»).

¹⁰¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности, М., 1995, с. 279

¹⁰² Миненков Г. Указ. соч. С.26

¹⁰³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001

¹⁰⁴ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; он же Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм / пер. с англ. Л. Е. Переяславцевой, М. Б. Гнедовского, пер с нем. М. С. Панина. - Москва : Праксис, 2002. – С. 146-200.

¹⁰⁵ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб, 1998; он же Изобретение традиций // Вестник Евразии. - 2000. - №1. - С. 47-62.

¹⁰⁶ Национализм в данном случае понимается как процесс формирования национальных государств.

¹⁰⁷ Ноженко М. Национальные государства в Европе. СПб: Норма, 2007. С. 94

¹⁰⁸ Семененко И.С. Политика идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. М.: РОССПЭН, 2012. С. 165

О. Малинова предлагает рассматривать политику идентичности современных государств как составную часть символической политики, под которой понимается деятельность политических акторов, направленная на «производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих»¹⁰⁹. Главным, хотя и не единственным, актором в поле политики идентичности является государство, обладающее специфическими ресурсами (прежде всего речь идет об обладании всей полнотой власти, то есть суверенитете, а также о праве на принуждение). Так государство способно навязывать «поддерживаемые им способы социальной реальности с помощью властного распределения ресурсов (например, при утверждении образовательных стандартов)»¹¹⁰. Кроме этого, государственные институты имеют возможность нормативно устанавливать правила принадлежности к сообществу посредством введения института гражданства и правил натурализации. Наконец, на международной арене политические лидеры государств выступают от имени всего национального сообщества, провозглашая себя выразителями интересов всех его членов.

Национальные элиты могут проводить политику идентичности не только внутри государства, но и в рамках более масштабных сообществ. Подобное понимание политики идентичности можно встретить в работе И. Нойманна «Использование Другого. Образы Востока в формировании европейских идентичностей». В ней автор уделяет особое внимание анализу процессов формирования представлений о Северной и Центральной Европе, которые рассматриваются в качестве (суб)регионов. И. Нойманн формулирует подход построения регионов (*region-building approach*), в котором последние рассматриваются как воображаемые сообщества, наряду с национальными государствами. Ключевую роль в процессе подобного воображения играют политические элиты национальных государств, входящих или стремящихся к вхождению в состав (суб)региона. Такие элиты

¹⁰⁹ Малинова О. Указ. соч.

¹¹⁰ Там же

«в рамках некоего политического проекта считают, что в их интересах – вообразить некую пространственную и временную идентичность для определения региона»¹¹¹. Политика идентичности при этом рассматривается как деятельность по созданию региона, с помощью которой «участники пытаются сформировать свой образ»¹¹². И. Нойман показывает, что регионы оказываются продуктом борьбы различных интерпретаций, которые «борются и сталкиваются друг с другом, деконструируют и вытесняют одна другую»¹¹³.

Однако, как показывает И. Семененко, государство является только одним из участников политики идентичности. В ее формирования и реализацию вовлечены также и «гражданские организации и гражданские институты, интеллектуальные сообщества и экспертные структуры, институты социальной сферы и культуры, СМИ, бизнес, органы местного самоуправления, сами граждане»¹¹⁴. Помимо этого наряду с государством агентами политики идентичности могут выступать и другие «политические предприниматели, прежде всего принадлежащие к различным сегментам элит»¹¹⁵. Чаще всего речь в данном случае идет о политике идентичности, разворачивающейся внутри региональных политических сообществ.

Так, французский регионализм XIX века во многом опирался на интеллектуалов, выступавших против модернизации и секуляризации государства. Экономические элиты в наиболее развитых регионах Европы (Баден-Вюртемберг, Фландрии, Каталонии) в XX веке также становились ключевыми агентами проводимой в них политики идентичности, требуя больше экономической и политической самостоятельности для региона.

¹¹¹ Нойманн И. Использование Другого. Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М. : Новое издательство, 2004. – С. 159

¹¹² Там же. С. 198

¹¹³ Там же. С. 188

¹¹⁴ Семененко И.С. Национальные практики формирования гражданской идентичности: опыт сравнительного анализа // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.). Редколлегия сборника: И.С. Семененко (отв. редактор), Л.А. Фадеева (отв. редактор), В.В. Лапкин, П.В. Панов. М., ИМЭМО РАН, 2011. С. 101

¹¹⁵ Гельман В., Попова Е. Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России - Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана, Т. Хопфа. – СПб, М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, Летний сад, 2003, с. 190

Помимо этого, агентами политики идентичности были и региональные политические партии. Например, в Шотландии и Стране Басков именно политические партии являлись основными проводниками идеи региональной независимости¹¹⁶.

Подобные исследования стали следствием происходящих в Западной Европе процессов регионализации, связанных с интернационализацией территориальных экономик, а также с «ростом усилий по мобилизации периферии, регионов и даже районов, направленных против центра, и утверждение меньшинствами требований культурной автономии и полномочий в принятии решений, касающихся данной территории»¹¹⁷. В результате регионализации в регионах Западной Европы возникли политические движения, которые идентифицировали себя с территориями и группами, не совпадающими с государственными границами и национальными популяциями, и предъявляющими претензии к центральной власти от их имени¹¹⁸. Региональные политические сообщества при этом стали рассматриваться не как данность или памятник истории, но как результат политики идентичности, социальный конструкт, постоянно создаваемый и пересоздаваемый¹¹⁹.

В рамках исследований региональной идентичности В. Гельман и Е. Попова рассматривают политику идентичности как «деятельность региональных элит по управлению информационной средой в целях создания у потребителей информационных потоков внутри и вовне региона желаемого представления о самом регионе, о самих себе в регионе и о месте региональных элит в прошлом, настоящем и будущем региона»¹²⁰. Используя метафору Р. Патнэма, авторы предлагают понимать политику идентичности как «игру на двух уровнях»: она адресована не только «внутри региона», но и

¹¹⁶ Keating M. The new regionalism in Western Europe: territorial restructuring and political change. UK, USA: Edward Elgar, 2003, pp. 105-107

¹¹⁷ Роккан С., Дерек У.. Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму. - – Логос. - 2003. - № 6 (40). - С. 119

¹¹⁸ Там же. С. 124

¹¹⁹ Keating M. Op. cit. P. 109

¹²⁰ Гельман В., Попова Е. Указ. соч., с. 192

вовне его. Поскольку политические акторы заинтересованы не только в электоральной поддержке, но и притоке «в регион извне доступных... ресурсов в тех или иных формах (от привлечения инвестиций до получения налоговых льгот или поддержке на выборах со стороны влиятельных общероссийских акторов)».¹²¹ Другими словами, политика идентичности определяется как целенаправленная деятельность политических элит по формированию представлений о политическом сообществе с целью «легитимации региональных властных институтов вне и внутри региона»¹²².

Вслед за М. Китингом, можно выделить три основных элемента региональной идентичности: когнитивный, аффективный и инструментальный. Когнитивный компонент включает в себя распространение знания о существовании сообщества, его границах и отличительных чертах, а также знания о существовании других сообществ. Это знание, как правило, инкорпорируется в систему ритуалов, практик и культурных символов, которые транслируются среди членов сообщества. Как отмечает Е. Здравомыслова, когнитивная работа агентов политики идентичности заключается «в создании и распространении такой интерпретации событий ... которая способствует мобилизации». При этом необходимо, чтобы предлагаемые акторами интерпретации «соответствовали представлениям ... и находили отклик в общественном сознании, то есть резонировали с коллективными представлениями»¹²³. Это предполагает, что когнитивный аспект политики идентичности является постоянным процессом, а не разовым действием.

Аффективный компонент подразумевает чувства и эмоции, испытываемые людьми по отношению к сообществу, а также способ интерпретации имеющихся знаний о нем. Он также позволяет определить, насколько эмоциональное отношение к сообществу служит базой для общей

¹²¹ Гельман В., Попова Е. Указ. соч. С. 192.

¹²² Мелешкина Е. Региональная идентичность ... С. 26.

¹²³ Здравомыслова Е. Политика идентичности ... С. 123.

идентичности и солидарности, особенно по отношению к другим основам идентичности, таким как класс или нация.

Наконец, инструментальный компонент может как включать в себя коллективные действия, связывающие членов группы в единое целое, когда речь идет об общественных движениях, так и отвечать на вопрос, используют ли политические элиты сообщество в качестве основы для мобилизации и коллективных действий при достижении собственных целей (будь то требования региональной автономии или повседневные задачи)¹²⁴. Другими словами, инструментальный компонент идентичности позволяет определить, каким образом идентичность используется в качестве ресурса легитимации для политической элиты.

Можно сказать, что политика идентичности чаще всего связана с формированием легитимирующей идентичности, которая используется господствующими институтами для расширения и рационализации своего превосходства над социальными акторами. Она направлена на «упорядоченную последовательность передачи культурных кодов от поколения к поколению»¹²⁵. Задачей политики идентичности в данном случае является формирование представлений о «мы-сообществе», границы которого совпадают с границами действия политических институтов.

Однако, как указывает М. Кастельс, наряду с легитимацией политика идентичности может быть направлена и на формирование идентичности сопротивления и проективной идентичности. *Идентичность сопротивления* строит сообщество «на традиционных ценностях Бога, нации и семьи, возводя укрепления вокруг своего лагеря, созданного по этническому и территориальному признакам»¹²⁶. Опора идентичности сопротивления находится в ценностях сообщества, и не поддается напору глобальных тенденций. Она не вступает в контакт с государством, за исключением случаев борьбы и проведения переговоров с ним по поводу защиты своих

¹²⁴ Keating M. Op. cit.; Здравомыслова Е. Политика идентичности...

¹²⁵ Кастельс М. Могущество самобытности / В. Л. Иноземцева (ред.) Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.1999. С. 297

¹²⁶ Там же. С. 298

особых интересов и ценностей. Для данного типа идентичности характерно строго закрепленное деление на «своих» и «чужих». В данном случае политика идентичности направлена на отстаивание права на региональную идентичность, альтернативную общегосударственной. Подобная политика идентичности появляется в случае, когда государство активно навязывает единые ценности и нормы. В большей степени подобная стратегия характерна для регионов, образованных по национально-территориальному принципу.

Проективная идентичность (идентичность, устремленной в будущее) направлена на преобразование общества в целом с одновременным сохранением ценностей сопротивления доминирующим интересам. Как показывает М. Кастельс, проективная идентичность возникает не из «самобытности гражданского общества, а из развития ... идентичности сопротивления»¹²⁷. Она направлена на защиту своего пространства, на сохранение своей исторической памяти и утверждение непреходящего значения своих ценностей. Важнейшую роль здесь играют горизонтальные связи. Политика идентичности в данном случае, с одной стороны, будет иметь схожие черты с политикой идентичности сопротивления, а, с другой стороны, принципиально иную основу. Если в первом случае речь идет об этнических и/или религиозных ценностях, объединяющих людей, то в случае с проективной идентичностью подобным фактором может быть только общее пространство. В этом смысле стратегия проективной идентичности в большей степени будет опираться на изобретение традиций, нежели предыдущие два типа.

Итак, проведенный в параграфе анализ употребления термина «политика идентичности» показал, что сфера его использования достаточно широка: от анализа стратегий угнетенных социальных групп до целенаправленной деятельности политических элит при строительстве политических сообществ разных масштабов.

¹²⁷ Кастельс М. Указ. соч. С. 300

В качестве теоретико-методологической основы настоящего диссертационного исследования будет использоваться конструктивистский подход, позволяющий рассматривать политику идентичности как особую разновидность политической деятельности. При этом политика идентичности обладает определенной спецификой, что не позволяет относить ее в чистом виде ни к политической борьбе (politics), ни к политическому курсу (policy)¹²⁸. Так, она включает в себя элементы политической борьбы и так или иначе связана с распределением власти. С другой стороны, политика идентичности, как правило, не является самостоятельным политическим курсом, с декларируемыми целями, задачами и показателями результативности. Напротив, деятельность по формированию положительного образа сообщества является составной частью большого количества разных политических курсов (в области образования, культуры, национальной политики и т.д.). Поэтому процесс исследования политики идентичности включает в себя рассмотрение механизмов формирования образа сообщества, но не оценку эффективности подобного рода деятельности. Поскольку, как отмечает Э. Хобсбаум, «мы слишком мало знаем о том, что происходило прежде - и, если угодно, что происходит сейчас в умах и душах большинства относительно "бессловесных" мужчин и женщин, чтобы сколько-нибудь уверенно рассуждать об их мыслях и чувствах» по поводу институтов власти, «притязающих на их лояльность»¹²⁹.

Таким образом, политика идентичности в данной работе будет определена как деятельность политических элит по формированию как представлений о «мы-сообществе», так и чувства принадлежности к сообществу в рамках границ политического сообщества, будь то границы национального государства или региона. При этом основная цель политики идентичности заключается в обеспечении легитимности существующих властных институтов. Вопросу о том, каким образом политические элиты

¹²⁸ В документах государственных органов США понятие «identity policy» используется для обозначения системы мер, направленных на регулирование процесса сбора, хранения и защиты конфиденциальных данных.

¹²⁹ Хобсбаум Нации и национализм... С.125

формируют политику идентичности, будет посвящен следующий параграф диссертационного исследования.

§1.2. Компоненты политики идентичности

Данный параграф посвящен анализу основных элементов политики идентичности. Описанный ранее механизм формирования политики идентичности схож с механизмом «изобретения традиции»¹³⁰. Под изобретенной традицией Э. Хобсбаум понимает «совокупность общественных практик с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение»¹³¹. Он выделяет три типа изобретенных традиций: «традиции первого типа устанавливали или символизировали социальную связь, членство в группах, подлинных или искусственных общинах. Традиции второго типа вводили институты, статусы и отношения, обусловленные властью, придавали им “законную” силу. Главной задачей традиций третьего типа была социализация – запечатление в сознании верований, систем ценностей и правил поведения»¹³².

Политика идентичности включает в себя деятельность по изобретению традиций всех трех типов. Политические элиты должны не только сформировать представление о существующей общности в установленных границах, но и обеспечить легитимность властных институтов, а также распространение общих для всех членов сообщества ценностей. Другими словами, деятельность политических элит по изобретению традиций включает в себя два из описанных в предыдущем параграфе элемента идентичности: когнитивный и аффективный. В данном диссертационном исследовании речь идет, в первую очередь, о политических сообществах. В науке наиболее изученным типом политических сообществ является нация. Поэтому для описания элементов политики идентичности мы во многом будем опираться на исследования наций и национализма. Однако сделанные выводы релевантны и для других типов политических сообществ, в том числе, и региональных.

¹³⁰ Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. - 2000. - №1. - С. 47-62

¹³¹ Там же. С. 48

¹³² Там же. С. 56

Анализ исследовательской литературы позволил выделить четыре основных направления политики идентичности:

1. символизация пространства;
2. ритуализация принадлежности к сообществу;
3. формирование представлений о «мы-сообществе»;
4. установление границ «свой» - «чужой».

(1) Символизация пространства

Одним из главных элементов политики идентичности является символизация пространства, в границах которого действуют властные институты. Как показывает Э. Хобсбаум, «вместе с национальными движениями и государствами возникли и совершенно новые символы и эмблемы: государственные гимны, государственные флаги»¹³³. Официальные символы становятся теми инструментами, «посредством которых независимая страна заявляет о своей идентичности и суверенности»¹³⁴. Основная задача символов заключается в демонстрации особенностей сообщества. Кроме этого символы во многом демаркируют границы политического сообщества.

Выбор официальной символики имеет принципиальное значение для политики идентичности, поскольку позволяет сформировать историческую традицию, показать преемственность и объединить людей вокруг «нации и флага». Как показывает В. Ачкасов, «мотивированная политическая деятельность, направленная на вычленение старых и создание новых ... символов и образов», которые внедряются в «массовое сознание (через СМИ, выступления политиков, ученых), формирует принципиально новые задачи по конструированию политического пространства»¹³⁵. Символы должны вызывать устойчивую ассоциацию с сообществом, причем эта ассоциация включает в себя большую совокупность представлений о нем.

¹³³ Хобсбаум Э. Изобретение традиций... С. 54

¹³⁴ Там же. С. 58

¹³⁵ Ачкасов В. А. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. – СПб.: Изд-во С.-Петербург.ун-та, 2012. С. 207-208

Однако символизация пространства происходит и посредством того, что Э. Хобсбаум называет «святыми иконами». К ним он относит «изображения или практические действия... образы, имеющие собственное имя и отождествляемые с территориями ... периодические празднества или состязания», то есть все то, что может «придать осязаемую реальность той общности, которая в противном случае останется воображаемой»¹³⁶. В данном случае речь идет о памятниках природы (национальных парках, водопадах, водоемах и пр.), культуры (народные традиции и промыслы, праздники и т. д.), архитектуры. При этом необходимо указать, что если «символы исторические несут существенную идеологическую нагрузку и потому время от времени подвергаются ревизии, то символы природные, архитектурно-градостроительные и культурно-исторические, как правило, более устойчивы»¹³⁷. При этом подобные символы не должны замещать или конкурировать с официальными. Политические элиты сообщества, напротив, могут использовать уже существующие визуальные представления о территории, с тем, чтобы закрепить представление об ее границах. В частности, широко распространена практика тиражирования неофициальных символов территории путем помещения изображения на банкноты.

Установление памятников является еще одним способом символизации пространства, поскольку позволяет политическим акторам «изобретать» историю сообщества, апеллируя к тем или иным историческим фактам. Так как установление или снос памятников, памятных досок, мемориальных комплексов и т.д. относится к компетенции органов власти, то этот процесс каждый раз «проливает свет на отношение [власти] к прошлому. Ведь для узаконивания тех или иных действий и для того, чтобы укрепить групповую солидарность, все изобретенные традиции используют, насколько это им удастся, историю»¹³⁸.

¹³⁶ Хобсбаум Э. Нации и национализм... С. 115

¹³⁷ Петров Н. Указ. соч. С. 136

¹³⁸ Хобсбаум Э. Изобретение традиций... С. 59-60

Как пишет Г. Миненков, конструирование истории является проектом, селективно организующим «исторические события с точки зрения непрерывности их связи с современным субъектом», что позволяет создавать «привлекательную репрезентацию жизни, ориентированную на настоящее», то есть сформулировать “жизненную историю” сообщества в качестве акта самоопределения¹³⁹.

Однако простого нормативного закрепления символики недостаточно. Большую роль играет тиражирование символов. Как отмечает Э. Хобсбаум, повсеместное использование «обычных кусков цветной ткани, а именно флагов, в качестве символов» связывается с «особо знаменательными ритуальными действиями и важными событиями»¹⁴⁰. Символы, таким образом, должны, с одной стороны, вызывать у членов сообщества чувство гордости, а, с другой стороны, демонстрировать признание людьми существования политического сообщества.

(2) Ритуализация принадлежности к сообществу

Процесс символизации пространства тесным образом связан с ритуализацией принадлежности к сообществу, поскольку именно посредством официальных церемоний, регулярных празднеств и мероприятий члены сообщества начинают ощущать свою причастность к нему. По мнению Э. Хобсбаума, ситуации, напоминающие людям об их принадлежности к политическому сообществу «постоянно ассоциируются с символами и полуритуальными действиями»¹⁴¹. К такого рода ритуалам относятся установленные властями официальные мероприятия, праздники, в которые вовлекаются все члены сообщества, и которые призваны демонстрировать единство последнего. В качестве примера можно назвать празднование дня независимости государства, новогоднее обращение главы государства к гражданам и т.д.

¹³⁹ Миненков Г. Идентичность в политическом измерении [Электронный ресурс]. – Электрон. ст. – Минск, 2005. – URL: <http://nmnby.eu/news/analytics/414.html>, свободный. – (21.01.2014).

¹⁴⁰ Хобсбаум Э. Нации и национализм... С. 115

¹⁴¹ Хобсбаум Э. Изобретение традиций... С. 58-59

Ритуализация принадлежности к сообществу включает в себя деятельность по «добыванию истории»¹⁴². Она представляет собой процесс формирования «общепринятых» представлений о прошлом, которые направлены на презентацию «предыстории» сообщества. И. Нойманн подчеркивает, что конструирование политического сообщества из «исторического материала, который мог бы никогда не существовать или значимость которого сомнительна», не обязательно умаляет его реальность¹⁴³. Апелляция к истории является, с одной стороны, важным ресурсом для легитимации существующего режима, а, с другой стороны, способствует мобилизации коллективной солидарности и формированию политической идентичности¹⁴⁴. Другими словами, «изобретение истории» позволяет политическим акторам целенаправленно подпитывать чувство принадлежности к сообществу, так как вопрос о том, кто является «владельцем» истории во многом является вопросом о том, «кто способен идентифицировать себя и другого в данное время и в данном пространстве»¹⁴⁵. Празднование различных «круглых дат» в этом смысле представляет собой возможность ритуализировать данную принадлежность, становясь таким образом своеобразным обрядом инициации. При этом репертуар подобного рода мероприятий может быть довольно широким в зависимости от тех политических задач, которые стоят перед сообществом.

Как правило, «изобретение» ритуалов связано с процессом радикального преобразования общества, когда разрушаются «социальные формы, под которые подстраивались старые традиции», а на их месте возникают «такие формы, к которым эти традиции уже невозможно приложить»¹⁴⁶. При этом ритуализация сообщества может происходить двумя способами: либо путем адаптации старых традиций к новым условиям,

¹⁴² Нойманн И. Указ. соч. С. 158

¹⁴³ Там же. С. 158-159

¹⁴⁴ Малинова О. Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. - 2011. - №3-4. - С. 118.

¹⁴⁵ Миненков Г. Идентичность в политическом измерении [Электронный ресурс]. – Электрон. ст. – Минск, 2005. – URL: <http://nmbny.eu/news/analytics/414.html>, свободный. – (21.01.2014).

¹⁴⁶ Хобсбаум Э. Изобретение традиций... С. 51

либо посредством использования исторических материалов для конструирования традиции нового типа, служащей новым целям¹⁴⁷.

В качестве одного из примеров изобретенной традиции второго типа Э. Хобсбаум приводит швейцарский национализм XIX века, который совпал с формированием федеративного государства. Существовавшие до этого традиционные практики (народные песни, спортивные состязания, стрельба) были модернизированы и институционализированы для того, чтобы служить новым национальным задачам. Так, в песенный фольклор были добавлены новые песни, сочиненные учителями с использованием старых выражений, был организован Федеральный песенный фестиваль, который имел мощное ритуальное воздействие¹⁴⁸. Примеры изобретения традиций можно найти и в других регионах Западной Европы. Например, Фландрия представляется историческим союзом, который превосходит провинциальные и локальные границы реального прошлого; Падания была изобретена как старейшее сообщество в Европе и т.д.¹⁴⁹.

Э. Хобсбаум отмечает принципиальное отличие изобретенных ритуалов от исторических традиций. Если последние, как правило, были специализированными и характеризовались «сильно обязывающими социальными практиками», то новые традиции не предполагают разъяснение содержания тех ценностей, к которым они апеллируют, при этом «ритуалы, символизирующие это содержание [являются] воистину принудительными. Так, и при исполнении государственного гимна в британских школах, и при подъеме флага в американских надо обязательно вставать»¹⁵⁰.

(3) Формирование представлений о «мы-сообществе»

Еще одним элементом политики идентичности является формирование образа «мы-сообщества», то есть совокупности представлений о том, кто такие «мы». По мнению Б. Андерсона, любое политическое сообщество является воображенным, так как члены даже самого маленького сообщества

¹⁴⁷Хобсбаум Э. Изобретение традиций...С. 52

¹⁴⁸ Там же. С. 53

¹⁴⁹ Keating M. Op. cit. P. 88

¹⁵⁰ Хобсбаум Э. Изобретение традиций... С. 57

никогда и ни при каких обстоятельствах не будут знать большинства таких же членов данного сообщества. Но, несмотря на то, что люди не будут знать друг друга, в их умах будет «существовать» образ этой общности как единого целого.

Процесс формирования представлений о сообществе подробно анализировался в рамках концепции ментальной карты, под которой понимается «созданное человеком изображение части окружающего пространства»¹⁵¹. Данная концепция предполагает, что существующий образ того или иного пространства во многом является результатом дискурсивной деятельности политических элит, которые «создают специфические в историческом и культурном отношении представления о пространственной структуре окружающего мира»¹⁵², включающие в себя «совокупность ярких, характерных сосредоточенных знаков, символов»¹⁵³. При этом следует отметить, что концепция ментальной картографии уделяет большое внимание конструированию и репрезентации скорее географических пространств, а не политических сообществ с заданными границами. Тем не менее, процесс формирования представлений о политическом сообществе во многом схож с процессом «создания» ментальных карт.

Образ «мы-сообщества» включает в себя совокупность представлений как о политическом сообществе в целом, так и о его членах. Другими словами, он содержит в себе так называемый «коллективный автопортрет» сообщества, указывающий на «ценностные основания его солидарности»¹⁵⁴. При этом важное место в этом образе занимает определение критериев принадлежности к сообществу, которые становятся основанием для дальнейшего конструирования границ между «своими» и «чужими».

¹⁵¹ Шенк Ф. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. – 2001. - № 4. – С. 4

¹⁵² Там же. С. 5

¹⁵³ Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях М., РОССПЭН, 2004. С. 7

¹⁵⁴ Малинова А. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России -

[Электронный ресурс] / О. Ю. Малинова. – Электрон. ст. – URL :

<http://www.politex.info/content/view/662/30/>, свободный. - Аналог печат. изд. (ПОЛИТЕКС. – 2010. - № 1). – (21.01.2014).

В качестве инструментов «воображения» политического сообщества может выступать формирование общего жизненного контекста и унификация¹⁵⁵. Говоря об унификации, речь, в первую очередь, идет об унифицированном аппарате власти. Э. Гидденс отмечал чрезвычайную важность наличия единой администрации для формирования политических сообществ. По его мнению, нация существует только тогда, «когда государство имеет унифицированную администрацию, которая распространяется по всей территории, объявленной суверенной»¹⁵⁶. По мнению Б. Андерсона, наличие представительных органов власти свидетельствует о существовании неких «общих» для всего сообщества интересов, которые нуждаются в защите. Таким образом, «общие» интересы могут возникнуть только в политическом сообществе и только при чувстве «солидарности» всех его членов. Отсутствие чувства принадлежности к одному сообществу не позволит сформировать индивидам как собственные (специфические), но в то же время «общие» требования к органам государственной власти, так и унифицированную администрацию.

Унификация предполагает также «внутреннюю взаимозаменяемость людей и документов»¹⁵⁷. То есть в данном случае унификация выражается в существовании в пределах политического сообщества единого правового пространства, которое является важнейшим условием для формирования идентичности.

Под общим жизненным контекстом понимается наличие некоего «общего знания», которое распространяется по всей территории. Общий жизненный контекст – это не только совокупность общих знаний и тем для обсуждения, но и способность «понимать» собеседника. Это значит, что члены одного сообщества не нуждаются в каких-то пояснениях при упоминании известных для них людей, географических названий. Они могут ссылаться на какие-то события без того, чтобы пояснять друг другу, кем

¹⁵⁵ Ноженко М., Белокурова Е. Северо-Запад России: регион или регионы? – Санкт-Петербург: НОРМА, 2010. – С. 70

¹⁵⁶ Giddens A. The Nation as Power-Container // Nationalism. 1994. New York. p. 34

¹⁵⁷ Андерсон Б. Указ. соч. С. 78

является тот или иной человек, где находится тот или иной населенный пункт, что произошло в такое-то время там-то.

Важную роль в процессе распространения «общей» информации играют СМИ, которые «могут трансформировать символы региона в «элемент повседневной жизни рядового человека», разрушая, таким образом, границу между приватно-локальной сферой существования большинства граждан и областью публичной»¹⁵⁸. В современном мире политика идентичности во многом оказывается медийной благодаря распространению электронных средств массовой информации, «превращающим в условность всякого рода границы» и создающим «новые измерения практики конструирования воображаемых сообществ»¹⁵⁹.

(4) Установление границ «свой-чужой»

Важным элементом политики идентичности является установление границ «свой-чужой». В то время как описанные ранее элементы в большей степени были направлены на формирование чувства принадлежности к политическому сообществу, то в данном случае речь, прежде всего, идет о закреплении границ сообщества.

Механизм установления границ «свой – чужой» достаточно подробно изучен в социологии, антропологии и политической философии. В социологии этот механизм был разработан Г. Зиммелем и А. Шюцом в работах с идентичным названием «Чужак» (“Der Fremde”). Так, для Г. Зиммеля чужак – это некий странник, который приходит в группу извне. Таким образом он пересекает пространственные границы группы (наиболее явные и защищаемые) и остается чужаком всегда, вне зависимости от продолжительности проживания внутри нее. Между ним и группой всегда существуют границы, которые могут становиться меньше, если чужак общается с большим числом членов группы, и больше – в случае несоответствия его поведения групповым ожиданиям. Но при этом, как

¹⁵⁸ Ноженко М., Белокурова Е. Указ. соч. С. 71

¹⁵⁹ Миненков Г. Идентичность в политическом измерении [Электронный ресурс]– Электрон. ст. – Минск, 2005. – URL: <http://nmnby.eu/news/analytics/414.html>, свободный. – (21.01.2014).

отмечает Г. Зиммель, полного стирания границ между ними, как правило, не происходит.

Во второй половине XX века Ф. Барт создал концепцию этнических границ, которая имеет большое количество последователей¹⁶⁰. Согласно Ф. Барту, этнические группы существуют на основе культурного содержания в тех границах, которые группа сама себе очерчивает. Соответственно, этнические границы описывают этническую группу не как административно-территориальное образование, а, прежде всего, как культурную и социально-психологическую общность людей. При этом подчеркивается, что этнические границы не равнозначны обозначенным на картах границам административным. Последние лишь отражают расселение этнических групп в определенный исторический период¹⁶¹.

Как показывает Ф. Барт, этнические границы возникают в результате внутреннего социального конструирования культурных и психологических различий в условиях постоянного взаимодействия членов данной этнической группы с другими группами¹⁶². Другими словами, этническая граница отражает внутренние представления группы о пределах своей культурной отличительности и свободы. Представления о границах, возникнув в сознании людей, отражают дистанцию как между этническими группами, так и внутри групп, и воплощаются в практике межэтнических отношений. В итоге этническая граница предстает в качестве реального воплощения принципа деления мира на «своих» и «чужих».

Позднее некоторые положения концепции Ф. Барта были развиты в работе Э. Хобсбаума. Анализируя процессы деколонизации, образования новых национальных государств в странах Восточной Европы, исследователь приходит к выводу об изменении контекста в изучении этнических границ. По мнению Э. Хобсбаума, основная проблема, с которой сталкиваются

¹⁶⁰ см.: Barth Introduction, in: F. Barth (ed.) *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference*, Waveland Press, 1969, pp. 9-16; Ноженко М., Яргомская Н. В поисках нового регионального сообщества: возможная перспектива рассмотрения федеральных округов // *Политическая наука*. - 2005. - №3. - С. 119-141.

¹⁶¹ Barth F. Op. cit. P.15.

¹⁶² Ibid. P. 15

этнические группы во второй половине XX века, — это адаптация к жизни в полиэтническом обществе, которая «прежде всего означает умение “выторговывать” для данной группы (в конкуренции с другими группами) соответствующую долю общественных благ, защищать ее от дискриминации»¹⁶³. Как пишет Э. Хобсбаум, «урбанизация и индустриализация, предполагающие массовые миграции и многообразные перемещения людей, лишают смыслы еще одну фундаментальную предпосылку национализма – тезис о существовании территорий с экономически, культурно и лингвистически гомогенным населением»¹⁶⁴. Другими словами, этнические группы и общины современных государств просто обречены на сосуществование, что приводит к появлению многоязычия и культурной дифференциации.

С. Роккан разработал концепцию «центр – периферия», в рамках которой провел важное аналитическое разграничение между территориальным пространством и пространством принадлежности. Применительно к установлению границ «свой - чужой» подобное разграничение позволяет определить функции границы. Так, в первом случае граница определяется как линия, внутри которой находятся «друзья», тогда как в случае с пространством принадлежности граница выполняет разграничительную функцию и обозначает линию, за которой находятся враги¹⁶⁵. В соответствии с концепцией С. Роккана политическое сообщество может быть рассмотрено как пространство принадлежности. Последнее определяется как собрание отдельных групп с особой культурной идентичностью, которые заключили между собой соглашение о взаимной терпимости и защите ради особых политических или экономических целей¹⁶⁶. Другими словами, пространство принадлежности обозначает территорию, контроль над которой закреплен за определенным сообществом. Как показывает С. Роккан, индивид может пересечь географическую границу

¹⁶³ Хобсбаум Э. Нации и национализм... С. 245

¹⁶⁴ Там же. С. 247

¹⁶⁵ Роккан С., Урвин Д. Указ. соч. С. 124-125

¹⁶⁶ Там же. С. 124

территории в качестве «туриста, торговца или разнорабочего, однако для него будет гораздо труднее добиться того, чтобы его приняли как члена коренной группы населения, которая заявляет о своем превосходстве в правах на осуществление контроля над данной территорией»¹⁶⁷.

В целом, основные моменты теории границ могут быть сведены к следующему: установление дихотомии «свой – чужой» возможно в случае, если происходят постоянные контакты между представителями различных общностей. В процессе формирования образа «чужого» важную роль играют как «реальные» контакты (то есть путешествия членов различных сообществ), так и «виртуальные» - то есть получение знания о другом сообществе посредством СМИ или через выступления представителей политической элиты «своего» сообщества. Именно в этих текстах чаще всего можно встретить указание на то, что за пределами того или иного сообщества существуют другие, отличные, сообщества, которые преследуют собственные интересы, противоречащие «нашим». Таким образом, политические элиты артикулируют наличие некоего «чужого», который противопоставляется «своим».

Кроме этого, как показывают М. Ноженко и Н. Яргомская, границы между «своими» и «чужими» устанавливаются не только изнутри, но и извне. В случае конструирования границ извне основными способами являются «те политические решения, в результате которых возникают обозначенные на карте границы»¹⁶⁸. Это, прежде всего, демаркация и титуализация («официальное закрепление названия того территориального пространства, которое находится в пределах демаркированных границ»)¹⁶⁹. Политические элиты сообщества могут тиражировать название демаркированного пространства, посредством наименования официальных структур, закрепляя таким образом название в массовом сознании¹⁷⁰.

¹⁶⁷ Роккан С. Центр-периферийная полярность // Политическая наука. – 2006. - №6. - С. 74

¹⁶⁸ Ноженко М., Яргомская Н. Указ. соч. С. 125

¹⁶⁹ Там же. С. 125

¹⁷⁰ Ноженко М., Белокурова Е. Указ. соч. С. 70

Одним из главных механизмов формирования границ изнутри является «карта-как-логотип», то есть «символическое цветовое обозначение на карте того территориального пространства, которое в результате демаркации оказывается «закрепленным» за тем или иным сообществом»¹⁷¹. Такая карта может быть легко использована практически в любых ситуациях, наглядно демонстрируя пространственные границы «своего сообщества».

Таким образом, политика идентичности может быть рассмотрена как деятельность политической элиты по «изобретению» образа политического сообщества посредством символизации и ритуализации принадлежности к пространству, формирования представлений о «мы-сообществе» и установления границ «свой-чужой».

Итак, проведенный анализ концепции политики идентичности показал, что данный термин используется как для описания процесса формирования устойчивой идентификации людей с определенным территориальным пространством, так и для анализа деятельности общественных движений по формированию общих установок и ценностей членов движения. В большинстве теоретических подходов к анализу политики идентичности основное внимание уделяется социальным группам как ключевым агентам политики идентичности, борющимся за изменение своего статуса в экономической структуре или культурной системе общества. Конструктивистский подход позволил переосмыслить понятие агента политики идентичности, выдвинув на первый план политические элиты. Развитие конструктивистского направления в рамках исследований нации и национализма привело к появлению концепции политических сообществ, идентификация с которым во многом стала рассматриваться как результат политики идентичности.

Политика идентичности в данном случае определяется как деятельность политических элит по формированию представлений о «мы-сообществе» и чувства принадлежности к нему в рамках границ

¹⁷¹ Ноженко М., Яргомская Н. Указ. соч. С. 127

политического сообщества (национального государства, субнационального или наднационального образования). Цель политики идентичности – обеспечение легитимности действующих органов власти, консолидация населения вокруг разделяемых ценностей, идей. Основными направлениями политики идентичности являются символизация пространства, ритуализация принадлежности к сообществу, формирование представлений о «мы-сообществе» и установление границ «свой» - «чужой». Символизация пространства происходит посредством принятия и тиражирования официальных символов, а также культивирования природных и культурных особенностей сообщества. Ритуализация принадлежности к сообществу предполагает установление официальных церемоний и регулярных празднеств, во время которых члены сообщества начинают ощущать свою принадлежность к нему. Формирование образа «мы-сообщества» включает в себя совокупность представлений о том, кто такие «мы». Важную роль в этом процессе играют средства массовой информации. Наконец, установление границ «свой» - «чужой» имеет целью закрепление в сознании членов сообщества представлений об его административных и символических границах.

Описанное в данной главе понимание политики идентичности и ее основных направлений в большей степени ориентировано на формирование идентичности в рамках национальных государств. Однако, как было отмечено, политика идентичности может проводиться и в сообществах меньшего масштаба, таких как регионы в составе государства. В следующей главе будет представлен анализ специфики формирования и реализации политики идентичности в региональных политических сообществах.

Глава 2. Политика идентичности в регионах

§ 2.1. Специфика политики идентичности в региональных сообществах

Описанное в предыдущей главе понимание политики идентичности и ее составных элементов может быть использовано для анализа процесса формирования не только национальной (общегосударственной), но и региональной идентичности. А. Пасси предлагает аналитически различать идентичность региона и региональную идентичность. Под последней он понимает идентификацию людей с регионом, которая вписывается в культурно-исторический и политико-экономический контекст. В то же время идентичность региона А. Пасси рассматривает как те элементы природы, культуры, которые используются в дискурсах и классифицируются в науке, политике, культурной деятельности, региональном маркетинге, туризме и т. д. Цель идентичности региона — определить границы и отделить один регион от другого¹⁷². То есть идентичность региона демонстрирует, каким образом существующие природные, культурные и другие особенности региона используются политическими акторами для формирования положительных представлений о нем.

В исследовательской литературе существует два основных подхода к интерпретации региона. Так, с одной стороны, регион рассматривается как «разновидность социально-территориальной общности людей, населения определенной части страны, которая отличается от других частей совокупностью природных и исторически сложившихся условий существования»¹⁷³. В данном случае границы региона как правило совпадают с границами административно-территориального деления государства. Региональная идентичность рассматривается как неполитический феномен, «солидарность с земляками по причине совместного проживания на единой

¹⁷² Passi A. The resurgence of the 'Region' and 'Regional Identity': theoretical perspectives and empirical observations on regional dynamics in Europe //Review of International Studies. 2009, №35, P. 141

¹⁷³ Белобородова И.Н. Региональная идентичность как фактор формирования социально-территориальной общности: этнокультурный подход к определению исследовательского поля (на примере Русского Севера) // Ильин М.В., Бусыгина И.М. (ред.) Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 209

территории в данный момент или в прошлом»¹⁷⁴. При этом подчеркиваются социокультурные основания для региональной идентичности, в которой сочетаются «аспекты собственно пространства (идентичность – какая? – рязанская, тамбовская и т. д. – здесь внешне доминирует топонимика) и аспекты внутренней энергетике, «силы» идентичности, где уместен термин «местный патриотизм»¹⁷⁵. Другими словами, региональная идентичность в данном случае выступает в качестве одного из уровней территориальной идентичности и не является результатом деятельности политических акторов, то есть политики идентичности.

Для данной работы большее значение имеет конструктивистское понимание региона, в рамках которого он рассматривается не столько как территория или административно-управленческая единица, сколько как «живое», социально и интеллектуально конструируемое пространство, границы которого «определяются не географическими категориями, а общей идентичностью (“чувством принадлежности”, набором добровольно разделяемых норм и ценностей, приверженностью определенным процедурам)».¹⁷⁶ Границами региона в данном случае оказываются границы «мы-сообщества», представления о котором являются следствием «искусственного конструирования, целенаправленного изобретения и социальной инженерии»¹⁷⁷ со стороны политических институтов.

Важными характеристиками регионального политического сообщества являются его воображенность, ограниченность и автономия¹⁷⁸. Воображенность регионального политического сообщества проявляется в том, что жители ни одного из регионов не могут лично знать всех своих

¹⁷⁴ Смирнягин Л. О региональной идентичности // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 17 «Меняющаяся география зарубежного мира». Москва-Смоленск, 2007, с. 21-49

¹⁷⁵ Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре европейской России [Электронный ресурс]. – Электрон. ст. - URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/027/663/1216/002-1.pdf>, свободный. - Аналог печат. изд. (Социс. – 2005. - № 3). - (21.01.2014).

¹⁷⁶ Макарычев А.С. Глобальное и локальное: Меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием // Политическая наука. – 2003. - №3. – С. 14.

¹⁷⁷ Хобсбаум Э. Нации и национализм ... С. 20

¹⁷⁸ Данные характеристики политических сообществ были сформулированы Б. Андерсоном в определении нации: «это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное». (Андерсон Б. Указ. соч. С. 30)

земляков, однако имеют четкие представления о своей общности. Также региональное сообщество является ограниченным, поскольку каждый из регионов имеет четкие границы, обозначенные на политических картах и закреплённые посредством сферы деятельности региональных институтов. Региональные органы управления имеют собственные предметы ведения и полномочия, которые позволяют им отстаивать общие для всех жителей региона интересы, что свидетельствует о наличии у регионов политической автономии.

Таким образом, региональное политическое сообщество рассматривается как пространство действия политических институтов, которые отчасти формируют представления о границах «мы-сообщества». При этом в данном случае речь может идти о регионах разного уровня: от субъектов федерации до макрорегионов типа Европейского Союза. В настоящем диссертационном исследовании регион под регионом будет пониматься составная часть государства.

Как отмечает В. Ачкасов, «строительство» любого региона может рассматриваться как целеполагающий политический процесс», ключевую роль в котором играют региональные политические элиты, главные «агенты» культивирования региональной идентичности»¹⁷⁹. Соответственно, региональная идентичность в рамках конструктивистского подхода может быть определена как результат претворения в жизнь политики идентичности с целью формирования регионального политического сообщества. А так как пространство действия политических акторов ограничивается границами региона как составной части государства, то одной из главных задач политики идентичности будет являться максимальное сближение представлений о границах «мы-сообщества» с административно-территориальными границами региона. Это оказывается особенно важным, когда региональная идентичность не совпадает с границами субъектов

¹⁷⁹ Ачкасов В. А. Региональная идентичность в российском политическом пространстве [Электронный ресурс] – Электрон. ст. - [Санкт-Петербург]. – URL: <http://www.politex.info/content/view/90/30/>, свободный. – Аналог печат. изд. (Политекс. – 2005. - № 1). – (9.12.2013).

федерации, как это происходит в Германии. Как подчеркивает М. Китинг, в Германии «регион находится где-то между землей и городом» за исключением Баварии и ряда городов-государств¹⁸⁰.

В литературе не существует однозначной оценки влияния региональной идентичности на состояние процесса формирования общенациональной идентичности, которая предстает в качестве опоры развития «национального политического сообщества»¹⁸¹. С одной стороны, региональная идентичность рассматривается как препятствие на пути формирования общегосударственной идентичности, как угроза распада государства. С. Хенкин отмечает, что проявившаяся в России в начале 1990-х гг. этнонациональная и региональная консолидация населения, являлась одним из факторов дезинтеграции государства. Формирование региональной идентичности, включавшей в себя символизацию и мифологизацию культуры и приведшей к утверждению дихотомии «центр - регион», «регион - регион», препятствовало закреплению общегосударственной идентичности¹⁸².

Испания представляет собой «яркий пример того, с какими ограничениями сталкивается ... политика государства по формированию национальной идентичности»¹⁸³ в условиях сильных региональных сообществ. Как показывает И. Семененко, в Испании существуют сильные регионалистские тенденции, особенно среди экономически развитых регионов Каталонии и Страны Басков. Политика идентичности в данных регионах играет роль «инструмента реализации политических и экономических притязаний местных элит... вплоть до права на государственность»¹⁸⁴. Так, знание каталанского и баскского языков является обязательным условием поступления на государственную службу в этих регионах. Кроме этого, региональные элиты стремятся дистанцировать

¹⁸⁰ Китинг М. Указ. соч. С. 99

¹⁸¹ Семененко И. С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // ПОЛИТЭКС. - 2011. - №2. - С. 17.

¹⁸² Хенкин С. Сепаратизм в России: впереди или позади? // Pro et Contra. - 1997. - Т. 2. - С. 5-19.

¹⁸³ Цит. по: Семененко И. Политическая идентичность... С. 11

¹⁸⁴ Там же. С. 11

представления о региональном «мы-сообществе» от национального государства: в 2010 году каталонские власти утвердили запрет на проведение боев быков, являющимся древнейшим символом Испании, а в Стране Басков был построен Музей Гуггенхайма, который должен был «символизировать интеграцию автономии в глобальное культурное пространство»¹⁸⁵.

С другой стороны, наличие устойчивой региональной идентичности рассматривается рядом исследователей как ключевой элемент конструирования региона как социально-политического пространства и институциональной системы¹⁸⁶. Подобная точка зрения получила свое развитие в рамках анализа федеративных отношений и процессов регионализации. В частности, И. Бусыгина подчеркивает, что региональная идентичность является одной из составных частей регионализма, который «можно трактовать как основу для федеративных отношений»¹⁸⁷. Другими словами, формирование в рамках субъектов федерации региональных политических сообществ рассматривается как важный этап обретения ими автономии от федерального центра, что способствует складыванию истинного федерализма в государстве¹⁸⁸. Существует и обратная связь: федеративное устройство позволяет жителям чувствовать свою принадлежность не только к национальному государству, но и к региону¹⁸⁹.

Показательным в этом смысле может быть пример Бельгии, в которой формирование федерации стало следствием усиления региональной идентичности как результата лингвистического национализма со стороны фламандцев, выступавших изначально за равноправие фламандского и французского языков. Создание единого фламандского языка, литературы привело к росту регионального самосознания, которое впоследствии стало основой для выдвижения политических требований. Как отмечает М. Китинг,

¹⁸⁵ Семененко И. Политическая идентичность... С. 11

¹⁸⁶ Keating M. Op. cit. P. 85

¹⁸⁷ Бусыгина И. Политическая регионалистика. М., 2006. С. 39-40

¹⁸⁸ См., напр.: Ноженко М., Стародубцев А. Одна научная загадка, или почему губернаторы так легко согласились с Президентом? // Федерализм и российские регионы. - Москва, 2006. - С. 55-77

¹⁸⁹ Бусыгина И. Германский федерализм: история, современное состояние, потенциал реформирования // // Полис. – 2000. - № 5. – С. 110-120

в конце 1970-х гг. у фламандцев, которые боролись за признание в бельгийском государстве, преобладала региональная идентичность, тогда как валлоны скорее демонстрировали принадлежность к государству, в котором они традиционно доминировали¹⁹⁰. Борьба двух лингвистических групп привела к созданию бельгийской федерации¹⁹¹, в которой «и сообщества, и регионы имеют существенную долю политической автономии, поддерживаемую собственными органами управления»¹⁹². При этом в 1990-е гг. исследователи отмечают усиление роли бельгийской идентичности, которая «может быть мобилизована в чрезвычайных обстоятельствах», а в остальное время оставаться довольно эфемерной, так как, по данным Евробарометра, у бельгийцев самое слабое чувство национальной идентичности в Европе¹⁹³.

В рамках настоящего диссертационного исследования не ставится задача разрешения представленного выше спора о влиянии региональной идентичности на процесс национального строительства в государствах. Нас в данном случае интересует то, каким образом политические акторы проводят политику идентичности в регионах, которые, как уже отмечалось, мы будем понимать как политические сообщества, границы которых задаются административно-территориальным делением государства.

Специфика политики идентичности в регионах, на наш взгляд, обусловлена в первую очередь особенностями региона как составной части государства. Так, в отличие от национального государства, регион не является замкнутой системой. Напротив, он подвергается воздействию внешних факторов, главным образом связанных со взаимоотношениями между центром и регионами. С. Роккан определяет центр как «привилегированный пункт территории», в котором сосредоточены ключевые ресурсы и в котором осуществляется процесс принятия решений.

¹⁹⁰ Китинг М. Новый регионализм ... С. 99

¹⁹¹ Бельгия представляет собой федерацию, состоящую из 3 сегментарно-территориальных (языковые сообщества) субъектов, и 3 – территориальных (регионы).

¹⁹² Ноженко М., Стародубцев А. Указ. соч. С. 63.

¹⁹³ Китинг М. Указ. соч. С. 99

Важными характеристиками центра являются производство услуг, а также доминирующая роль в производстве и распространении информации. Периферия же рассматривается как зависимая от центра территория, которая контролирует «в лучшем случае только свои собственные ресурсы» и не имеет возможности полностью контролировать «коммуникации внутри данной территории»¹⁹⁴. Другими словами, периферия (или регион) анализируется как территория, которая окружает центр¹⁹⁵.

Это приводит к тому, что при формировании и реализации политики идентичности региональные элиты вынуждены принимать во внимание наличие внешних акторов, таких как федеральный центр и другие субъекты федерации. При этом внешние акторы являются не просто «значимыми другими», на основе сравнения и/или противопоставления с которыми формируется региональная идентичность. Они во многом могут определять возможности и содержание проводимой политики идентичности в регионах, что отличает ее от политики идентичности национальных государств, для которых не существует значимых внешних акторов, способных повлиять на содержание политики идентичности¹⁹⁶. Артикуляция характера взаимоотношений с центральным правительством, а также позиционирование региона в государственном масштабе, таким образом, становятся неотъемлемой частью проводимой в регионах политики идентичности. И подобная структура политики идентичности связана, прежде, всего с наличием внешних акторов.

Еще одна важная отличительная черта региональных политических сообществ — это отсутствие всей полноты власти. Описанное в первой главе понимание политики идентичности и ее составных компонентов предполагало наличие суверенных органов власти, которое характерно для национальных государств. В федеративных же государствах суверенитет

¹⁹⁴ Роккан С., Урвин Д. Политика территориальной идентичности... С. 120-121

¹⁹⁵ Роккан С. Центр-периферийная полярность... С 83

¹⁹⁶ Безусловно, при формировании идентичности национальные элиты ориентируются на «Значимых Других», к которым, как правило, относятся другие государства. Однако эти государства не способны влиять на содержание проводимой политики идентичности. Элиты национального государства самостоятельно определяют роль и место «Значимого Другого» в политике идентичности.

принадлежит государству в целом, тогда как субъекты федерации обладают лишь определенной долей автономии, а региональные политические элиты ограничены в осуществлении политической воли. Другими словами, центральное правительство задает «окно возможностей» для проведения политики идентичности в регионах, определяет правила игры, несоблюдение которых может привести к негативным последствиям для региона. Региональные акторы таким образом оказываются в ситуации ограниченных возможностей. С одной стороны, они могут определять содержание и каналы распространения политики идентичности (утверждение официальных символов, выпуск региональной прессы, утверждение региональных компонентов образовательных программ и т. д.), но, с другой стороны, все их действия контролируются центральной властью и могут быть нивелированы государством. Например, региональная символика может не получить регистрацию в государственном реестре, что автоматически может привести к снижению ее статуса. Кроме этого, система исполнительной вертикали власти позволяет вышестоящему руководству контролировать и, при необходимости, отменять решения нижестоящих чиновников.

Таким образом, политика идентичности в регионах формируется и реализуется в условиях, которые не характерны для национальных государств. Региональные элиты действуют внутри определенных рамок, которые задаются структурой взаимоотношений между центром и регионами. Соответственно, перед «политическими предпринимателями» в регионах стоят довольно специфические задачи. С одной стороны, политика идентичности в регионах должна быть направлена на формирование «мы-сообщества» в заданных административно-территориальных границах субъекта федерации. При этом одновременно необходимо вписывать границы региона в более широкий контекст национального государства как его неотъемлемой части, так как региональное «мы-сообщество» является составной частью «мы-сообщества» более крупного масштаба.

С другой стороны, политика идентичности должна включать в себя указания на отличительные черты региона, подчеркивать его самобытность, уникальность в масштабах всего государства или макрорегионов (например, Европы). Однако при этом региональные элиты должны, с одной стороны, заниматься формированием так называемого регионального патриотизма, а с другой, демонстрировать принадлежность региона к единому государству. Формируемая региональная идентичность может вступать в конфронтацию с идентичностью общегосударственной в случае, когда культивируется исключительность региона. И, напротив, она может встраиваться в общую систему идентификаций при утверждении региона как составной части государства.

Другими словами, специфика политики идентичности в регионах заключается в существовании ряда ограничений, связанных со статусом региона как части государства, а также в необходимости поддержания баланса между региональной и общегосударственной идентичностями.

При этом в разных контекстах региональные политические элиты могут использовать разные стратегии при формировании политики идентичности. Как утверждает М. Китинг, политические смыслы региональной идентичности могут варьироваться «от устройства регионального лобби в политике через требования автономии вплоть до полного отделения»¹⁹⁷. Используя терминологию У. Бека¹⁹⁸, можно выделить два типа региональной идентичности, которые могут быть целью политики идентичности. Первый тип – «эксклюзивная» идентичность - строится на противопоставлении региональной и общегосударственной идентичности, для нее характерно исключение регионального «мы-сообщества» из границ «мы-сообщества» национального государства. Региональные элиты в данном случае заинтересованы в обретении максимальной автономии, либо полного

¹⁹⁷ Китинг М. Новый регионализм ... С. 75

¹⁹⁸ У. Бек говорил о необходимости замены концепции «эксклюзивного суверенитета» концепцией «инклюзивного суверенитета». Под последним он понимает некоторое ограничение суверенных прав национальных государств, которое «сопровождается выигрышем в политической власти... на основе транснациональной кооперации» (Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С. 230-231; 235)

суверенитета и могут вступать в открытую конфронтацию с центральным правительством.

Центральным элементом такой политики является культивирование уникальности, самобытности региона, конструирование его истории, отличной от истории всего государства. При этом, как подчеркивает В. Ачкасов, «мифологизации подвергается не все прошлое, а какие-то определенные, наиболее значимые для данной общности исторические события (реальные или “изобретенные”), которые становятся для населения региона “избранной общей травмой” или “избранной общей славой”. Набор значимых “эксплуатируемых” в мифотворчестве событий может меняться, таким путем идет процесс «изобретения региональной традиции»¹⁹⁹.

Обращаясь к описанным в предыдущей главе элементам политики идентичности можно отметить, что в случае с эксклюзивной идентичностью, символизация и ритуализация принадлежности к сообществу будет носить ярко выраженный сепаратистский характер. Региональные элиты будут стремиться к демонстрации независимости даже путем установления официальной региональной символики, введения региональных праздников и т. д. В то же время формируемые представления о «мы-сообществе», как уже отмечалось, будут направлены на поддержание регионального патриотизма в противовес патриотизму общегосударственному. При этом границы между «своими» и «чужими» будут закрепляться довольно жестко, а федеральный центр будет выступать в качестве одного из главных «врагов» региона.

Региональные элиты могут придерживаться и противоположной стратегии в формировании политики идентичности, которую можно обозначить как «инклюзивную». В данном случае региональная политика идентичности направлена, скорее, на гармонизацию региональной и общегосударственной идентичностей. Регион воспринимается как неотъемлемая часть государства, и содержание политики идентичности

¹⁹⁹ Ачкасов В. А. Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «калининградский казус» [Электронный ресурс] – Электрон. ст. - [Санкт-Петербург]. – URL: <http://www.politex.info/content/view/90/30/>, свободный. – Аналог печат. изд. (Политекс. – 2005. - № 1). – (9.12.2013).

направлено, с одной стороны, на формирование регионального «мы-сообщества», а, с другой стороны, на встраивание его в сообщество более крупного масштаба (национального государства). Формирование инклюзивной идентичности может быть частью рациональной стратегии региональных акторов, для которых принадлежность к единому государству несет больше выгод, чем возможная независимость.

В ходе реализации подобной политики идентичности региональная символика будет либо включать в себя элементы государственных символов, либо будет создаваться по их образцу. Точно также ритуализация принадлежности к сообществу будет направлена на формирование чувства причастности не только к региональному, но и национальному сообществам. Границы сообщества при этом оказываются довольно гибкими, что позволяет региональным политическим элитам «встраивать» регион в самые разные сообщества. Другими словами, административные границы субъекта очерчивают лишь зону действия региональных политических институтов, но не ограничивают пространство существования «мы-сообщества», поскольку «главные» границы сообщества совпадают с границами национального государства.

В систематизированном виде изложенные выше рассуждения представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Типы региональной идентичности

	Эксклюзивная идентичность	Инклюзивная идентичность
Символизация	Противопоставление	Гармонизация
Ритуализация принадлежности к сообществу	Противопоставление	Гармонизация
«Мы-сообщество»	Особость, уникальность	Составная часть более

			крупного сообщества
Границы «свой» - «чужой»		Жесткие	Гибкие

Выбор той или иной стратегии политики идентичности региональными акторами зависит, с одной стороны, от их интересов: преследуют ли они цель выхода из состава национального государства или стремятся к эффективному функционированию в его границах. С другой стороны, большое значение имеет и характер взаимоотношений между центром и регионами. Как указывалось ранее, федеральный центр является важным внешним актором, способным влиять на формирование и реализацию политики идентичности в регионах. Центральные органы управления могут быть заинтересованы в преобладании общегосударственной идентичности, проводя собственную политику идентичности, которая будет подавлять усилия региональных элит.

Кроме этого, анализ исследовательской литературы позволил выделить следующий набор факторов, которые могут определять выбор элиты при формировании и реализации региональной политики идентичности: доля титульного населения в этнической структуре региона; статус региона; экономическая ситуация в регионе; географическое положение и характеристика политического режима региона (моноцентричный или полицентричный)²⁰⁰. Можно предположить, что эксклюзивная идентичность будет в большей степени характерна для национально-территориальных образований, доля титульного населения которых значительно превышает численность других этнических групп. И, напротив, в административно-территориальных регионах с преобладанием государственного этнического большинства будет наблюдаться инклюзивная идентичность.

²⁰⁰ Факторы выделены на основе работ: Н. Петров Формирование региональной идентичности в России // Центр и региональные идентичности в России / ред. В. Гельман, Т. Хопф. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 125-186; В. Гельман, Е. Попова Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / ред. В. Гельман, Т. Хопф. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 187-254; М. Ноженко, Е. Белокурова Северо-Запад России: регион или регионы? Санкт-Петербург: НОРМА, 2010.

Экономически развитые регионы, в которых существуют прибыльные отрасли экономики и в которых есть доминирующий актор, монополизированный информационное пространство, также будут тяготеть к формированию эксклюзивной идентичности. Инклюзивная идентичность будет формироваться в регионах дотационных, экономически зависящих от центральной власти, а также в полицентричных региональных режимах, в которых может существовать конкуренция между различными представлениями о «мы-сообществе». Наконец, географическое положение региона, его приграничное или, наоборот, центральное положение в пространстве государства может способствовать поддержанию представлений об уникальности, обособленности региона, его принадлежности к другим сообществам («эксклюзивная» идентичность), либо стать основой для укрепления представлений о нем как о составной части государства («инклюзивная» идентичность).

Следующая часть работы будет посвящена анализу политики идентичности в регионах Российской Федерации с учетом выделенных типов идентичности и факторов, оказывающих влияние на формирование того или иного типа. Существование обоих типов региональной идентичности в России стало возможно в связи со сложными процессами постсоветской трансформации и формированием федеративных отношений.

§ 2.2. Этапы формирования и реализации политики идентичности в постсоветской России

Процесс формирования и реализации политики идентичности в российских регионах протекал крайне неравномерно и подвергался влиянию самых разных факторов. Прежде всего к ним относятся характер взаимоотношений между центральной и региональной властью в России, а также деятельность федерального центра по конструированию общегосударственной идентичности.

В целом политика идентичности в регионах России началась в начале 1990-х гг. как реакция прежде всего национальных республик на происходившие политические процессы. В первую очередь речь идет о двух конфликтных линиях, которые обусловили территориальное устройство современной России. Так, конфликт между российской и союзной властями привел к принятию Декларации о суверенитете РСФСР, где закреплялось, помимо прочего, обеспечение «каждому человеку неотъемлемого права на ... пользование родным языком, а каждому народу — на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах»²⁰¹. Следом за РСФСР подобные декларации стали принимать и автономии в составе России. Начавшаяся таким образом «суверенизация» стала стимулом для создания комиссии по подготовке Федеративного договора РСФСР, и началом новой конфликтной линии внутри России: Москва – национально-территориальные образования.

После объявления тремя прибалтийскими республиками своей независимости окончательный распад СССР стал очевиден. Руководство России столкнулось с угрозой повторения для республики союзного сценария. Поэтому летом 1991 г., когда противостояние между союзным и российским центром приобретало все более жесткий характер, Б. Н. Ельцин предложил главам регионов забрать столько суверенитета, сколько они

²⁰¹ О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: декларация от 12.06.1990 № 22-1// Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1990. - N2. – С.22

смогут «переварить». После этого заявления, бывшие автономные республики стали воспринимать себя в качестве независимых, обладающих всей полнотой власти государственными образованиями. Итогом этого процесса стало усиление субъектов РСФСР (прежде всего, республик), когда они смогли в результате торга «забрать» себе существенные полномочия, что позволило им получить определенную автономию от Федерального центра. При этом, как отмечают М. Ноженко и А. Стародубцев, российские регионы «выступали не как активные агенты борьбы за собственные полномочия, а представляли собой третье лицо, извлекающее пользу из схватки двух противников», а полученная автономия «стала своеобразным “даром“, который можно было, как получить, так и не получить»²⁰².

Еще одним фактором, определявшим стратегии региональных акторов при проведении политики идентичности в начале 1990-х гг., стала административная слабость российского государства. Так уже в 1992 г. стали все более четко проявляться противоречия между исполнительной и законодательной ветвями власти, что ослабило эффективность управления страной. Этим сразу же воспользовались бывшие автономии, «давно уже мечтавшие о суверенитете»²⁰³. Первым об особом положении заявил Татарстан, проведя «несмотря на протесты и угрозы Москвы референдум о независимости ... Вскоре Тува и Якутия провозгласили, что на них также не распространяется Конституция Российской Федерации. Попытка провозглашения Енисейской республики означала, что начали поднимать головы и российские регионы, которые решили не отставать от автономий»²⁰⁴.

Во второй половине 1992 года в средствах массовой информации все чаще стала обсуждаться проблема сохранения целостности Российской Федерации. Прежде всего это было обусловлено событиями на Северном Кавказе, а также тем, что руководство Татарстана требовало предоставить

²⁰² Ноженко М., Стародубцев А. Указ. соч. С. 69

²⁰³ Шевцова Л. Ф. Режим Бориса Ельцина. - М., 1999. С. 78

²⁰⁴ Там же. С. 78

республике все больших полномочий, угрожая выходом из состава РФ. Как писал С. Хенкин, Москва критически не переосмыслила лозунга суверенизации, выдвинутого в борьбе против союзного центра, который изначально «способствовал национальной и региональной консолидации», а позднее «обернулся против целостности самой России»²⁰⁵. Осенью обе ветви власти начали борьбу за субъекты федерации, пытаясь привлечь на свою сторону региональные элиты. И несмотря на то, что большинству регионов импонировала позиция Верховного Совета РСФСР, «именно исполнительная власть давала им субсидии и дотации»²⁰⁶.

Политический кризис, затронувший все стороны общественной жизни и приведший к человеческим жертвам (речь идет, прежде всего, о событиях октября 1993 г.), завершился 12 декабря 1993 г. принятием новой российской Конституции и учредительными выборами в нижнюю и верхнюю палаты нового российского Парламента. Конституция закрепила для субъектов возможность относительно независимого функционирования. Так статья 11 пункт 2 гласит: «Государственная власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти»²⁰⁷. Статья 68 пункт 2 дает республикам право устанавливать свои государственные языки, которыми бы пользовались наравне с общегосударственным русским языком. А органы власти субъектов федерации получили возможность самостоятельно разрабатывать и утверждать региональную символику. Таким образом, Конституция закрепила необходимые институциональные основания для формирования в субъектах Российской Федерации региональных политических сообществ, политические элиты которых получили возможность проведения собственной политики идентичности. Как отмечает Е. Мелешкина, «создание федеративных структур, пусть даже имитационного характера, под воздействием взаимоотношений с Центром

²⁰⁵ Хенкин С. Указ. соч. С. 14.

²⁰⁶ Шевцова Л. Ф. Указ. соч. С. 94

²⁰⁷ Конституция Российской Федерации: комментарий Конституционного Суда РФ, официальный текст, принятие и вступление в силу поправок к Конституции РФ. – 3-е изд., доп. и переработ. - М.: Юрайт, 2000

достаточно быстро приводит к становлению региональных политий и способствует формированию региональной политической идентичности»²⁰⁸.

Следует отметить, что вплоть до 1997 г. политика идентичности проводилась в первую очередь в национальных республиках, которые получили особый статус в период становления российского федерализма. Это связано с тем, что в ряде республик, объявивших в 1990-м г. суверенитет, был введен пост президентства, который «рассматривался отчасти как атрибут “настоящей” государственности, а отчасти как инструмент укрепления легитимности республиканских лидеров»²⁰⁹/ Избранные президенты республик становились главными агентами политики идентичности как внутри, так и вовне региона. В то же время в большинстве административно-территориальных образований таких агентов не было из-за введенного в ноябре 1991 года моратория на выборы, который просуществовал вплоть до конца 1996 года. Главы краевых и областных администраций назначались напрямую Президентом и встраивались, таким образом, в исполнительную вертикаль власти.

С осени 1996 года главы всех субъектов РФ начали избираться напрямую населением. Это привело к тому, что региональные лидеры приобрели демократическую легитимность и стали «полноправными и не зависящими от кадровой политики Центра руководителями»²¹⁰. Начиная с этого момента, избранные губернаторы стали основными агентами политики идентичности, а региональная идентичность включилась в политическую повестку дня. В ходе избирательных кампаний 1996-1998 гг. кандидаты в руководители регионов активно использовали темы защиты «региональных интересов, местного патриотизма, развития с опорой на собственные силы»²¹¹.

²⁰⁸ Мелешкина Е.Ю. Региональная идентичность ... С. 49

²⁰⁹ : Гельман В. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики// ПОЛИС. - 1998. - № 1. – С. 93

²¹⁰ Там же. С. 100

²¹¹ Туровский Р. Региональная идентичность в России // Российское общество: становление демократических ценностей. - Москва, 1999. - С. 115.

Политика идентичности в регионах проводилась на нескольких уровнях. С одной стороны, региональные лидеры стремились укрепить свое положение внутри региона посредством создания губернаторских «партий власти»²¹², особых «региональных идеологий»²¹³ или региональных мифов²¹⁴, которые были призваны обеспечить монополию действующего руководителя на политическом пространстве региона. В республиках изначально создавались различные национальные движения, которые затем трансформировались в националистические партии (радикальная партия «Иттифак» в Татарстане, Чувашский национальный конгресс, Бурят-Монгольская народная партия и др.)²¹⁵. В «русских» же регионах попытки создания организаций, выступающих с позиций автономизма²¹⁶, не получили поддержки населения и их деятельность быстро прекратилась. Особое место в политике идентичности в регионах занимала тема конструирования прошлого, которое использовалось для легитимации существующего положения региона. При этом как подчеркивает Н. Петров, в границы регионов помещалось «досоветское, иногда и допетровское, а то и “допотопное” прошлое»²¹⁷.

С другой стороны, руководителям субъектов федерации было необходимо по-новому выстраивать взаимоотношения с федеральным центром. Ключевым элементом двусторонних отношений становится региональный интерес, понимаемый как интерес регионального сообщества в целом. Главы субъектов позиционировали себя как выразители интересов всех жителей региона, поэтому зачастую вступали в открытое противостояние с федеральным центром. Наиболее острую форму конфликты приобретали во время кризисов (например, августа 1998 г.), когда

²¹² Так, например, в Свердловской области было создано движение «Преображение Урала» во главе с Э. Росселем, главной целью которого была поддержка последнего. Более подробно см.: Макаренко Б. И. Губернаторские «партии власти» как новый общественный феномен // Политика. – 1998. - №1. – С. 50-58

²¹³ Перфильев Ю. Региональная символика: в поисках идеологии / Ю. Перфильев // Петров Н. (ред.) Регионы России в 1999 г. М. 2001. С. 324 – 337

²¹⁴ Малякин И. Российская региональная мифология: три возраста Pro et Contra. - 2000. - № 1. - С. 109-122.

²¹⁵ Туровский Р. Региональная идентичность...

²¹⁶ Речь идет, в частности, о попытке возрождения сибирского областничества в Томске, идеи Дальневосточной республики во Владивостоке (Туровский Р. Региональная идентичность ...)

²¹⁷ Петров Н. Указ. соч. С. 128

регионы вынуждены были самостоятельно справляться с их последствиями. Основная же борьба за региональные интересы разворачивалась в Совете Федерации, который блокировал законопроекты, ущемляющие права субъектов²¹⁸.

Анализ процесса формирования и реализации политики идентичности в российских регионах в 1990-е гг. позволяет сделать вывод о том, что для большинства (но не для всех) национальных республик, а также ряда административно-территориальных субъектов была характерна «эксклюзивная» идентичность.

Показательным, и наиболее изученным примером в данном случае является республика Татарстан, в истории политики идентичности 1990-х гг. которой выделяют несколько этапов: от резкой и категорической дистанцированности от федерального центра в 1980-х – 1994 гг. до неконфликтного утверждения республиканской идентичности в период до 2000 г.²¹⁹. Так, центральной линией, вокруг которой выстраивалась региональная идентичность на рубеже 80-90-х гг., была тема этнического возрождения татар. Как отмечает Л. Сагитова, «даже темы, не связанные напрямую с этничностью, обсуждались в свете данных проблем»²²⁰. В дискурсивной практике республиканских элит проблемы татарского народа связывались как с политикой российского государства, так и во многом с этническим русским большинством, что усиливало оппозицию «(российское) государство – республика (Татарстан)»²²¹. Татары выступали в качестве «жертв» русских «узурпаторов».

Особое место в политике идентичности в Татарстане занимала тема государственности. В рамках борьбы за государственность, активизировалось использование символов, «включающих в себя память о

²¹⁸ Так происходило, в частности, с законопроектом «Об общих принципах организации системы органов государственной власти субъектов Российской Федерации», который в первоначальном варианте ограничивал полномочия региональных органов власти.

²¹⁹ Сагитова Л. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // Гельман В., Хопф Т. (ред.) Центр и региональные идентичности в России. СПб, 2003. С. 95

²²⁰ Там же. С. 95

²²¹ Там же С. 96

былой государственности татарского народа», в частности, был учрежден День памяти погибших защитников Казани при завоевании Казанского ханства Иваном Грозным. В то время как памятник покорителям Казани в 1552 г., установленный практически в центре города, воспринимался как «символическое закрепление неравноправия татарского народа»²²². Тема государственности Татарстана, с одной стороны, рассматривалась как необходимое условие для культурного и языкового возрождения татар. В этой связи, в частности, происходило обсуждение обязательного изучения татарского языка в школах, преподавания на татарском языке в высших учебных заведениях.

Однако, с другой стороны, государственность рассматривалась политическими элитами Татарстана как возможность перераспределения власти и собственности на территории республики. Республиканские акторы довольно успешно вели «торг» за возможность проведения самостоятельной политики, включая международные отношения, в обмен на отказ от претензий на выход из состава России. Эксклюзивная политика идентичности при этом позволяла обеспечить легитимность подобных действий как в глазах Москвы, так и внутри республики.

Похожие процессы разворачивались и в других национальных республиках России, политические элиты которых стали активно разыгрывать этническую карту во взаимоотношениях с Москвой. Наличие титульного этноса, а также стремление к контролю над использованием природных богатств, стимулировало региональные элиты к проведению политики идентичности, направленной на обособление представлений о региональном сообществе от сообщества общероссийского.

Другими словами, политика идентичности для республиканских элит стала «наиболее подходящим инструментом в борьбе с “центром” за ренту на природные ресурсы и контроль над регионом»²²³, в то время как этнический

²²² Сагитова Л. Указ. соч. С. 97-98

²²³ Ачкасов В. А. Политика идентичности ... С. 215

фактор во многом служил «ресурсом и инструментом консолидации населения республики вокруг ее лидеров»²²⁴.

Иные факторы определяли стратегии региональных элит в так называемых «русских регионах», в которых этничность не могла быть основой для региональной идентичности. Калининградская область представляет собой пример региона, который стремился использовать уникальное геополитическое положение не только для формирования представлений о «мы-сообществе», но и во взаимоотношениях с федеральным центром по аналогии с национальными республиками. При этом успех политики идентичности на «внутреннем» рынке был достаточно сомнительным, поскольку, как отмечает В. Ачкасов, население Калининградской области – «это относительно недавние русскоязычные переселенцы», которые «не “укоренены” сколько-нибудь глубоко в его историю» и «не могут похвастаться... дедовскими воспоминаниями “том, как здесь было раньше”»²²⁵.

Кроме этого, существовали две основные интерпретации регионального сообщества: как исторической части Европы, что основывалось на довоенном прошлом области в составе Восточной Пруссии, и как форпоста России, «штыке, обращенном на запад», основанном на советском прошлом²²⁶. Другими словами, в публичном пространстве шла борьба между «эксклюзивным» и «инклюзивным» типами региональной идентичности, каждый из которых использовался региональными элитами в различных ситуациях. Однако, отсутствие единого представления о «мы-сообществе», а также малочисленность «коренных» жителей области препятствовало формированию устойчивой региональной идентичности.

При этом географическое положение выступало в качестве важного ресурса при выстраивании отношений с федеральным центром, который шел

²²⁴ Сагитова Л. Указ. соч. С. 98

²²⁵ Ачкасов В. Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «калининградский казус» [Электронный ресурс]– Электрон. ст. - [Санкт-Петербург]. – URL: <http://www.politex.info/content/view/90/30/>, свободный. – Аналог печат. изд. (Политекс. – 2005. - № 1). – (9.12.2013)

²²⁶ Ноженко М., Белокурова Е. Указ. соч. С. 126-127

на различные уступки, чтобы обеспечить целостность государства. Так, одним из важных элементов «эксклюзивного» дискурса являлся тезис о необходимости отделения области от России, создания независимого государства. Также обсуждались идеи передачи области Германии, Польше и/или Литве и т. д.²²⁷. Очевидно, что подобная риторика отрицательно воспринималась центральными органами управления. Экономическое положение области, которая в начале 1990-х гг. получила статус особой экономической зоны, не позволяло региональным элитам активно транслировать сепаратистские идеи, поскольку к окончанию XX столетия регион оставался дотационным, зависимым от финансовой поддержки Москвы. Наличие же «инклюзивного» дискурса давало возможность демонстрировать лояльность федеральному центру, получая от него необходимые дотации.

Таким образом, на протяжении 1990-х гг. Калининградская область демонстрировала отсутствие единой стратегии политики идентичности, которая сочетала в себе черты «эксклюзивной» и «инклюзивной» идентичности. Тот или иной тип использовался политическими акторами для получения краткосрочной выгоды, не становясь при этом основой для формирования представлений о регионе.

Похожая ситуация разворачивалась и в других географически обособленных регионах, в частности на Дальнем Востоке. Данные проведенных в 1998 опросов общественного мнения, фиксировали довольно высокий уровень сепаратистских настроений в Приморском и Хабаровском краях (20% опрошенных выступили за отделение регионов от России), а также в регионах Восточной и Западной Сибири (более 15%). При этом в центральных регионах «русский сепаратизм» был «явно маргинальным явлением»²²⁸. Географическая близость к центру стала важным фактором формирования «инклюзивной» идентичности, особенно среди экономически неразвитых регионов. В целом дотационность российских регионов, прежде

²²⁷ Ноженко М., Белокурова Е. Указ. соч. С. 127-128

²²⁸ Туровский Р. Региональная идентичность ...

всего административно-территориальных образований, стимулировала региональные элиты к формированию «инклюзивной» идентичности, направленной на демонстрацию принадлежности региона к российскому государству. Более успешные в экономическом плане области, напротив, демонстрировали тяготение к «эксклюзивному» типу региональной идентичности.

Так, в Свердловской области реализовывался проект создания Уральской республики, направленный на получение дополнительных льгот и полномочий со стороны федерального центра. Была разработана Конституция будущей республики, которая содержала в себе все атрибуты государственности, включая официальную символику. Несмотря на то, что Уральская республика так и не была создана, Свердловская область стала одним из первых административно-территориальных субъектов РФ, который получил «относительную независимость от финансовой поддержки и властных конфликтов в Центре», а также дополнительные полномочия «по использованию природных ресурсов области, управлению предприятиями и внешнеэкономической деятельности»²²⁹.

Параллельно с ростом активности региональных элит по формированию региональной идентичности, центральная власть пыталась осуществить проект по конструированию российской нации. Так уже в первом Послании Федеральному Собранию Российской Федерации Б. Н. Ельцин озвучил идею понимания «нации как согражданства», согласно которой источником власти во всех субъектах России является весь народ «независимо от национальности»²³⁰. После этого в российском публичном дискурсе активно стало использоваться понятие «россияне», которое должно было стать наименованием новой российской общности²³¹. При этом такая

²²⁹ Гельман В., Попова Е. Указ. соч. С. 217

²³⁰ Ельцин Б. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации «Об укреплении российского государства» // Консультант Плюс [Электронный ресурс] : комп. справ. правовая система / Компания "Консультант Плюс". - Электрон. дан. - [Москва], 1994. - URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=417720>, свободный. – (6.02.2014)

²³¹ Пантелеев С. Ю. Государственная идеология в постсоветской России // Российское государство и общество. XX век. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1999. – С. 427

трактовка российской нации поддерживалась не всеми представителями элитных групп, часть из которых усматривало в ней «ущемление прав «национальностей»²³².

Пожалуй, самой заметной инициативой российских властей в сфере строительства национальной идентичности стал объявленный в июле 1996 г. конкурс на выработку «идеи для России». Проведенный М. Ноженко анализ показывает, что представленные на конкурс проекты содержали две противоположные идеи. С одной стороны, половина проектов основывалась на предложенном Президентом понимании нации как согражданства, отстаивая принципы «демократического патриотизма». С другой стороны, предлагалось формирование русского национального патриотизма²³³. Таким образом, был обозначен оформившийся в обществе раскол относительно консолидирующей идеи новой России.

Проводимые в 1990-е гг. опросы общественного мнения фиксировали разный уровень общенациональной и региональной идентификации людей. Так, в национальных республиках доля жителей, у которых доминирует региональная идентичность, колебалась от 55,3% в Северной Осетии до 85,7% в Татарстане²³⁴. Основываясь на результатах опроса 1998 года, Е. Мелешкина отмечает, что «в последнее время среди избирателей России появилась значительная доля тех граждан, у которых преобладает региональная идентификация (35% респондентов ощущают себя скорее жителем отдельного субъекта федерации, 29% - гражданами России и у 22% респондентов преобладает смешанная идентификация»²³⁵. С одной стороны, эти данные свидетельствуют об успехе региональных «предпринимателей» от политики идентичности, и относительно проигрыше «предпринимателей» общероссийских. Однако ситуация оказывается не

²³² Малинова О. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России [Электронный ресурс]. – Электрон. ст. – URL : <http://www.politex.info/content/view/662/30/>, свободный. - Аналог печат. изд. (ПОЛИТЕКС. – 2010. - № 1). – (21.01.2014).

²³³ Ноженко М. Указ. соч. С. 299

²³⁴ Туровский Р. Региональная идентичность в современной России...

²³⁵ Мелешкина Е.Ю. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства. С. 131-132

столько однозначной, поскольку те же опросы фиксируют слабую ценность региональной автономии жителей регионов. В частности, при оценке возможного объединения региона с другими только 22% респондентов высказались негативно, тогда как 21% отметили, что от этого будет больше пользы, чем вреда, а 18% заключили, что объединение никак не изменит их жизнь²³⁶. Другими словами, региональная идентичность в большинстве случаев относилась к экономико-географическому региональному пространству, а не к политическому сообществу.

Тем не менее, период 1990-х гг. можно охарактеризовать как этап активного формирования политики идентичности в регионах, которая, с одной стороны, являлась реакцией на разворачивающиеся в России политические процессы, а с другой стороны, была одним из ресурсов региональных элит во взаимоотношениях с центральной властью. Складывание ассиметричной модели российского федерализма привело к дифференциации регионов и появлению двух типов региональной идентичности: «эксклюзивная» идентичность в большей степени была характерна для национальных республик, а «инклюзивная» – для административно-территориальных образований.

Укрепление регионального самосознания во многом опиралось на поддержку, а отчасти и конструирование региональной самобытности, и влекло за собой сопротивление попыткам формирования общегосударственной идентичности. И если в национальных республиках важным ресурсом региональных элит была титульная этническая группа, то административно-территориальные субъекты опирались на разнообразные исторические и географические маркеры. При этом выбор между «эксклюзивным» и «инклюзивным» типом конструируемой идентичности осуществлялся с учетом большого количества факторов, включая уровень экономического развития региона.

²³⁶ Петрова А. Польза и вред от укрупнения регионов [Электронный ресурс]– Электрон. ст. – Москва, 2003. – URL : (<http://bd.fom.ru/report/map/projects/info/info2003/fi0344/of034403>), свободный. – (6.02.2014).

Приход к власти В. Путина в 2000 г. ознаменовал начало нового этапа в развитии политики идентичности в регионах России. С одной стороны, это было связано с провозглашенным курсом на консолидацию государства. Первым шагом В. Путина в этой области стало введение в России системы разделения страны на семь федеративных округов во главе с Полномочными представителями Президента. Целью реформы провозглашалось преодоление слабых сторон сложившихся федеративных отношений и повышение эффективности управления страной. На протяжении почти тринадцати лет правовой основой деятельности Полномочных представителей остаются лишь Указ Президента РФ «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» и Положение о полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе. При этом не существует никакого иного законодательного закрепления места и роли реорганизованного института полпредства в системе органов государственной власти России. Таким образом, основной проблемой полпредства является его легитимность, попытки решения которой отчасти предпринимались посредством формирования новых политических сообществ в границах федеральных округов.

Как указывает Н. Петров, полномочные представители президента России в федеральных округах, «стремясь к легитимации собственного статуса, заявили о формировании окружной идентичности»²³⁷. Окружная идентичность таким образом могла бы стать альтернативой региональной идентичности, однако, как показывают М. Ноженко и Е. Белокурова, деятельность полномочных представителей по ее формированию не увенчалась успехом²³⁸.

Важным шагом на пути усиления государства стало реформирование Совета Федерации, в результате чего региональные лидеры оказались исключены из процесса принятия решений на федеральном уровне. Наряду с принятыми ранее федеральными законами, устанавливающими

²³⁷ Петров Н. Указ. соч. С.125.

²³⁸ Ноженко М., Белокурова Е. Указ. соч.

ответственность региональных органов власти за принятие нормативных актов, противоречащих федеральному законодательству²³⁹, а также в результате деятельности Полномочных представителей по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным, эта мера значительно сужала возможности для региональных элит по проведению самостоятельной политики.

Наконец, еще одной инициативой Президента стало изменение порядка выбора руководителей регионов. Начиная с осени 2004 года, выборы глав исполнительной власти регионов перестали быть всеобщими, губернаторский состав стал формироваться легислатурами субъектов федерации из рекомендованных Президентом и его полномочными представителями кандидатур. Фактически это означало снижение самостоятельности субъектов РФ, поскольку за Президентом, помимо выдвижения кандидатур, также было закреплено право снимать с должности «провинившихся» глав регионов. За жителями региона осталось лишь право выбора депутатов законодательного органа власти, что нанесло урон автономии не только субъектов федерации, но и формирующихся в их границах региональных сообществ.

Указанные ранее меры заметно ограничили «шансы на использование политики региональной идентичности в арсенале средств региональных политических акторов», что, в конечном итоге могло привести к «маргинализации стратегий региональной идентичности»²⁴⁰. Однако изменение институциональной среды привело не к исчезновению, а, скорее, трансформации региональной политики идентичности. Как было показано в первой главе данного исследования, целью любой политики идентичности, в том числе региональной, является легитимация существующих властных институтов. После отмены прямых выборов глав исполнительной власти

²³⁹ Речь идет о законе «О внесении изменений и дополнений в федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», который был принят в июле 2000. В законе были предусмотрены процедуры отстранения от должности глав регионов и роспуска региональных парламентов.

²⁴⁰ Гельман В., Попова Е. Указ. соч. С. 245

субъектов сохранение руководителями регионов властных позиций стало зависеть от федерального центра, что поменяло источник легитимации в регионе. Региональные лидеры, прежде заинтересованные в массовой поддержке населения и проводившие для этого политику идентичности «внутри» региона, теперь в большей степени ориентируются на «внешний рынок», формируя позитивный образ «своего» субъекта федерации в глазах Москвы (в первую очередь), других регионов и иностранных партнеров.

Особая стратегия политики идентичности в регионах принадлежала главам субъектов федерации, которые до своего назначения не жили на территории региона (так называемым «варягам»). С одной стороны, перед ними стояла задача демонстрации лояльности федеральному центру, а также выстраивания отношений с «местной» элитой. Решение данной задачи, как правило, не требовало проведения политики идентичности, поскольку основными показателями эффективности главы региона здесь оказывались электоральные успехи партии власти²⁴¹. С другой стороны, назначенные руководители должны были решать разнообразные экономические проблемы регионов, а поскольку большинство субъектов РФ являются дотационными и зависят от финансовой поддержки центра, то формирование позитивного образа «мы-сообщества» на основе сравнения с другими регионами России становилось важной составляющей политической повестки дня. При этом региональное «мы-сообщество» представлялось в качестве неотъемлемой части России.

О трансформации политики идентичности в регионах свидетельствует, в частности, опыт Татарстана. Л. Сагитова отмечает, что с 2000 г. наметилась тенденция интерпретации республиканской идентичности «как составной

²⁴¹ Об изменении роли губернаторов в системе взаимоотношений Центр – регионы см., напр.: Бусыгина И., Филиппов М. Агенты и принципалы: чего ожидать после «вертикали власти»? [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – [Россия]. - URL: (<http://magazines.russ.ru/nz/2012/4/b7-pr.html>), свободный. – Аналог печат. изд. (Неприкосновенный запас. - 2012. - №4). – (9.12.2013); Гельман В., Рыженков С. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России [Электронный ресурс] – Электрон. ст. – [Санкт-Петербург]. – URL: (www.politex.info/content/view/764/30/), свободный. – Аналог печат. изд. (Политекс. - 2010. - №4). – (9.12.2013)

части общероссийской идентичности»²⁴². В обмен на это республика получила дополнительное финансирование из федерального бюджета для «реализации многочисленных инвестиционных программ»²⁴³.

В то же время в Калининградской области была сформулирована новая региональная идея, представляющая область в качестве «пилотного региона», в котором могут быть отработаны механизмы взаимодействия России с Европейским Союзом. Несмотря на то, что новая концепция строится вокруг идеи исключительности Калининградской области, она тем не менее направлена на формирование «инклюзивной» идентичности, поскольку регион рассматривается как неотъемлемая часть России. Уникальность области базируется на представлении о ней как о «субъекте РФ, стоящем особняком от остальных российских регионов»²⁴⁴. Празднование юбилея областной столицы в 2005 году также свидетельствует о предпочтении «инклюзивного» типа региональной идентичности. Основной логотип юбилея представлял собой прусские Королевские ворота, раскрашенные в российский триколор, что позволило «отразить идею Калининграда как «российского города в сердце Европы»²⁴⁵.

Таким образом, произошедшая в 2000-х гг. ре-централизация российского государства стала главным фактором, повлиявшим на изменение политики идентичности в регионах. Важным направлением деятельности региональных лидеров стала демонстрация лояльности федеральным органам власти, что оказывалось практически невозможным в условиях проведения политики, направленной на формирование «эксклюзивной» идентичности. Встраивание региона в единое российское пространство являлось необходимым условием для получения различных льгот и преференций от федерального центра. Другими словами, сложившаяся система взаимоотношений между центром и регионами, с одной стороны,

²⁴² Сагитова Л. Указ. соч. С. 95

²⁴³ Зубаревич Н. Социоэкономические различия между этническими регионами и политика распределения // Федерализм и этническое разнообразие в России. Сб. статей / под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеманн-Грюндера. М., 2010. С. 91

²⁴⁴ Ноженко М., Белокурова Е. Указ. соч. С. 130

²⁴⁵ Там же. С. 130

действительно не стимулировала региональных акторов заниматься формированием политики идентичности, а, с другой стороны, в случае, когда политика идентичности все-таки проводилась, не оставляла им пространства для маневра и «вынуждало» реализовывать стратегию «инклюзивной» идентичности.

Идея «сильного государства», которую реализовывал В. Путин посредством реформирования институциональной системы в 2000-е гг., одновременно играла роль и идеи, способной объединить российскую нацию. В первом обращении к Федеральному Собранию В. Путин отметил, что не нужно специально создавать национальную идею, поскольку «она сама уже вызрела в нашем обществе»²⁴⁶. Как подчеркивает В. Ачкасов, «призыв к тотальной консолидации» стал основным мотивом путинской символической политики»²⁴⁷. Принятые законы о государственной символике отчасти доказывают данный тезис. Соединение в официальных символах современной России символики трех разных исторических этапов может быть свидетельством стремления власти удовлетворить интересы разных групп общества, «сочетать идеи и ценности из репертуаров разных политических сил»²⁴⁸.

Отказ от проведения политики идентичности, направленной на формирование представлений о «мы-сообществе» в границах российского государства, привел к тому, что к концу первого десятилетия XXI века в России так и не сформировалась устойчивая идентификация граждан с политическим сообществом. Политика идентичности в регионах при этом хотя и ориентирована на демонстрацию принадлежности субъектов к единому государству, также не стала почвой для роста общегосударственной идентичности. Другими словами, период с 2000 по 2010 гг. можно

²⁴⁶ Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации// Консультант Плюс [Электронный ресурс] : комп. справ. правовая система / Компания " Консультант Плюс". - Электрон. дан. - [Москва], 2001. – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30989/, свободный. – (6.02.2014).

²⁴⁷ Ачкасов В. Политика идентичности... С. 213

²⁴⁸ Малинова О. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России [Электронный ресурс]. – Электрон. ст. – URL : <http://www.politex.info/content/view/662/30/>, свободный. - Аналог печат. изд. (ПОЛИТЕКС. – 2010. - № 1). – (21.01.2014).

охарактеризовать как «реванш» со стороны федерального центра, направленный на усиление возможностей контроля над процессами, происходящими в регионах, в том числе и над формируемой региональными элитами политикой идентичности.

В настоящее время мы можем говорить о начале нового, третьего, этапа в формировании политики идентичности в регионах России. С одной стороны, за последние несколько лет были приняты меры, которые по меньшей мере создают видимость возвращения региональной автономии (прежде всего речь идет об изменении порядка выборов руководителей исполнительной власти регионов), что порождает новые стимулы для проведения политики идентичности региональными акторами. Как отмечают исследователи федерализма, «любое значительное изменение политической системы... включает в себя пересмотр характера отношений между центром и регионами», который содержит вопрос о «степени политической и экономической автономии, которой располагают регионы»²⁴⁹.

С другой стороны, в политическую повестку дня федерального уровня вновь возвращен вопрос о формировании общенациональной идентичности. При этом следует отметить, что проблема формирования общероссийской идентичности рассматривается в тесной связи с межэтническими отношениями, т. е. как один из способов преодоления межэтнических конфликтов. Так, на состоявшемся 11 февраля 2011 г. Государственном Совете по национальной политике впервые за долгое время была озвучена идея о необходимости разработки комплексных планов мероприятий, направленных на укрепление общероссийской идентичности и гармонизации межэтнических отношений. Подобную же идею высказывал В. Путин в одной из своих предвыборных статей, посвященных национальному вопросу. В частности, он отмечал, что День народного единства 4 ноября может считаться «днем рождения нашей гражданской нации» и подчеркивал

²⁴⁹ Бусыгина И., Филиппов М. Указ. соч; См., также: Захаров А. «Спящий институт»: федерализм в современной России и в мире. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

необходимость разработки стратегии национальной политики, основанной на гражданском патриотизме²⁵⁰.

Как реакция на озвученные идеи в декабре 2012 г. была принята Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Одной из целей национальной политики России провозглашалось «упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации)»²⁵¹. Утвержденная 20 августа 2013 года федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 гг.)» также ставит своей целью «укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)»²⁵². При этом в пояснительной записке к Программе указывается, что формирование общероссийской гражданской идентичности позволит преодолеть стагнацию и негативные тенденции в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений. Реализация программы предполагает разработку всеми субъектами аналогичных программ, направленных, с одной стороны, на содействие этнокультурному многообразию народов России, а, с другой стороны, на укрепление единства российской нации и гармонизацию межнациональных отношений. Другими словами, принятые на федеральном уровне документы стимулируют региональных акторов к формированию «инклюзивного» типа идентичности, в котором каждый субъект РФ рассматривается как составная часть единого государства и при котором доминирующей идентификацией людей должна стать идентификация с государством.

²⁵⁰ Путин В. Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс] - Электрон. ст. – Москва, 2012. – URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html, свободный. – (6.02.2014)

²⁵¹ О «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. №1666 [Электронный ресурс] / Президент Российской Федерации. – URL : <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1:1644521>, свободный. – (6.02.2014).

²⁵² О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 гг.)»: постановление от 20 августа 2013 года [Электронный ресурс] / Правительство Российской Федерации. – URL : <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>, свободный. – (6.02.2014).

В этой связи проблема формирования и реализации политики идентичности в регионах приобретает новую актуальность. Впервые проведение региональными акторами политики идентичности, направленной на формирование инклюзивной идентичности, рассматривается как важная часть формирования общероссийской идентичности. Текущая ситуация отличается от описанных ранее этапов, в том числе тем накопленным опытом реализации политики идентичности, которым уже обладают региональные элиты.

Таким образом, специфика политики идентичности в регионах заключается в особом положении последнего как составной части национального государства. Политические элиты субъектов РФ вынуждены сочетать деятельность по формированию регионального политического сообщества с демонстрацией лояльности государству в целом. При этом они могут использовать две различные стратегии, направленные на противопоставление или гармонизацию представлений о региональном «мы-сообществе» с сообществом более крупного масштаба. Выбор между «эксклюзивным» и «инклюзивным» типами идентичности обуславливается как интересами региональных элит, так и объективными факторами, к которым относятся статус региона, доля титульного населения, показатели экономического развития, географическое положение и тип политического режима. Кроме этого большое значение для политики идентичности в регионах имеет характер взаимоотношений между центром и регионами, а также деятельность национальных элит по формированию общегосударственной идентичности.

История становления и развития федеративных отношений в России показывает, что неравенство статусов субъектов федерации во многом способствовало формированию в регионах двух типов региональной идентичности. Эксклюзивная идентичность преобладала в национальных республиках, тогда как для большинства других субъектов была характерна инклюзивная идентичность. Изменение характера взаимоотношений

федерального центра и субъектов федерации в 2000-е гг. привело к трансформации политики идентичности в регионах и вытеснению дискурса «эксклюзивной» идентичности. При этом центральные органы власти отказались от формирования общероссийской идентичности, попытки создания которой в 1990-е гг. оказались неудачными. В настоящее время наблюдается новый этап как во взаимоотношениях центра и регионов, что стимулирует региональные элиты активизировать политику идентичности, так и новый этап в формировании общероссийской идентичности.

В данном диссертационном исследовании особое внимание уделено анализу формирования и реализации политики идентичности в одном из субъектов Российской Федерации – Республике Карелия. Выбор Карелии в качестве объекта исследования обусловлен, с одной стороны, ее спецификой как национальной республики в составе России. Как и другие национальные субъекты в 1990-е гг. Карелия обладала значительными полномочиями по проведению самостоятельной политики, в том числе политики идентичности, и могла вести «торг» с федеральным центром за предоставление особых льгот и условий. Но, с другой стороны, как и административно-территориальные образования Карелия никогда не демонстрировала стремления к независимости, отделения от России. Таким образом, Республика Карелия может рассматриваться как своего рода «взвешенный» случай, который позволит понять специфику формирования и реализации политики идентичности в регионах России.

Глава 3. Политика идентичности в Республике Карелия

§ 3.1. Институциональное оформление политического сообщества в Республике Карелия

Данный параграф посвящен анализу институционального оформления политического сообщества в Карелии. В нем будут представлены основные этапы политического развития республики в 1990-е и 2000-е гг.. Данный анализ необходим для понимания контекста формирования и реализации политики идентичности в Карелии, основным направлениям которой будут посвящены следующие параграфы данной главы.

Процесс формирования политического сообщества в Республике Карелия начался с принятием Декларации о государственном суверенитете КАССР 9 августа 1990 г.. Статья 1 Декларации провозглашала КАССР суверенным государством в составе РСФСР и СССР, отношения с которыми регулируются федеративным и союзным договорами. Единственным источником суверенитета являлся народ, а выразителями воли народа объявлялись органы власти (ст. 2). Кроме этого, Декларация устанавливала гражданство КАССР, с сохранением за жителями гражданства РСФСР и СССР²⁵³. Таким образом, Декларация определила основы и задала рамки создания политического сообщества в Карелии.

После распада Советского Союза основные усилия республиканских властей были сосредоточены на определение институционального дизайна, задающего правила взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти в республике, а также определяющего характер отношений между республиканским и федеральным уровнями власти. При этом правительство отказалось от принятия новой Конституции РК, закрепляя новые правила игры в виде принятия поправок в Конституцию 1978 г.. Другими словами, в начале 1990-х гг. руководство республики делало ставку на создание унифицированного аппарата управления и на утверждение

253 Декларация о государственном суверенитете Карельской АССР // Кодекс [Электронный ресурс] – Электрон. ст. – Петрозаводск, 2014. – URL : <http://kodeks.karelia.ru/api/show/919000601свободный> - (6.02.2014).

автономии республики в составе российского государства. Как было отмечено во второй главе данного исследования, наличие унифицированного аппарата власти и автономии является важным признаком регионального политического сообщества.

Руководителем республики в то время был В. Степанов, который занял пост председателя Президиума Верховного Совета КАССР осенью 1989 года. Надо отметить, что на протяжении своей профессиональной деятельности В. Степанов занимался комсомольской и партийной работой, однако, являлся частью прогрессивных коммунистов²⁵⁴, что во многом определило траекторию политического развития республики в 1990-е гг.. Так, в частности, во время октябрьского кризиса 1993 г. В. Степанову удалось доказать необходимость одновременных досрочных выборов органов государственной власти в Карелии, тем самым предотвратив повторение российского сценария в республике.

После принятия новой редакции Конституции Карелии в 24 декабря 1993 г. уже в апреле 1994 г. состоялись выборы Председателя Правительства и нового состава Законодательного Собрания Республики Карелия. В соответствии с Конституцией в Карелии был учрежден двухпалатный парламент, состоявший из Палаты Республики и Палаты Представителей. Председателем Правительства на безальтернативной основе был избран В. Степанов, который продолжил курс на институциональное оформление политического режима. Кроме этого, Конституция предусматривала проведение выборов в органы исполнительной и законодательной власти местного самоуправления, что было особенно важным в условиях действовавшего в стране моратория на муниципальные и региональные выборы.

Как отмечал в одном из интервью В. Степанов, «до тех пор, пока российские края и области не будут иметь равные права с республиками, о федеративном устройстве России не приходится говорить. Пока Москва

²⁵⁴ Цыганков А. Выборы в Карелии: вторые безальтернативные // Выборы и проблемы гражданского общества на Северо-Западе России. – Москва: Московский центр Карнеги, 2001. - № 5. - С. 23 - 29

назначает и снимает губернаторов, решает, как развиваться местному самоуправлению, не стоит ожидать появления полноценной федерации. И республики в этом смысле являются ледоколами, они прокладывают путь федерализму в России»²⁵⁵.

Таким образом, одним из ключевых направлений деятельности органов государственной власти республики в 1990-е гг. стало институциональное оформление нового политического режима, утверждение места республики в системе федеративных отношений Российской Федерации. При этом республиканская власть пыталась выстраивать отношения с федеральным центром на основе прагматических интересов, заявляя о необходимости учета статуса республики, не вступая при этом в открытую конфронтацию с центральными органами управления. Так, в проекте бюджета России на 1998 г. было предусмотрено недостаточное количество трансфертов в республику, что вызвало недоумение у руководства Карелии. В. Степанов тогда отметил, что «если вопрос не решится ... придется пересматривать наши взаимоотношения. Пусть тогда все федеральные службы платят нам арендную плату за пребывание на территории республики»²⁵⁶. При этом консолидация политической элиты вокруг В. Степанова «с целью не допустить вмешательства во внутрирегиональную политику» позволила «достигнуть консенсуса без активной политики идентичности»²⁵⁷.

Важную роль в политической процессе в Карелии играло взаимоотношение между республиканской и местной властями в городе Петрозаводске. На протяжении 1990-х гг. в республике сложилась система, превратившая столицу Карелии в важный центр принятия решений. Экономический кризис, который в большей степени затронул лесную промышленность, привел к разрушению консенсуса внутри политических элит региона, и позволил мэру Петрозаводска участвовать в избирательной

²⁵⁵ Председатель Правительства Республики Карелия Виктор Степанов: «Республики в каком-то смысле ледоколы, прокладывающие путь федерализму в России»/ Карелия. – 1995. - 29 июля. – С. 3

²⁵⁶ Виктор Степанов/ Карелия. – 1997. - 12-18 сентября. – С. 3

²⁵⁷ Ноженко М., Белокурова Е. Указ. соч. С. 111

кампании на пост Председателя Правительства на основе критике действующего руководства.

Политические процессы в республике в 2000-е гг. были связаны, прежде всего, с проходившими в России процессами укрепления вертикали власти и приведения в соответствие регионального законодательства федеральному. Так, в частности, новый Председатель Правительства республики, С. Катанандов, избранный в 1998 г., инициировал изменение карельской Конституции. Одним из главных аргументов в пользу нового распределения власти в республике была то, что ряд положений действующей Конституции «противоречит Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству»²⁵⁸. Кроме этого, подчеркивалось, что «Карелия хотя и названа государством, является частью Российской Федерации и не обладает полным суверенитетом»²⁵⁹. Другими словами, изменение институционального устройства обосновывалось необходимостью встраивания республики в общероссийское правовое пространство.

В новой Конституции было предложено развести должности руководителя региона и главы Правительства, а также реформировать Законодательное Собрание республики, сделав его однопалатным. 26 марта 2000 г. состоялся референдум, на котором жители республики поддержали учреждение поста Главы Республики и реформирование республиканского парламента. Новый вариант Основного закона Карелии был принят в 2001 г., и уже в апреле 2002 года были проведены выборы Главы Республики по новым правилам. Победу на этих выборах в первом туре одержал С. Катанандов, у которого не было значимых конкурентов.

На протяжении двух сроков С. Катанандов находился в конфликтных отношениях с местными органами управления в Петрозаводске. Пришедшие к власти руководители Петрозаводска (А. Демин в 1998 и В. Масляков в

²⁵⁸ О проекте новой Конституции Республики Карелия [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2003. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/Leader/Document/Project_const/sprav.html, свободный. – (24.01.2014)

²⁵⁹ Там же.

2002) стремились сосредоточить в своих руках управление городом, что шло вразрез с потребностью республиканских властей контролировать политический процесс в республике²⁶⁰. Наличие сильных политических акторов на местном уровне не позволило главе региона монополизировать политическое пространство, что привело к формированию полицентричного политического режима в Карелии.

Следует отметить, что во время нахождения на посту руководителя республики С. Катанандов уделял основное внимание разработке и выполнению Концепции социально-экономического развития Республики Карелия, которая рассматривалась в качестве первого шага «в формировании государственной идеологии, направленной на обеспечение интересов РК»²⁶¹. Другими словами, Концепция предполагала наличие собственных интересов политического сообщества, которые должны учитываться как при принятии решений внутри республики, так и при взаимодействии Карелии с органами федеральной власти.

Тем не менее, отношение к политической автономии республики в 2000-е гг. было довольно неоднозначным. Так, с одной стороны, в выступлениях политических лидеров и в интервью прослеживалась гордость за особый статус Карелии в России, но, с другой стороны, ценность политической автономии не так уж высока: «мы прекрасно знаем: наша Родина – Россия. Конституция Карелии – это возможность нашего народа учесть свою специфику, особенности жителей Севера, их своеобразие»²⁶².

Изменение порядка выборов губернаторов осенью 2004 г., трансформировавшее политическую систему России, было достаточно спокойно воспринято руководством республики. Глава Карелии

²⁶⁰ Подробнее об этом см.: Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. Автономия или контроль? Реформа местной власти в городах России 1991-2001. СПб, М., 2002. С. 259-271; Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. Реформа местной власти в городах России, 1991-2006. СПб, 2008. С. 227-270

²⁶¹ Концепция социально-экономического развития РК // Карелия официальная [Электронный ресурс] / Госкомитет Республики Карелия по развитию ИКТ. – Электрон. ст. – Петрозаводск, 1999. – URL : <http://gov.karelia.ru/gov/Leader/Document/concept1.html>, свободный. – (6.02.2014)

²⁶² Из интервью С. Катанандова журналу «Российская Федерация сегодня», 2002 г. цит. по: Карелия – территория развития (1998-2008 годы) \ [Администрация Главы Республики Карелия; глав. ред. Т. Колесова]. – Петрозаводск: Скандинавия, 2008. С. 41

С. Катанандов, комментируя инициативы Президента, подчеркивал, что ранее сам выступал с подобными предложениями и что только эти меры помогут консолидировать общество и обеспечить его безопасность. Кроме этого, Катанандов неоднократно упоминал, что «пошел в чем-то дальше», но «президент предложил более мягкий вариант, когда по его представлению глава региона избирается законодательным собранием. Я поддерживаю такой вариант. Для Карелии это совершенно нормально, и со временем в республике появится руководитель, назначенный таким образом»²⁶³. При этом С. Катанандов не стал ставить перед Президентом вопрос о доверии до окончания срока своих полномочий. В марте 2006 г. В. Путин внес на рассмотрение Законодательного Собрания РК кандидатуру С. Катанандова на пост Главы Республики, которая была поддержана большинством депутатов Законодательного Собрания.

С. Катанандов находился во главе Карелии до лета 2010 г. 30 июня 2010 г. президент России Д. Медведев подписал указ о добровольном сложении полномочий С. Катанандова и назначении временно исполняющим обязанности Главы республики бывшего сенатора А. Нелидова. Никто в политических кругах не сомневался, что именно он станет новым губернатором Карелии. Внеочередное заседание Законодательного Собрания РК 21 июля 2010 г. утвердило А. Нелидова на должность Главы республики²⁶⁴. Деятельность на посту руководителя региона А. Нелидов начал с полного реформирования органов государственной власти. Так, были отправлены в отставку все ключевые министры из команды бывшего Главы республики, были внесены поправки в Конституцию Карелии, ликвидировавшие пост премьер-министра и предоставлявшие дополнительные полномочия Главе республики. Теперь Глава республики одновременно являлся и главой правительства. Кроме этого, в новое

²⁶³ Сергей Катанандов одобряет предложения президента РФ по укреплению власти, высказанные на расширенном совещании правительства страны [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2004. – URL : http://gov.karelia.ru/gov/News/2004/09/0914_08.html, свободный. – (06.02.2014)

²⁶⁴ Кроме А. Нелидова в списке кандидатов на пост Главы республики был заместитель председателя Государственной Думы РФ по вопросам местного самоуправления Виктор Кидяев и премьер-министр правительства Карелии Павел Чернов.

правительство А. Нелидов включал в основном приезжих чиновников, формируя вокруг себя команду «новых людей с новыми идеями».

А. Нелидов стал первым руководителем в Карелии, которому пришлось выстраивать отношения с местной политической элитой, а также доказывать свою эффективность федеральному центру. Первую задачу он пытался решать посредством обращения к национальным меньшинствам республики (прежде всего, к карелам), делая основной акцент на национальной природе статуса Карелии. В частности, одну из первых встреч на посту Главы Карелии он провел с членами Совета карелов, вепсов и финнов, а на пост министра культуры назначил этническую карелку Е. Богданову. В августе 2010 г. в политических кругах появились слухи²⁶⁵, что новый Глава хочет лишить Карелию статуса республики и превратить ее в область, на что А. Нелидов сообщил, что «Карелия – это особая республика, со своим неповторимым колоритом ... мы должны сохранить национальные особенности, должны сохранить статус»²⁶⁶.

Как было отмечено в предыдущей главе, основным показателем эффективности назначенного руководителя региона для федерального центра являются электоральные успехи партии власти. За время нахождения А. Нелидова у власти в республике одновременно прошли две значимые кампании по выборам депутатов Государственной Думы и Законодательного Собрания. «Единая Россия» получила один из самых низких результатов в стране, что во многом определило судьбу Главы Карелии. Сам же руководитель республики оказался в списке самых непопулярных глав регионов.²⁶⁷ Кроме этого, А. Нелидову не удалось ни решить основные

²⁶⁵ Карелия не лишится статуса республики [Электронный ресурс] / Электрон. ст.– Петрозаводск, 2010. <http://karelinform.ru/?id=19599>, свободный. – (06.02.2014.)

²⁶⁶ Андрей Нелидов: Карелия – самобытная республика [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2010. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2010/08/0818_18.html, свободный. – (06.02.2014).

²⁶⁷ Исследование: перед выборами в Госдуму у восьми губернаторов рейтинг не дотягивает до 20% [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Москва, 2011. – URL : http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/11/07/n_2086094.shtml, свободный. – (21.01.2014).

проблемы республики в экономической сфере, ни взять под контроль основные политические и бизнес группы.²⁶⁸

Все это привело к тому, что в мае 2012 г. Президент подписал Указ о назначении временно исполняющим обязанности Главы Республики А. Худилайнена, который до этого возглавлял Гатчинский район Ленинградской области. 24 мая 2012 года депутаты Законодательного Собрания Карелии поддержали кандидатуру А. Худилайнена. Новый руководитель Карелии не стал менять институциональный дизайн республики, сосредоточив основное внимание на решение экономических проблем. Главным направлением правительства А. Худилайнена было объявлено привлечение инвестиций, для чего необходимо «формировать новый имидж доверия к Карелии».²⁶⁹

В целом, стоит отметить, что политический процесс в Республике Карелия в 2000-е гг. был направлен на встраивание региона в систему взаимоотношений между центром и регионами, которая в это время претерпевала значительные изменения. Руководители республики не актуализировали проблематику статуса региона, его полномочий, и в целом автономии политического сообщества в Карелии. Как было отмечено в одном из экспертных интервью, ориентация на встраивание республики в общероссийское пространство приводит к некоторому снижению политической автономии Карелии: «Карелия как республика могла бы просить чуть больше дотаций... благодаря этому статусу – «Республика Карелия» с этносом карельским, мы бы могли это сделать пока еще, но мы этого не делаем, осторожничая, и воспринимая себя как область»²⁷⁰.

²⁶⁸ См., напр.: В наследство от губернатора [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2012. – URL : <http://politika-karelia.ru/?p=8194>, свободный. – (06.02.2014); Губернатор ушел, проблемы остаются [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2012. – URL : <http://politika-karelia.ru/?p=8181>, свободный. – (06.02.2014)

²⁶⁹ Александр Худилайнен «Будем относиться к инвесторам ответственно и формировать новый имидж доверия к Карелии» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2012. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2012/12/1229_06.html, свободный. – (06.02.2014).

²⁷⁰ Интервью с депутатом Законодательного Собрания Республики Карелия, членом Межпарламентской Ассоциации Северо-Запада

Таким образом, процесс институционального оформления политического сообщества в Карелии тесным образом был связан как с распределением власти внутри республики, так и с характером взаимодействия между центром и регионами. Если в 1990-е гг. тема автономии политического сообщества в республике так или иначе появлялась в публичном пространстве, то в 2000-е гг. главной идеей стала унификация республиканского и федерального законодательства, создание единого правового пространства в рамках государства в целом. Наличие конфликтов между органами власти республики и местным самоуправлением в Петрозаводске привело к формированию полицентричного политического режима, в котором существует несколько центров принятия политических решений.

§ 3.2. Символизация и ритуализация принадлежности к политическому сообществу в Карелии

Параллельно с описанным в предыдущем параграфе процессом институционального оформления нового политического сообщества в Карелии проводилась политика идентичности, направленная на символизацию и ритуализацию принадлежности к сообществу.

Так уже в начале 1990-х гг. был начат процесс разработки и принятия новых официальных символов Карелии. 27 ноября 1991 г. Президиум Верховного Совета Республики Карелия принял постановление об изменении государственной символики и проведении конкурса на создание новых герба, гимна и флага республики. В объявлении о начале конкурса, опубликованного 1 февраля 1992 г., в частности, было отмечено, что Карелия, «осознавая себя государством в составе Российской Федерации», посредством проведения открытого конкурса стремится выбрать оптимальный вариант символики, отражающий «национальные исторические традиции и особенности»²⁷¹.

На конкурс было представлено около 60 проектов флага и 20 проектов герба республики. При этом обсуждение проектов осуществлялось не только на заседаниях специально созданной Комиссии, но и на страницах республиканской прессы. 8 мая 1992 г. состоялось первое заседание конкурсной комиссии, на котором было отобрано по пять проектов флага и герба, которые затем были выставлены в фойе Верховного Совета РК для общественного обсуждения. 26 мая конкурсная комиссия признала лучшими проекты флага и герба Ю. Нивина и В. Добрынина, однако, одновременно объявила еще один дополнительный, заказной, конкурс для карельских художников.

Флаг Ю. Нивина представлял собой полотнище, разделенное на три равные полосы: зеленую, белую и голубую. В центре помещалась красная восьмиконечная звезда. Зеленый цвет символизировал природу и

²⁷¹ Емелин И. Государственные символы Республики Карелия [Электронный ресурс] / И. Емелин. – Электрон. ст. – Москва, 2007. - URL: http://www.geraldika.org/05_2007_29.htm. - (9.12.2013).

растительность республики, белый – снега, а голубой – озера и реки Карелии. Красный цвет звезды олицетворял силу и мужество народа, кроме этого красный считался традиционным цветом карельской вышивки. Цветовую гамму флага Ю. Нивин выбирал, основываясь на результатах проведенного им социологического исследования о цветовом восприятии Карелии²⁷².

Герб представлял собой щит с изображенным на нем профилем стоящего медведя черного цвета, на фоне цветов государственного флага Карелии. Золотое обрамление щита переходило в стилизованное изображение ели с левой стороны и сосны – с правой. В навершии щита располагалась восьмиконечная звезда золотого цвета. Медведь являлся культовым животным на Северо-Западе, ему было отведено особое место в фольклоре финно-угорских народов. Как отмечал сам Ю. Нивин, главная идея его проектов – это идея «созидания, терпимости и взаимного уважения»²⁷³.

Проект В. Добрынина был основан на гербе и флаге А. Галлен-Каллела, который он создал для Ухтинской республики, существовавшей на территории Карелии в 1920-е гг.²⁷⁴. Так, флаг представлял собой черный скандинавский крест с красной каймой на зеленом фоне. Зеленый цвет символизировал леса и природу Карелии, черный – землю и скорбь, а красный – кровь и радость. Сам автор трактовал сочетание цветов как символ

²⁷² Результаты социологического исследования ассоциативного цветового восприятия географического пространства и социума – «Карелия» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2000. – URL : http://gov.karelia.ru/gov/Different/Symbolics/research_gerb.html, свободный. – (21.01.2014).

²⁷³ Герб и флаг Карелии: символы без идеологии / Северный курьер. – 1992. – 25 декабря. – С. 2.

²⁷⁴ 21 июля 1919 г. в Ухте (Калевале) было сформировано Временное правительство Архангельской Карелии, объединяющее 9 волостей Беломорской Карелии. 21 марта 1920 года это правительство созвало съезд представителей северных карельских волостей, куда прибыли не больше трети представителей. Съезд принял постановление об отделении от России и объявил о независимости Карелии. Был избран новый состав правительства, а правительство было переименовано в Карельское временное правительство. Ухтинская республика провозгласила свободу вероисповедания, приняла решение об отделении карельской церкви от Русской православной церкви и присоединении к православной церкви Финляндии или Эстонии. Финляндия признала существование республики и выделила ей займ в 8 млн финских марок. Однако, после победы Красной Армии на севере Карелии, Ухтинское правительство было вынуждено перейти финскую границу и уже 10 декабря 1920 года перестало существовать. Во время финской оккупации Карелии в период Второй мировой войны флаг и герб Ухтинской республики использовались наравне с символами Финляндии.

подсечного земледелия: «Леса палили, получалась черная плодородная земля»²⁷⁵.

Герб имел красно-зеленое поле, на котором был изображен черно-золотой разъяренный медведь, держащий в руках весури – особого вида национальный резак серебряного цвета. Над медведем – серебряного цвета северное сияние, медведь топчет серебряные оковы. Разорванные оковы у ног медведя могли символизировать как освобождение Карелии от ига России, так и просто обретенную самостоятельность²⁷⁶.

На заседании комиссии, 8 сентября, были подведены итоги дополнительного конкурса, который продемонстрировал низкий уровень знаний художниками законов геральдики. На голосование было выдвинуто пять проектов, победителями среди которых стали проекты Ю. Нивина. За герб проголосовало пять человек, за флаг – восемь. Несмотря на то, что проект В. Добрынина получил только три голоса от членов конкурсной комиссии, «учитывая общественное мнение, сложившееся в национальных обществах и общественных объединениях»²⁷⁷, он также был направлен в Верховный Совет для рассмотрения.

10 сентября 1992 г. состоялось заседание Верховного Совета Карелии, на котором были озвучены результаты работы конкурсной комиссии и проведено голосование. Проект Ю. Нивина набрал 57 голосов, тогда как за проект В. Добрынина проголосовало только восемь человек. Председатель конкурсной комиссии Э. Вознесенский прокомментировал представленные проекты и объяснил результаты голосования. В частности, он отметил высокую степень политизированности проекта В. Добрынина, поскольку эта символика использовалась «в определенное время, по определенному социальному заказу» и отражала определенные взгляды²⁷⁸. Результатом же конкурса, по его мнению, должна стать символика, которая «будет греть

²⁷⁵ Емелин И. Указ. соч.

²⁷⁶ Государственный герб Республики Карелия – [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2003. – URL : http://gov.karelia.ru/gov/Different/Symbolics/gerb_hist.html, свободный. – (06.02.2014).

²⁷⁷ Пашков А. Гербы и флаги Карелии. Петрозаводск : КАРЭКО, 1994. С. 259

²⁷⁸ Вечные символы / Северный курьер. -1992. – 3 октября. – С. 2

душу не только одной, может быть, самой активной части населения. Надо, чтобы у другой части она не вызывала отторжения»²⁷⁹.

Результаты работы конкурсной комиссии вызвали новый всплеск общественной дискуссии, привели к появлению новых проектов. Так, был представлен проект флага А. Литвина – «Карельский гюйс». Он предлагал поместить на красном полотнище лазоревый (голубой) скошенный андреевский крест, окаймленный белыми полосами, с прямым белым крестом под ним. Красный цвет, по мнению автора, любимый цвет русских, карел и вепсов. Голубой андреевский крест должен напоминать о роли Карелии в истории русского флота и российской государственности, а прямой белый крест – о близости Карелии к Скандинавским странам.²⁸⁰ Кроме этого выдвигалось предложение утвердить в качестве герба Карелии исторический герб Олонецкой губернии «как элемент преемственности, с внесением элементов декоративного оформления в виде ветвей сосны и лентами государственного флага Республики Карелия и колосьями пшеницы с лентами флага России – символы братства и дружбы между народами»²⁸¹.

23 ноября 1992 г. на очередной сессии Верховного Совета РК был рассмотрен вопрос «О государственной символике Республики Карелия». Кроме проектов Ю. Нивина и В. Добрынина депутаты обсуждали еще четыре проекта флага: флаг Карело-Финской ССР (Н. Левин), сине-желто-зеленый вепский флаг (С. Попов), флаг Карельской АССР (Г. Солодянников) и красно-сине-зеленый флаг по образцу российского флага (А. Киннер). В результате голосования проект А. Киннера набрал 61 голос. Однако для принятия решения необходимо было получить 76 голосов, так как это решение меняло статью о флаге в Конституции РК. Поэтому вопрос был перенесен на начало 1993 г..

16 февраля 1993 г. состоялась очередная сессия Верховного Совета, на которой не без сложностей прошло голосование по изменению статьи

²⁷⁹ Вечные символы / Северный курьер. -1992. – 3 октября. – С. 2

²⁸⁰ Пашков А. Указ. соч.

²⁸¹ Победитель пока не определен / Северный курьер. – 1992. – 19 мая. – С. 2

Конституции о флаге, в результате которого флагом Республики Карелия стал флаг, предложенный А. Киннером. В тот же день новый флаг был поднят над зданием Верховного Совета РК.

На том же заседании было принято решение взять за основу герба Карелии проект Ю. Нивина, который он должен был доработать с учетом пожеланий депутатов. В частности, предлагалось снять агрессивность с изображения медведя и поработать над оформлением щита. 28 сентября 1993 г. сессия Верховного Совета приняла доработанный проект в качестве государственного герба РК. Примечательно, что это решение не получило никакого освещения в печати, так как в то время началось противостояние в Москве.

Процесс разработки и принятия гимна республики остался практически незамеченным общественностью. Объявленный конкурс не принес желаемых результатов, что было отмечено на заседании конкурсной комиссии 10 ноября 1992 г.²⁸². После продления сроков конкурса, 6 апреля 1993 г. был утвержден гимн композитора А. Белобородова с текстом А. Мишина и И. Костина. Долгое время гимн существовал как на русском, так и на финском языках. Однако впоследствии остался только русский вариант текста.

В целом, дискуссия по поводу герба и флага разворачивалась вокруг трех основных линий. Так, важной задачей государственных символов являлось определение границ «своего» пространства, а также демонстрация принадлежности к тому или иному более крупному сообществу. В этой связи, с одной стороны, как было видно из объявления о конкурсе, Карелия стремилась продемонстрировать независимость, суверенитет, и символы рассматривались как важнейший атрибут государственности. Соответственно, часть представителей политической элиты поддерживала проекты, которые демонстрировали бы самостоятельность республики. «Крестовый флаг продолжал бы традиции карельской государственности,

²⁸² Какие гимны мы поем / Северный курьер. – 1992. – 17 ноября. – С. 2

отраженные в крестовых флагах Выборгской Карелии и Ухтинской республики, и подчеркивал бы принадлежность территории к Фенноскандии, Северной Европе»²⁸³. Карелия представлялась как неотъемлемая часть Северной Европы, с которой ее объединяют общее прошлое, общая культура и ценности.

С другой стороны, органы власти Карелии оставались лояльны центральной власти, поэтому они были заинтересованы в том, чтобы официальные символы не только отражали специфику республики, но и одновременно подчеркивали принадлежность республики к России: «нам не грех напомнить, что и Русь, Россия для большинства карелов – это отечество»²⁸⁴. Ю. Нивин подчеркивал, что в процессе работы над проектом герба и флага он исходил из того, что границы Карелии постоянно менялись, поэтому его главной задачей стало создание принципиально новых символов, которые не ассоциировались бы напрямую ни с каким историческим этапом в развитии Карелии²⁸⁵. При этом включение в проект флага цветов российского флага рассматривалось «не как слепое повторение, а как дань соблюдению этических норм»²⁸⁶. Кроме этого, фигура медведя на гербе также являлась данью традиции, поскольку эмблема Новгородской земли, куда исторически входила Карелия, также включала в себя изображение медведя²⁸⁷.

Параллельно развивалась еще одна линия – определение «своих», то есть коренных жителей Карелии. Здесь ключевым актором выступило созданное осенью 1991 г. «Карельское движение», отстаивающее интересы карелов и финнов и признающее их в качестве исконных жителей данной территории. При этом наличие данных этнических групп артикулировалось как основа карельской государственности: «республикой мы называемся только потому, что здесь живут карелы и финны... не было бы карелов и

²⁸³ Гамма цветов для флага / Северный курьер. – 1993. – 9 января. – С. 2.

²⁸⁴ Не только о символах / Северный курьер. – 1992. – 14 марта. – С. 2.

²⁸⁵ О гербе и «Гармонии вечного» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2003. – URL : http://gov.karelia.ru/gov/Different?Symbolics?gerb_ex.html, свободный. – (24.01.2014).

²⁸⁶ Вечные символы / Северный курьер. -1992. – 3 октября. – С. 2

²⁸⁷ Государственный герб Республики Карелия [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2003. – URL : http://gov.karelia.ru/gov/Different/Symbolics/gerb_hist.html, свободный. – (06.02.2014).

финнов, здесь изначально была бы область: без флага, герба и прочих атрибутов государственной символики»²⁸⁸. Соответственно, «Карельское движение» активно поддерживало проект В. Добрынина как возможность возрождения забытых традиций.

Подобная интерпретация встретила серьезное общественное сопротивление. В частности, подчеркивалось, что наряду с карелами, на территории республики проживают и русские, для которых эта территория является исконным местом обитания: «в Карелии издавна было два основных культурных центра – Ухтинская Карелия и русское Заонежье. И если Ухта была колыбелью рун Калевалы, то Заонежье сохранило русские былины»²⁸⁹. При этом возможность принятия флага и герба Ухтинской республики рассматривалась как предательство по отношению к русским: «приняв «ухтинский» флаг мы ... перечеркнем все прошлое других культур своей единственной на земле отчизны, все потаенно ценное прочих соседей»²⁹⁰.

Наконец, еще одним пунктом дискуссии стало определение «золотого века» республики. Официальные символы должны иметь историческую основу, которая вызывала бы положительные ассоциации у населения. В проекте В. Добрынина «золотым веком» выступает период Ухтинской республики, период независимости Карелии от России. Очевидно, что для политической элиты республики начала 1990-х гг. такое толкование истории было невозможным²⁹¹. Предложенные Ю. Нивиным символы были лишены какой-либо исторической, идеологической нагрузки, и поэтому были более предпочтительными. Они позволяли наполнить их тем содержанием, которое было востребованным в то время. Тем не менее, идея А. Киннера о видоизмененном наподобие российского флага КФССР была поддержана большинством депутатов, в том числе и потому, что цвета флага КФССР

²⁸⁸ Имели флаг и герб / Северный курьер. – 1992. – 18 февраля. – С. 2

²⁸⁹ Не только о символах / Северный курьер. – 1992. – 14 марта. – С. 2.

²⁹⁰ Опять обманные знамена? / Молодежная газета Карелии. – 1992. – 25 августа. – С. 2

²⁹¹ От звезды не уйти. К итогам конкурса государственной символики Карелии / Северный курьер. – 1992. – 25 сентября. – С. 2.

тесно связаны с победой в Великой Отечественной войне²⁹². Таким образом, «золотым веком» карельской истории стал период существования Карело-Финской ССР, который был ознаменован победой в войне.

Законы о государственных символах, регламентирующие правила применения символики, были приняты республиканским парламентом осенью 2000 г., параллельно с начатым на федеральном уровне обсуждением государственных символов России. Следует отметить, что герб Республики Карелия до сих пор не внесен в государственный геральдический регистр. Попытка внесения герба была предпринята только однажды, в 2003 г.. Тогда члены геральдического совета высказали свои замечания относительно герба, предложив доработать его в соответствии с геральдическими требованиями. В частности, предлагалось убрать ветви, обрамляющие щит, так как они образуют венок, что противоречит высокому конституционному статусу субъекта Российской Федерации²⁹³. Однако, повторного внесения герба на утверждение не произошло, что может быть объяснено разными причинами. С одной стороны, внесение символов в геральдический регистр не носит обязательный характер. Субъекты федерации могут использовать символику без регистрации. Получение регистрационного номера гарантирует только официальную защиту использования символики. С другой стороны, нежелание субъектов приводить символику в соответствие с едиными требованиями может свидетельствовать об их стремлении к самостоятельности, демонстрации независимости от федерального центра.

В декабре 2012 г. по приглашению губернатора А. Худилайна в Карелию приехал геральдист из Санкт-Петербурга К. Башкиров, который пообещал в течение пяти лет «привести в порядок» герб республики и все гербы муниципальных образований, которые затем можно будет вносить в геральдический регистр²⁹⁴. По мнению ответственного секретаря

²⁹² Медведь – древний символ Карелии / Наука и жизнь. – 1995. – 4/95. – С. 32-35.

²⁹³ Из интервью с секретарем Геральдического совета при Президенте РФ

²⁹⁴ Перекрасить медведя и убрать елки, которые изображены на гербе Карелии [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2013. – URL : <http://nika-media.ru/blog/vse-novosti/society/gerb-karelii-okazalsja-nepravilnym/>, свободный. – (06.02.2014).

Геральдического совета при Президенте Российской Федерации, на данном этапе доминирует стремление быть «как все», а приведение символики в соответствие с общими требованиями, позволяет этого добиться. Кроме этого, регистрация нового герба может стать демонстрацией эффективности нынешней команды губернатора, который «может решать проблемы»²⁹⁵.

Таким образом, процесс символического оформления в Карелии на первоначальном этапе продемонстрировал наличие двух дискурсов: «эсклюзивной» и «инклюзивной» идентичности, которые активно транслировались в публичном пространстве региона. Окончательный выбор символики демонстрирует выбор в пользу формирования «инклюзивной» идентичности, направленной на гармонизацию республиканских и общероссийских символов. Происходящие в настоящее время процессы, связанные с возможным изменением республиканской символики могут также свидетельствовать о стремлении руководства республики к демонстрации принадлежности Карелии к единому, в том числе символическому, пространству России.

Важным этапом в политике идентичности в Карелии стало учреждение в 1999 году Дня Республики. Как отмечается в пояснительной записке к проекту закона «Об установлении Дня Республики Карелия», День РК – это «символ, олицетворяющий процесс оформления государственности Карелии»²⁹⁶. При подготовке к празднованию политическим акторы получили возможность представить собственную интерпретацию политической истории Карелии. Несмотря на то, что предложенное видение вызывает споры в научной и общественной среде²⁹⁷, празднование Дня Республики позволяет транслировать и закреплять «доминирующую» интерпретацию в общественном сознании.

²⁹⁵ Из интервью с секретарем Геральдического совета при Президенте РФ

²⁹⁶ Пояснительная записка к проекту закона Республики Карелия «Об установлении Дня Республики Карелия» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 1999. – URL : <http://www.gov.karelia.ru/gov/Leader/Document/note.html?print=>, свободный. – (06.02.2014).

²⁹⁷ Так, например, директор Карельского краеведческого музея М. Гольденберг считает, что День карельской государственности необходимо отмечать 4 сентября. По его мнению, государственное управление в Карелии появилось в 1784 году с образованием Олонецкой губернии. (О том, как народу, который, как девушка, дали Карелию – Карельская Губерния, № 24, 8.06. – 14.04.05. С. 10)

В частности, отмечается, что начало карельской государственности было заложено Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 8 июня 1920 г. об образовании Карельской Трудовой Коммуны (КТК). При этом в тексте Постановления подчеркивается, что КТК представляет собой национально-государственное образование «в населенных карелами местностях Олонецкой и Архангельской губерний»²⁹⁸. В дальнейшем наименование данной территории неоднократно менялось, но национально-государственный статус оставался неизменным. Важной вехой в истории Карелии называется период Карело-Финской ССР, когда к республике отошли земли Финляндии в результате мирного договора между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г.. Однако уже в 1956 г. Карелия вновь была преобразована в Карельскую автономную республику, что во многом объяснялось экономическими причинами. Регион не обладал достаточным количеством ресурсов, чтобы иметь статус союзной республики. К последующим шагам в развитии карельской государственности относят Конституции республики, а также принятие Декларации о государственном суверенитете КАССР, «сохранившей отношения Карелии с Россией как субъекта Федерации»²⁹⁹. Другими словами, история Карелии предстает как череда событий, каждое из которых вносило вклад в укрепление и развитие особого статуса республики. При этом история Карелии рассматривается как «неотъемлемая часть российской истории»³⁰⁰.

Празднование Дня Республики не направлено на обособление Карелии, напротив, как неоднократно подчеркивал Глава Республики, этот праздник - «хорошая возможность для Карелии еще раз подтвердить принцип: сильные регионы – сильна Россия»³⁰¹. Кроме этого, День Республики является важным элементом ритуализации принадлежности к сообществу. Одна из

²⁹⁸ О Дне Республики Карелия – [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2003. – URL : <http://gov.karelia.ru/gov/Leader?Document/day.html>, свободный. – (21.01.2014).

²⁹⁹ Там же

³⁰⁰ Прими поздравления, северный край! / Карелия. – 2002. - 8 июня 2002. – С. 2

³⁰¹ Дорогие жители Карелии! (поздравление с 80-летием республики) [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2000. – URL : http://gov.karelia.ru/gov/News/2000/0603_01.html, свободный. – (06.02.2014).

задач подобных мероприятий — объединение «жителей республики, чтобы понятие Родины, Карелии вошло в сердце каждого», ведь «мы — соборная страна, нам нельзя жить без идеи, которая объединит нас всех»³⁰². Другая задача праздника заключается в позиционировании региона в общероссийском и мировом масштабе. День Республики направлен на то, чтобы Карелия стала узнаваемой в России и в мире, на привлечение дополнительных ресурсов³⁰³.

День Республики отмечается каждый год, однако, наибольшее внимание как со стороны руководителей республики, так и со стороны населения, уделяется празднованию юбилейных дат. В 2000 и 2010 гг. Карелия праздновала, соответственно, 80-летие и 90-летие карельской государственности. Как правило, юбилейные торжества собирают большое количество людей, готовятся специальные мероприятия, которые направлены на то, чтобы еще раз подчеркнуть особый статус республики, озвучить ее историю, обратить внимание на культурные и национальные особенности. Например, празднование 80-летия республики проводилось «с карельским уклоном» для того, чтобы показать, чем Карелия отличается от других³⁰⁴. В частности, ко Дню республики было приурочено открытие специальной выставки в Краеведческом музее, в программу мероприятий были включены фольклорные праздники, театрализованные представления, связанные с историей и культурой Карелии.

К юбилею была разработана специальная эмблема: на фоне российского флага был изображен контур карты республики, в которую был вписан карельский флаг. Тем самым подчеркивалась неизменная принадлежность Карелии к России, то есть был продолжен курс на формирование «инклюзивной» идентичности, который был обозначен при

³⁰² Идея, которая объединит нас всех [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 1999. – URL : <http://gov.karelia.ru/gov/News/Leader/1999/0701.html>, свободный. – (07.02.2014).

³⁰³ Мы должны быть узнаваемы в России. Председатель Правительства РК Сергей Катанандов о 80-летию Республики Карелия [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2000. – URL : http://gov.karelia.ru/gov/News/2000/0419_03.html, свободный. – (06.02.2014)

³⁰⁴ «Карельский поворот» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2013. – URL : <http://gov.karelia.ru/gov/Leader/Press/000613.html>, свободный. – (06.02.2014)

выборе официальной символики республики. В целом, идея о необходимости разработки особых символов к юбилеям республики использовалась и в 2010 г., когда эмблема Дня республики представляла собой контур карты, который обрамлялся с одной стороны цветами российского, а с другой стороны-карельского флагов. Внутри карты помещался герб республики. Кроме этого, к 90-летнему юбилею был объявлен конкурс на создание символа праздника, по итогам которого талисманом Дня Республики стала рысь. Как было отмечено при объявлении результатов, «изображение этого животного не так часто используется, как многие другие, то есть символ нашего праздника не будет неинтересным»³⁰⁵.

Отличительной чертой Дня Республики в 2010 г. стало, с одной стороны, особое внимание к празднику со стороны федеральных органов власти. Так, в феврале 2009 году Президент России подписал Указ о формировании организационного комитета под руководством первого заместителя Председателя Правительства РФ В. Зубкова. В План мероприятий по подготовке юбилея республики вошли многие инициативы республиканских властей, связанные со строительством или реконструкцией социально значимых объектов. С другой стороны, впервые программа празднования Дня Республики включала в себя мероприятия во всех без исключения муниципальных образованиях Карелии. До этого, как правило, основное празднование было сосредоточено в столице республики – Петрозаводске. Таким образом, произошло некоторое изменение в восприятии Дня Республики, который стал рассматриваться в большей степени как «возможность реализации большой программы мероприятий»³⁰⁶. При этом идея праздника как способа объединения жителей Карелии все еще

³⁰⁵ У юбилея Республики Карелия появился свой символ [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2010. – URL : – http://www.gov.karelia.ru/gov/News?2010/04/0412_12.html, свободный. – (06.02.2014).

³⁰⁶ Глава Карелии обсудил с радиожурналистами 90-летие Карелии, мировой кризис и популярную музыку [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2010. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2010/06/0624_07.html, свободный. – (06.02.2014).

продолжала присутствовать в публичном пространстве: «каждый из таких праздников объединяет людей, появляется чувство локтя»³⁰⁷.

Начиная с 2013 г., концепция Дня Республики вновь претерпевает некоторые изменения. По инициативе Главы Республики А. Худилайнена, центр праздника переносится из Петрозаводска в районы республики. Первым муниципальным образованием, в котором было организовано празднование Дня Республики, стал Пряжинский национальный район. По словам губернатора, День Республики стал мощным стимулом для развития района, в который удалось привлечь дополнительные средства. Так, например, был создан этнокультурный центр, отремонтированы дороги, фасады зданий и т.д. А. Худилайнен отметил, что «празднование Дня республики в разных районах войдут в традицию, наши города и поселки будут расцветать, становиться уютнее и комфортнее для жизни»³⁰⁸.

Такое же во многом утилитарное восприятие праздника можно обнаружить и при подготовке 100-летнего юбилея Карелии, который будет отмечаться в 2020 году. Как и в 2010 году, подготовка к юбилею курируется на уровне федерального центра, где в соответствии с Указом Президента была создана Государственная комиссия по подготовке к празднику. На Дне Республики в 2013 году А. Худилайнен объявил о начале народной республиканской программы «Моя Карелия – моя Россия», цель которой — «сделать Карелию комфортной и благополучной жизни, почувствовать единство всех жителей республики»³⁰⁹. Юбилей республики рассматривается как возможность решить накопившиеся проблемы за счет федерального бюджета. В программу подготовки включаются, в частности, проекты по

³⁰⁷ Глава Карелии обсудил с радиожурналистами 90-летие Карелии, мировой кризис и популярную музыку – [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2010. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2010/06/0624_07.html, свободный. – (06.02.2014).

³⁰⁸ 8 июня – День Республики Карелия. Поздравление Главы Республики Карелия, Председателя Законодательного Собрания Республики Карелия и Главного федерального инспектора в Республике Карелия аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном Федеральном округе [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2013. – URL : http://gov.karelia.ru/gov/News/2013/06/0607_01/html, свободный. – (06.02.2014)

³⁰⁹ Александр Худилайнен: «День России – символ единства нации и совместной ответственности за историю, настоящее и будущее нашего великого народа» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2013. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2013/06/0611_03.html, свободный. – (06.02.2014).

строительству новых школ, детских садов, спортивных площадок, автомобильных дорог и др.

Руководитель Карелии предложил провести конкурс на разработку логотипа юбилея с участием общественности, который «станет близким и понятным для всех жителей республики... представлять ее юбилей за пределами Карелии»³¹⁰. Другими словами интегративная функция Дня Республики хоть и присутствует, но отходит на второй план. На первое место выходит прагматизм. Как отмечает А. Худилайнен, «праздничный салют, конечно, тоже будет, но в первую очередь нам надо привести в порядок республику»³¹¹.

Таким образом, анализ процесса символизации и ритуализации принадлежности к политическому сообществу в Карелии показывает, что на сегодняшний день в республике доминирует «инклюзивный» дискурс региональной идентичности. Принятые официальные символы демонстрируют тесную связь Карелии с Россией, направлены на гармонизацию символической продукции. Ритуализация принадлежности к сообществу, выраженная в виде празднования Дня Республики, также не направлена на противопоставление регионального сообщества общероссийскому. Напротив, история Карелии вписывается в историю страны как неотъемлемая ее часть.

День Республики преследует две важных цели: с одной стороны, он направлен внутрь сообщества с целью объединения всех жителей республики и формирования чувства гордости за Карелию, с другой стороны, День Республики становится частью имиджевой программы, направленной вовне. Главной задачей в этом случае становится продвижение Карелии в общероссийском и даже международном пространстве. При этом стоит отметить произошедшую трансформацию в восприятии Дня Республики. Если изначально преобладало стремление к объединению людей, то затем на

³¹⁰ Александр Худилайнен: «Юбилей республики – не фейерверки, а напряженная и кропотливая работа» - [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2013. – URL : http://gov.karelia.ru/gov/News/2013/10/1011_09.html?print=, свободный. – (06.02.2014).

³¹¹ Там же.

первый план выходит прагматизм, возможность решения ключевых социально-экономических проблем территории.

§ 3.3. Формирование представлений о «мы-сообществе»

Одним из ключевых элементов политики идентичности является формирование представлений о «мы-сообществе», поскольку именно эти представления позволяют сформировать общее жизненное пространство внутри сообщества и, соответственно, представлять его как единое целое. Совокупность представлений о «мы-сообществе» включает в себя две важные составляющие: конструирование образа сообщества в целом и определение критериев принадлежности к нему. Другими словами, при проведении политики идентичности политические акторы должны сформировать «внутреннее» содержание сообщества и сформулировать ответ на вопрос «Кто такие мы?».

Специфика формирования представлений о «мы-сообществе» в Карелии заключается в том, что в республике не было основы для создания доминирующего регионального мифа³¹². В публичном пространстве региона не существует единой версии образа «мы-сообщества». В начале 1990-х гг. республиканские власти не стали актуализировать ни особые связи с Финляндией, ни статус Карелии как национальной республики в качестве основы для формирования образа региона. Как было показано ранее, основное внимание политических акторов было направлено на определение правил взаимодействия между ветвями власти внутри республики. Тем не менее политические акторы постоянно возвращаются к идее о необходимости формирования образа региона, как для консолидации населения внутри республики, так и для позиционирования Карелии в российском и международном пространствах: «Крайне важно определить для себя: какая Карелия нам нужна? Какой мы хотим ее видеть?.. Будет ли это Карелия промышленная, заводская? Или Карелия как центр здоровья, лечения, сосредоточения силы? А может, Карелия как центр духовности? Пока на эти вопросы ясных ответов нет»³¹³.

³¹² Ноженко М., Белокурова Е. Указ. соч. С. 114

³¹³ Новая страничка в имидже Карелии [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2010. – URL :

Проведенный анализ риторики политических элит республики показывает, что в структуре представлений о «мы-сообществе» существует три основных элемента. Так, в частности, политическая элита формирует образ Карелии как территории, обращаясь к природным и географическим особенностям региона. Здесь присутствуют такие символы, как озера, лес – «Карелия ... осталась прекрасным краем лесов и озер»³¹⁴, «Образ Карелии ассоциируется прежде всего с краем голубых озер»,³¹⁵ «Неоспоримое богатство края – это уникальная по своей красоте северная природа»³¹⁶. При этом важно отметить, что высказывания подобного рода направлены не только «внутри» региона, но и за его пределы. Свидетельством этому служит то, что они встречаются не только в выступлениях политической элиты, но и на официальном сайте органов государственной власти республики, который могут «посещать» жители разных регионов России. Кроме этого, представители элиты используют в качестве одного из символов республики белые ночи, которые в России традиционно считаются отличительной чертой Санкт-Петербурга «мы известны соседям ... не только красивыми озерами и белыми ночами»³¹⁷.

Важно отметить, что представления о Карелии как о крае, территории носят довольно абстрактный характер, поскольку опираются на некие распространенные, укорененные представления о республике. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в текстах выступлений на Днях республики, которые, по сути, являются важным элементом политики идентичности, содержатся одинаковые конструкции, один и тот же набор «клише». Карелия рассматривается как уникальная территория в составе России с особым колоритом: «Карелия – настоящая жемчужина России,

http://gov.karelia.ru/gov/News/2010/08/0812_11.html, свободный. – (24.01.2014).

³¹⁴ С. Катанандов: «Нам предстоит достойно пройти свой этап» / Карелия. – 2003. – 7 июня. – С. 2..

³¹⁵ Республика Карелия – туристические достопримечательности [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2004. – URL : http://gov.karelia.ru/gov/News/2004/09/0914_08.html, свободный. – (06.02.2014).

³¹⁶ Поздравление Председателя Государственной Думы Б. Грызлова с Днем Республики Карелия / Карелия. – 2010. – 8 июня. – С. 2.

³¹⁷ Глава Республики в сотне лучших политиков страны / Карелия. – 2003. – 8 мая. – С. 2.

прекрасный и неповторимый край»³¹⁸, «на длительном историческом пути народу Карелии удалось сохранить свое самобытное лицо, свои обычаи, многонациональную культуру»³¹⁹, «Карелия – неотъемлемая часть великой России, имеющая с ней одно прошлое, настоящее и будущее»³²⁰.

Восприятие республики как территории имеет и некий «географический» элемент. В выступлениях политических акторов четко обозначено месторасположение региона. При этом отмечается как приграничное положение республики и близость к Западу (хотя бы географическую), так и ее «срединное» положение в России: «Карелия, находящаяся на границе России и Евросоюза, в центре Баренцева региона»³²¹, «близость к центру (российскому)»³²², «Республика Карелия – приграничный российский регион»³²³, «В одной из самых западных республик нашей страны. В Карелии»³²⁴.

Также образ республики включает в себя восприятие региона как своеобразного экономического, культурного, и символического ресурса. В данном случае речь идет об использовании достижений в разных сферах общественной жизни для формирования «визитных карточек» Карелии. Чаще всего упоминаются «ведущие отрасли» карельской экономики, к которым относят туризм, а также те отрасли, которые нацелены на экспорт: «В стране хорошо известен опыт Карелии по развитию физической культуры, спорта и туризма»³²⁵, «уже сегодня Карелия закрепила за собой имидж региона-

³¹⁸ 8 июня – День Республики Карелия [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2011. – URL : <http://gov.karelia.ru/Karelia/2194/2.html>, свободный. – Аналог печат. изд. (Карелия. – 2011. - 7 июня). – (06.02.2014).

³¹⁹ 8 июня – День Республики Карелия День Республики Карелия [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2012. – URL : <http://gov.karelia.ru/Karelia/2294/2.html>, свободный. – Аналог печат. изд. (Карелия. – 2012. - 7 июня). – (06.02.2014).

³²⁰ Пряжа стала центром празднования Дня Республики Карелия [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2013. – URL : – http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2013/06/0608_07.html, свободный. – (21.01.2014)

³²¹ Внешние связи в новом измерении. Межрегиональное сотрудничество Республики Карелия как фактор развития экономики / Карелия. – 2002. - 24 января.- С. 2.

³²² Там же.

³²³ Возрождение Карелии. Концепция социально-экономического развития Республики Карелия на период 2002 – 2006 – 2010 гг. Петрозаводск, 2003, 24.

³²⁴ Немцов Б.: «Скажи Катанандову: «Нет!»» / Карелия. – 2002. – 18 апреля. – С. 4.

³²⁵ Валерий Квартальнов: «Богатство Карелии будут создавать туристские кадры» / Карелия. – 2002. - 15 января. – С. 3

поставщика»³²⁶, «республика остается одним из самых привлекательных в туристическом отношении регионов страны»³²⁷, «мы – экспортная республика»³²⁸. При этом, когда представители власти говорят о туристическом потенциале Карелии, они обращаются к тем же «естественным» символам региона, которые в данном случае воспринимаются в качестве «достояния», способного приносить реальный доход республике. Кроме этого, в выступлениях представителей политической элиты неоднократно встречается призыв сохранить «формирующийся положительный имидж республики»³²⁹ и направить максимальные усилия для его поддержания: «республика должна стать максимально открытой для инвесторов... необходимо создать положительный имидж Карелии в стране и в мире»³³⁰, «не стоит во имя достижения политических целей ставить на карту деловую и инвестиционную привлекательность республики»³³¹, «наша республика уже сегодня одно из лучших мест для жизни и, надеюсь, в скором будущем станет лучшим регионом для бизнеса»³³². Однако, помимо чисто экономических достижений, в средствах массовой информации встречаются и другие характеристики Карелии: «это репутация работающей, культурной и образованной республики»³³³, «мы известны ... богатыми культурными и историческими традициями»³³⁴, «наша республика потихоньку становится одним из образовательных центров России»³³⁵.

³²⁶ Внешние связи в новом измерении. Межрегиональное сотрудничество Республики Карелия как фактор развития экономики / Карелия. – 2002. – 24 января. – С. 2.

³²⁷ Там же.

³²⁸ Тюков Б.: «Коммунисты не станут поддерживать Катанандова ни при каких условиях»/ Губерния. – 2002. – 27 февраля. – С. 3.

³²⁹ Возрождение Карелии. Концепция социально-экономического развития Республики Карелия на период 2002 – 2006 – 2010 гг. Петрозаводск, 2003. С. 18.

³³⁰ Гармония интересов / Карелия. – 2003. – 29 апреля. – С. 2..

³³¹ Обращение члена Совета Федерации Ю. Пономарева к кандидатам на выборные должности всех уровней власти на выборах 2002 года / Карелия. – 2002. – 19 марта. – С. 3.

³³² Курс на борьбу с ощущением бедности / Карелия. – 2002. – 21 марта. – С. 3..

³³³ Обращение члена Совета Федерации Ю. Пономарева к кандидатам на выборные должности всех уровней власти на выборах 2002 года / Карелия. – 2002. – 19 марта. – С. 3.

³³⁴ Глава Республики Карелия в сотне лучших политиков страны / Карелия. – 2003. – 8 мая. – С. 2.

³³⁵ Петрозаводск – центр образования России на год / Курьер Карелии. – 2002. – 18 апреля. – С. 2.

Культура занимает особое место в политике идентичности республиканских элит. Обращение к национальным финно-угорским традициям, с одной стороны, и традициям православия, с другой, позволяют политическим акторам формировать образ Карелии как уникальной территории, одновременно подчеркивая неотъемлемую принадлежность республики к России. Так, С. Катанандов отмечал, что главное богатство республики – «само понятие «Карелия», наличие уникальной северной финно-угорской культуры»,³³⁶ на формирование которой повлияло «пограничное положение между миром Западным и миром Восточным, германским и славянским, католическим и православным»³³⁷. На информационном туристском портале РК подчеркивается, что «историко-культурное своеобразие Карелии, отличающее ее от других территорий России, определяется также культурным наследием четырех коренных народов, исторически проживающих в этом регионе - карелов, финнов, вепсов, русских, создавших за десять веков совместного проживания уникальную и самобытную культуру»³³⁸.

Карелия представляется как «уникальный для культуры человечества регион»³³⁹, который соединил в себе черты финно-угорской культуры, выраженные в рунопевческой традиции, эпосе Калевала, а также черты русской фольклорной традиции. Как было отмечено в одном из интервью, Карелия обладает богатым историко-культурное наследием: «безусловно, здесь и архитектурные объекты, и археологические находки... это и исторические поселения ... это и промыслы, ремесла... фольклор, песенные традиции»³⁴⁰.

³³⁶ От первого лица. Выдержки из интервью и статей С. Л. Катанандова разных лет / Карелия – территория развития (1998 – 2008) / [Администрация Главы Респ. Карелия; глав. ред. Т. Колесова]. – Петрозаводск : Скандинавия, 2008. С. 52

³³⁷ С. Катанандов Карелия в священном треугольнике // Карелия. 10 шагов в новое тысячелетие. – Петрозаводск : АУ РК «Издательский Дом «Карелия», 2010. С. 4

³³⁸ Информационно-туристский портал РК [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2014. – URL : http://www.ticrk.ru/ru/section_3296.html, свободный. – (21.01.2014).

³³⁹ С. Катанандов Карелия в священном треугольнике // Карелия. 10 шагов в новое тысячелетие. – Петрозаводск : АУ РК «Издательский Дом «Карелия», 2010. С. 4

³⁴⁰ Интервью с министром культуры РК

Следует отметить, что обращение к национальным традициям получило более широкое распространение при назначенных губернаторах, которые до этого постоянно не проживали на территории республики. В. Степанов и С. Катанандов большее внимание уделяли сохранению межэтнического мира и согласия, подчеркивали многонациональность республики и необходимость поддержания культуры всех народов, проживающих на ее территории. Как подчеркивал В. Степанов, «существующую ныне межнациональную стабильность в республике нужно беречь» и не выводить в политическую плоскость вопрос о том, кто является коренным жителем Карелии, поскольку «всякий, кто живет в республике, тот и коренной»³⁴¹. Похожие мысли высказывал и С. Катанандов, отмечая, что «республика стала родным домом для представителей самых разных национальностей, которые веками живут в мире и согласии»³⁴².

Назначенным «извне» руководителям региона необходимо было выработать особую стратегию в формировании образа «мы-сообщества», в том числе для того, чтобы стать «своим». Как уже отмечалось, А. Нелидов начал свою деятельность со встречи с представителями карелов, вепсов и финнов, а одним из приоритетов развития республики назвал превращение Карелии в развивающийся туристический центр. При этом основой туризма должно было стать «духовное паломничество, сохранение и использование природных красот, исторических и культурных богатств»³⁴³. В целом же А. Нелидов отмечал необходимость проведения такой политики, которая позволила бы Карелии быть «именно республикой» и отличаться от других регионов «не по названию, а по смыслу»³⁴⁴.

³⁴¹ Председатель Правительства Республики Карелия Виктор Степанов: «Республики в каком-то смысле ледоколы, прокладывающие путь федерализму в России» / Карелия. – 1995. – 29 июля. – С. 3..

³⁴² Прими поздравления, северный край! / Карелия. – 2002. – 8 июня 2002. – С. 2.

³⁴³ Андрей Нелидов: «Карелия – центр духовной силы» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2010. – URL : - http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2010/08/0824_07.html, свободный. – (06.02.2014).

³⁴⁴ Андрей Нелидов вступил в должность Главы Республики Карелия [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2010. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2010/07/0721_21.html, свободный. – (06.02.2014).

В свою очередь А. Худилайнен с самого начала подчеркивал свое финское происхождение, которое должно было помочь ему «социализироваться» в республике. Как отмечал Глава республики, «Президент направил меня в Карелию со словами: «Ты говоришь по-фински, сам финн, тебя сразу примут в Карелии за своего»³⁴⁵. Поддержка и развитие национальных культур республики стали одним из важных приоритетов нового руководителя, ведь культура «формирует психологическое состояние общества»³⁴⁶.

Таким образом, финно-угорская культура является важной частью образа «мы-сообщества», которая позволяет политическим акторам артикулировать уникальность республики. Использование культурных особенностей в политике идентичности направлено как «внутри» сообщества с целью консолидации населения, так и «вовне» для позиционирования республики в общероссийском масштабе. А. Худилайнен подчеркивает, что «в России не так много регионов, сохранивших национальный колорит, и Карелии его надо сохранять и показывать»³⁴⁷.

Особое место среди культурных черт республики занимает религиозная составляющая. Карелия описывается как «земля в священном треугольнике – Кижы-Валаам-Соловки, - которая хранит чистейшую в мире православную традицию»³⁴⁸. Примечательно, что лидеры республики активно используют Соловецкий архипелаг в качестве символа Карелии, несмотря на административную принадлежность островов к Архангельской области. Соловецкие острова рассматриваются в качестве важного памятника православной Карелии: «три острова, три оплота русской православной

³⁴⁵ Интервью Главы Республики Карелия Александра Худилайнена финской газете Helsingin sanomat [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2013. – URL : <http://www.gov.karelia.ru/gov/Leader/Press/120713.html>, свободный. – (06.02.2014).

³⁴⁶ Александр Худилайнен: «Чем лучше чувствует себя культура, тем меньше проблем в нашем обществе» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2012. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2012/06/0630_03.html, свободный. – (06.02.2014).

³⁴⁷ Александр Худилайнен: «В Карелии активно поддерживается культура и языки коренных народов» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2012. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2012/12/1218_11.html, свободный. – (06.02.2014).

³⁴⁸ С. Катанандов Карелия в священном треугольнике // Карелия. 10 шагов в новое тысячелетие. – Петрозаводск : АУ РК «Издательский Дом «Карелия», 2010. С. 4

духовности несокрушимо стоят на внешних рубежах Карелии... - Валаам на западе, Соловки на севере и Кижы на юге»³⁴⁹.

Одной из ключевых идей А. Нелидова в начале своей деятельности на посту Главы Республики было развитие Карелии как центра духовной силы России. Он подчеркивал, что Карелия является одним из «древних центров русского православия»³⁵⁰, ведь «только в Карелии находятся три храма преображения»³⁵¹. Обращение к православным традициям позволяет республиканским лидерам подчеркивать связь Карелии с Россией, встраивая образ региона в «мы-сообщество» национального масштаба.

Наконец, достаточно большое внимание уделяется и самим жителям республики, которые предстают как трудолюбивые, мудрые, гостеприимные и образованные люди: «бесценное достояние Карелии – ее люди, представители более ста самых разных национальностей»³⁵², «у нас в республике живут самые замечательные люди»³⁵³, «наши земляки все увереннее становятся хозяевами собственной судьбы»³⁵⁴, «Карелия – это люди, которые населяют наш край, хранят его традиции, его национальную и культурную самобытность»³⁵⁵. При этом до 2011 года жители Карелии не имели какого-то определенного наименования. Начиная с А. Нелидова, в политическую риторику вошло наименование «северяне», таким образом Карелия становилась частью более масштабного географического сообщества, жители которого обладают специфическими качествами: «Северяне трудолюбивы, талантливы, гостеприимны»³⁵⁶, «северяне – народ

³⁴⁹ Моя Карелия. Фотоальбом. – Петрозаводск : Скандинавия. 2002. С. 51

³⁵⁰ Обращение Главы Карелии А. В. Нелидова к жителям [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2010. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2010/12/1227_06.html, свободный. – (06.02.2014).

³⁵¹ Андрей Нелидов: «Карелия – центр духовной силы» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2010. – URL : - http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2010/08/0824_07.html, свободный. – (06.02.2014).

³⁵² Дорогие земляки! / Карелия. – 2005. – 7 июня. – С. 2

³⁵³ Глава Республики Карелия в сотне лучших политиков страны / Карелия. – 2003. – 8 мая. – С. 2.

³⁵⁴ Гармония интересов / Карелия. – 2003. – 29 апреля. – С. 2.

³⁵⁵ С юбилеем, Карелия! / Карелия. – 2010. - 8 июня. – С. 2

³⁵⁶ 8 июня – День Республики Карелия [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2011. – URL : <http://gov.karelia.ru/Karelia/2194/2.html>, свободный. – Аналог печат. изд. (Карелия. – 2011. - 7 июня). – (06.02.2014)

особенный, целеустремленный, уверенный в себе, трудолюбивый... жители Карелии бесконечно преданы родной земле»³⁵⁷.

Следовательно, процесс формирования образа Карелии свидетельствует о том, что в качестве основы представлений лежат так называемые «естественные» символы региона. Политические элиты республики используют «достояния» Карелии для демонстрации уникального положения региона в составе России. Все особенности, к которым апеллируют акторы, не имеют политической окраски и не направлены на отделение Карелии от России. Одной из задач Правительства Республики на период до 2010 г. С. Катанандов назвал «создание карельских брэндов»,³⁵⁸ что может способствовать не только формированию благоприятного имиджа республики, но и ее «узнаванию» в пределах страны. Глава Республики не раз отмечал, что «у нас в России много красивых мест. Но Карелия, конечно же, - жемчужина в драгоценном ожерелье нашей родины»³⁵⁹.

Важное место в формировании представлений о «мы-сообществе» занимает также вопрос о том, «кто такие «мы»? Во многом проблема определения критериев принадлежности к сообществу сводилась к обсуждению национального вопроса. В частности, один из центральных пунктов обсуждения, который отчасти был освещен ранее, являлся вопрос о коренных жителях республики. В одном из интервью В. Степанов заметил, что, несмотря на малочисленность карел³⁶⁰, Карелия — это карельская национальная республика. Создание Карелии во многом было связано с международными обязательствами об образовании национальной автономии

³⁵⁷ 8 июня – День Республики Карелия [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2012. – URL : <http://gov.karelia.ru/Karelia/2294/2.html>, свободный. – Аналог печат. изд. (Карелия. – 2012. - 7 июня). – (06.02.2014).

³⁵⁸ Возрождение Карелии. Концепция социально-экономического развития Республики Карелия на период 2002 – 2006 – 2010 гг. Петрозаводск, 2003. С. 71.

³⁵⁹ Мы очень любим свой город / Курьер Карелии. – 2003. – 19 июня. – С. 3.

³⁶⁰ По данным переписи 2010 года в республике проживает 7,1% карел (Республика Карелия. Итоги всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2011. – URL : http://krl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/resources/648b16804ee28b20832c833467c8ff84/2_%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8+%D0%92%D0%9F%D0%9D-2010+%D0%BF%D0%BE+%D0%A0%D0%9A.pdf, свободный. – (06.02.2014)

для карел, которые взяла на себя Россия при подписании Тартуского мира в 1920 году. Однако при этом необходимости в учреждении особого карельского гражданства или введения второго государственного языка, по мнению В. Степанова, нет, поскольку это будет лишь внешними атрибутами без серьезного внутреннего содержания³⁶¹.

Тем не менее, на протяжении 1990-х гг. в повестке дня в Карелии неоднократно поднимался вопрос о введении второго государственного языка. Обсуждение необходимости введения второго государственного языка в Карелии проходило в два этапа, на первом из которых доминировала так называемая культурно-охранительная модель, акцент делался на создании реальных предпосылок для перехода от устной языковой традиции к письменной. На втором этапе большее внимание уделялось поиску реализации правовой модели, которая рассматривала признание карельского в качестве государственного языка в республике как необходимое условие для его сохранения и развития. В частности, Декларация первого съезда карел закрепляла положение о необходимости признания государственными языками Карельской АССР карельского и русского. В дальнейшем все съезды дублировали это положение в своих резолюциях³⁶².

В течение 1990-х гг. органами государственной власти было подготовлено восемь законопроектов о государственных языках республики Карелия, ни один из которых не был принят. Поскольку собственно проблема учреждения второго государственного языка в Карелии выходит за рамки данного исследования, в данном параграфе мы остановимся лишь на отдельных аспектах дискуссии, связанных с определением критериев принадлежности к «мы-сообществу».

Анализ текстов законопроектов, а также публичной дискуссии вокруг них позволил выявить несколько ключевых проблемных измерений: какой язык утверждается в качестве второго государственного и как регулируется

³⁶¹ Председатель Правительства Республики Карелия Виктор Степанов: «Республики в каком-то смысле ледоколы, прокладывающие путь федерализму в России» / Карелия. – 1995. - 29 июля. – С. 3

³⁶² Карелы: модели языковой мобилизации. Петрозаводск. 2005. С. 10-11

порядок использования государственных языков. Для данного исследования эти вопросы могут быть переформулированы с позиции определения коренных членов «мы-сообщества».

Большинство законопроектов, подразумевающих введение второго государственного языка, содержало норму о карельском языке. Другими словами, карельский язык определялся в качестве критерия принадлежности к сообществу. Сторонники данного подхода выступали с позиции защиты прав коренных народов, зачастую используя риторику государственности. Введение второго государственного языка, по их мнению, ставило Карелию в один ряд с другими национальными республиками³⁶³. Среди обоснований, в частности, присутствовало указание на то, что карелы являются титульной национальностью, для которой карельский является родным языком, являющимся основой «не только всей его национальной культуры, но и самого этноса»³⁶⁴. Кроме этого, подчеркивалось, что Карелия, «являясь единственным государственным образованием карельского народа в мире, должна обеспечить сохранение и развитие карельского языка»³⁶⁵.

Противники подобного подхода делились на две группы, одна из которых выступала против введения второго государственного языка в принципе, а другая предлагала в качестве такового финский. Так, утверждалось, что наряду с карелами коренными народами республики являются русские и вепсы, и поэтому закрепление за карельским языком статус второго государственного приведет к ущемлению прав русского и вепского населения³⁶⁶. Сторонники сохранения статус-кво предлагали закрепить статус государственного языка за русским, подчеркивая тем самым

³⁶³ См., напр.: Протокол заседания коллегии Государственного комитета Республики Карелия по национальной политике от 25 декабря 1996 г. // Карелы: модели языковой мобилизации. – Петрозаводск, 2005. – С. 236

³⁶⁴ Пояснительная записка к проекту Закона Республики Карелия «О языках в Республике Карелия» (сентябрь 1996 г.) // Карелы: модели языковой мобилизации. – Петрозаводск, 2005. – С. 113

³⁶⁵ Пояснительная записка к проекту Закона Республики Карелия «О языках в Республике Карелия» (январь 1998 г.) // Карелы: модели языковой мобилизации. – Петрозаводск, 2005. – С. 127

³⁶⁶ Проекты закона предусматривали возможность сдачи экзамена на знание карельского языка при поступлении на государственную службу. См., напр.: Проект Закона Республики Карелия «О языках в Республике Карелия», январь 1998 // Карелы: модели языковой мобилизации. – Петрозаводск, 2005. – С. 123-126.

принадлежность Карелии к России, а карельскому и вепсскому языкам создать необходимые условия для развития³⁶⁷. Кроме этого принятие закона о втором государственном языке воспринималась как потенциально создание межэтнической напряженности в республике. С другой стороны, сторонники введения финского языка в качестве второго государственного отмечали тесную историческую и культурную связь Карелии и Финляндии и подчеркивали отсутствие единого литературного карельского языка. С подобной позицией, в частности, выступал Карельский конгресс³⁶⁸.

Тем не менее, вопрос о введении второго государственного языка в республике остался нерешенным. Законодательное Собрание отклонило законопроект, предложенный Правительством, и в новую версию Основного закона Карелии положение о статусе карельского языка также внесено не было. Отчасти такое решение может быть объяснено логикой политического процесса в республике, о которой шла речь в первом параграфе данной главы. Возможное утверждение второго государственного языка могло восприниматься как стремление к символическому отделению от России. В то же время замораживание дискуссии, которое произошло в начале 2000-х гг., продемонстрировало отказ от определения членов «мы-сообщества» на национальной, языковой или религиозной основе. Главным критерием принадлежности к политическому сообществу в Карелии негласно был определен факт проживания на территории республики.

Таким образом, формируя представления о «мы-сообществе» политические элиты республики опираются на существующие особенности региона, которые не зависят от деятельности органов государственной власти. В частности, образ региона включает в себя указания на природные, географические характеристики Карелии, которые воспринимаются в качестве важного достояния, бренда республики. Кроме этого, большое внимание уделяется экономическим, культурным и символическим

³⁶⁷ Этнический призраки / Наблюдатель. - 2001. - 29 января – 4 февраля. – С. 3

³⁶⁸ Официальными языками Карелии могут быть только русский и финский / Karjalan Sanomat/ 1996. 25 мая. Цит. по: Карелы: модели языковой мобилизации. С. 133-134

особенностям Карелии. При этом особое место в политике идентичности занимает артикуляция уникальной финно-угорской культуры с одной стороны, и древних традиций православия — с другой. Образ «мы-сообщества» во многом конструируется также на основе обращения к жителям территории, которые наделяются особыми качествами. При этом доминирующим критерием принадлежности к сообществу оказывается проживание на территории республики, а не этнические, языковые, религиозные и др. характеристики человека. Процесс формирования представлений о «мы-сообществе» направлен не только на демонстрацию уникальности республики, но и на артикуляцию тесной связи Карелии с Россией. Карелия рассматривается как один из самобытных регионов, которые составляют Россию.

§ 3.4. Дихотомия «свой» - «чужой» в политике идентичности Республики Карелия

Описанные в предыдущих параграфах элементы политики идентичности в большей степени были направлены внутрь регионального сообщества для консолидации населения республики. Закрепление же границ сообщества позволяет политическим акторам определять критерии принадлежности к «своим» и «чужим». Особенность Республики Карелия заключается в том, что административные границы Карелии как субъекта Российской Федерации играют второстепенную роль при определении границ политического сообщества. Они закрепляют зону действия политических институтов, но не ограничивают определение «своих».

Формирование представлений о «своих» в республике происходит не только на основе демаркированных границ. Границы политического сообщества в Карелии задаются как довольно гибкие, республика определяется в качестве составной части более крупных сообществ. Так, Карелия называется «частью России», «Северной Европы», «воротами между Западом и Востоком,» «мостом между объединенной Европой и глубинными регионами России»³⁶⁹, «европейским регионом», «порубежьем». При этом к «своим» относятся не столько люди, сколько политические образования: субъекты РФ или даже суверенные государства, которые политически «близки» Карелии.

Важную роль в формировании представлений о «своих» и «чужих» в республике играет ее географическое расположение, наличие протяженной границы с Европейским Союзом и связанные с этим международные контакты. В выступлениях высших должностных лиц республики очень часто встречается упоминание в качестве «своих» стран Европы, с которыми Карелию «объединяют общие европейские ценности».³⁷⁰ Представители политической элиты формируют представление о республике, как об

³⁶⁹ Программа приграничного сотрудничества Республики Карелия на 2001-2006 [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия, - 2000. - Режим доступа: - <http://gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Relations/Boundary/index.html>, - свободный. - (09.10.2013)

³⁷⁰ Три месяца в числе лидеров / Карелия. - 2003. - 8 апреля. - С. 3.

открытом регионе, который «вносит свой достойный вклад в укрепление России, в строительство общеевропейского дома»³⁷¹.

При этом понятие «Европа» в политике идентичности Карелии сводится, в первую очередь, к странам Северной Европы: «само географическое положение Карелии предполагает развитие международных связей в первую очередь со странами Северной Европы – Финляндией, Швецией, Норвегией. Мы активно участвуем и в международном сотрудничестве в Евро-Арктическом регионе»³⁷². Международное сотрудничество, прежде всего, приграничное, рассматривается политическими акторами как один из путей решения социальных, экономических, экологических и других проблем республики. В частности, бывший министр внешних связей Карелии В. Шлямин заявлял о том, что правительство стремится «извлечь максимум возможного от участия республики в международных региональных организациях»³⁷³. Как отмечают исследователи, внешнеполитическая деятельность Карелии «является инструментом и атрибутом [ее] новой самоидентификации», а развитие взаимоотношений с соседней Финляндией порождает «новую, альтернативную европейскую идентичность», которая находится «на периферии двух «миров» - североευропейской и славянской культур»³⁷⁴.

Международная деятельность республики Карелия начала активно развиваться после падения железного занавеса. Основным партнером на международной арене стала Финляндия, которая также была заинтересована в установлении добрососедских отношений с новой Россией. Так, в 1992 г. был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между Россией и Финляндией, который определил основные правила взаимодействия двух стран, в том числе на уровне приграничного взаимодействия. Ключевым направлением сотрудничества Карелии и Финляндии в начале 1990-х гг.

³⁷¹ С. Катанандов: «Надо смелее двигаться вперед» / Карелия. – 2003. – 5 апреля. – С. 3..

³⁷² Окно России в Северную Европу / Карелия. – 2002. – 26 апреля. – С. 3..

³⁷³ Валерий Шлямин, министр внешних связей РК: «Республике необходима концепция международной деятельности» / Карелия. – 1996. – 16 февраля. – С. 2.

³⁷⁴ Марен А. В поисках европейской идентичности: парадипломатическая деятельность Республики Карелия и ее последствия // Политическая наука. – 2002. – №1. – С. 79

являлась гуманитарная помощь, направляемая западным соседом для повышения качества и уровня жизни республики. Правительство Финляндии выделяло специальные средства для стимулирования экономического и социального развития Карелии.

В это же время Карелия стала активно участвовать в деятельности международных организаций, таких как Региональный совет Баренцев Евро-Арктического региона (1993 г.), Совет министров Северных стран (1994 г.), Совет государств Балтийского моря (1995 г.). Вступление Финляндии в Европейский Союз в 1995 г. открыло дополнительные возможности для международной деятельности Карелии. Республика стала активно участвовать в реализации европейских программ, в частности ТАСИС, а затем и Интеррег. Как отмечается на официальном сайте органов государственной власти Карелии, в период 1994-1997 гг. на территории республики было реализовано 348 проектов с партнерами-регионами государств Европы и в рамках европейских программ на общую сумму в 38 млн. долларов США³⁷⁵.

В 2000 г. на территории Карелии и трех приграничных региональных союзов Финляндии был создан Еврорегион «Карелия», который вывел двусторонние отношения на принципиально новый уровень. Главными направлениями сотрудничества в рамках Еврорегиона были названы экономические связи, охрана окружающей среды, туризм и культура. Как пишет В. Шлямин, «для нас еврорегион «Карелия» — это возможность энергично изучать европейский опыт регионального управления, местного самоуправления, построения гражданского общества с использованием элементов этого опыта в проведении реформ в нашей республике»³⁷⁶.

Несмотря на то, что юридически Карелия не обладает полномочиями для заключения международных договоров с другими государствами, органы

³⁷⁵ Международные организации, проекты и программы. Двустороннее сотрудничество РК с зарубежными партнерами [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия, - 1998. - Режим доступа: <http://gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Relations/inter97b.html>, - свободный. (09.10.2013)

³⁷⁶ Шлямин В. Еврорегион «Карелия» - новые вызовы и новые возможности [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия, - 2001. - Режим доступа: http://gov.karelia.ru/gov/News/2001/0518_01a.html, свободный. (09.10.2013)

государственной власти республики рассматривают ее в качестве равнозначного партнера в международной деятельности. Европа в целом, и Финляндия в частности, описываются в качестве «своих», но не в качестве «старшего брата», который «учит» младшего соседа. Так, подводя итоги международной деятельности республики в 1994-1997 гг., авторы доклада подчеркивали, что «Республика Карелия получила российское и международное признание в качестве полноправного региона Европы, активного участника и члена европейских межрегиональных организаций и программ»³⁷⁷.

Финляндия занимает особое место в политике идентичности Карелии не только в связи наличием общей границы и многочисленным приграничным контактам. Важным фактором оказывается общая принадлежность к другому сообществу, финно-угорскому миру. В частности, представители политической элиты апеллируют к общим культурным корням, общим традициям Карелии и Финляндии. В Программе приграничного сотрудничества Республики Карелия на 2001-2006 гг. отмечается, что «общность истории, близость языков финно-угорских народов, населяющих Север России и Финляндию, — являются естественными предпосылками для активизации сотрудничества между нашими странами»³⁷⁸.

В интервью респонденты подчеркивали значимость финно-угорской культуры для определения «своих». Представителям финно-угорского мира приписываются те же качества, которыми наделяются и жители Карелии: «Мы очень похожи, люди Карелии и люди республики Марий Эл. Они тоже отличаются каким-то таким спокойствием, уравновешенностью,

³⁷⁷ Международная деятельность Республики Карелия в 1994 - 1997 годах. Краткие итоги [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия, - 2001. - Режим доступа: <http://gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Relations/inter97.html>, - свободный. (09.10.2013)

³⁷⁸ Программа приграничного сотрудничества Республики Карелия на 2001-2006 годы [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия, - 2000. - Режим доступа: - <http://gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Relations/Boundary/index.html>, - свободный (09.10.2013)

взвешенностью, там слов, взглядов, и доброжелательностью»³⁷⁹; «по форме поведения жизни ... само отношение к труду, это трудолюбие, это вот всегда все очень качественный процесс»³⁸⁰.

Наряду с «внешними» сообществами, Карелия «встраивается» и в более крупные сообщества внутри России. Важным маркером для определения «своих» субъектов является интенсивность сотрудничества. Представители политической элиты Карелии относят к «своим» те субъекты Российской Федерации, которые объединяет общность интересов с Карелией, и которые находятся в географической близости от нее: «Регионы – ближайшие соседи Карелии, которых объединяет общность проблем и интересов в экономике, социальной сфере ... Это, в первую очередь, Мурманская, Архангельская, Вологодская и Ленинградская области»,³⁸¹ «Правительство Карелии ведет активный диалог со своими партнерами-соседами по Северо-Западу страны, с администрациями Москвы, ряда регионов Поволжья и Белоруссии»³⁸². Кроме этого, к «своим» относятся регионы, имеющие тот же статус, что и Карелия: «взаимоотношения с национальными республиками и в составе Российской Федерации (к которым официально относится и Карелия) и для которых сама констатация отношений дружбы и взаимопонимания достаточно значима, в том числе и в плане единства страны»³⁸³.

При этом стоит отметить, что утверждение гибких границ регионального политического сообщества является не столько инициативой политических акторов, сколько необходимостью привлечения дополнительных средств для решения экономических, социальных и других проблем республики. Как уже отмечалось, международное сотрудничество преимущественно рассматривается именно с утилитарных позиций.

³⁷⁹ Интервью с руководителем общественной организации Карелии

³⁸⁰ Интервью с министром культуры Республики Карелия

³⁸¹ Внешние связи в новом измерении. Межрегиональное сотрудничество Республики Карелия как фактор развития экономики / Карелия. – 2002. - 24 января. - С. 2.

³⁸² Шлямин В.: «Диалог – основа экспорта» / Карелия. – 2002. - 26 марта. – С. 3.

³⁸³ Внешние связи в новом измерении. Межрегиональное сотрудничество Республики Карелия как фактор развития экономики / Карелия. – 2002. - 24 января. - С. 2.

Реализованные в 1990-х гг. международные проекты позволили Карелии решить многие проблемы, использовать опыт западных государств для развития экономической, социальной сфер республики. Попытка превращения Карелии в закрытый регион была предпринята в 1998 г. С. Катанандовым. В своей предвыборной программе «Сделай шаг!» основной акцент он делал на опору на собственные силы. Председатель Правительства призывал граждан не ждать дополнительных средств, а прикладывать все усилия для самостоятельного решения проблем: «У людей порой складывается впечатление, что есть какой-то добрый парень, великий центр, который позволит нам хорошо жить. Да ничего подобного, сами и только вместе»³⁸⁴.

Политика экономической автаркии довольно быстро показала свою несостоятельность. У Карелии не было необходимых ресурсов для перехода на самообеспечение, она продолжала оставаться дотационным регионом, зависящим от дотаций из центра и иностранных инвестиций. Поэтому Правительство изменило стратегию в сторону большей открытости региона³⁸⁵. В дальнейшем эта стратегия была продолжена и вновь назначенными руководителями Карелии. Как заявил во время инаугурации А. Нелидов, приоритетом работы Правительства должна стать «открытость республики для инвестиций»³⁸⁶. Подобные же идеи легли в основу деятельности А. Худилайна, который отмечал необходимость привлечения инвестиций в Карелию³⁸⁷.

При этом инвесторы воспринимаются в большей степени как «чужие», к которым применяются особые «правила игры». Они рассматриваются в

³⁸⁴ О власти и человеческом факторе / Курьер Карелии. – 2002. – 2 марта. – С. 3.

³⁸⁵ Кром Е. Тише едешь – дальше будешь [Электронный ресурс] / Е. Кром; в подготовке материала принимала участие Н. Владимирская. – Электрон. ст. – Петрозаводск; Санкт-Петербург, 2004. – URL: http://expert.ru/northwest/2004/26/26no-stcenke_50138/, свободный. – Аналог печат. изд. (Эксперт Северо-Запад. - 2004. - № 26). – (21.01.2014).

³⁸⁶ Андрей Нелидов вступил в должность Главы Республики Карелия [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2010. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2010/07/0721_21.html, свободный. – (06.02.2014).

³⁸⁷ См., напр.: Александр Худилайнен: «Рассчитываю на консолидацию всех сил для достижения позитивных перемен в жизни республики» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2012. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2012/09/0907_18.html, свободный. – (05.02.2014).

качестве своего рода ресурса, который может быть использован для развития республики: «каждый приезжающий в республику оставляет деньги на нашей территории, и деньги немалые»³⁸⁸, «участвуя в выставках, мы приглашаем в нашу республику не столько гостей, сколько инвесторов»³⁸⁹. Как подчеркивал А. Нелидов, Карелии нужны «не пользователи республики, а инвесторы», которые регистрировали бы предприятия на территории Карелии и, соответственно, платили налоги в республиканский бюджет³⁹⁰.

Однако люди, приехавшие в Карелию, все равно будут «чужими», сколько бы лет они тут не прожили и, соответственно, по отношению к ним будут «работать» все те же «правила игры» с «чужаками»: «Я считаю, что главное достижение жителей Карелии – это то, что мы живем в мире и согласии, что мы все разные, и что на нашей территории уживаются все национальности. Единственное, я всегда напоминаю и буду это повторять, чтобы не получилось так, что те, кто приехал, подвинут тех, кто здесь уже давно жил, и тех, кто является опорой нашей республики, и кто создал все богатства, принадлежащие нашему народу и населению»³⁹¹.

Таким образом, можно говорить о том, что гибкость в определении границ политического сообщества в Карелии влияет и на формирование представлений о «своих». К «своим» относятся те регионы, страны и т.д., с которыми у республики общие интересы, ценности, статус, а также те, которые географически расположены близко к Карелии. Важную роль играет также и интенсивность сотрудничества, которая позволяет налаживать контакты между представителями разных сообществ и формировать атмосферу доверия.

³⁸⁸ С. Федотова Учимаь быть гостеприимными / Карелия. – 2003. – 15 мая. – С. 2.

³⁸⁹ Там же.

³⁹⁰ Глава Карелии: «Нам нужны не пользователи республики, а инвесторы» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2010. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2010/11/1117_06.html, свободный. – (06.02.2014).

³⁹¹ Вопросы депутатов Законодательного Собрания Республики Карелия Председателю Правительства Катанандову С.Л. по докладу и ответы на них на заседании Законодательного Собрания Республики / Карелия. – 2002. – 26 марта. – С. 2.; См. также: О чем председатель правительства докладывал депутатам / Курьер Карелии. – 2002. – 19 марта. – С. 2.

Совершенно иная ситуация наблюдается при определении «чужого». Здесь в образе «чужака» выступают индивиды или же государственные политические институты (федеральный центр), а не другие субъекты федерации или соседние государства. Так, к «чужим», относятся те, кто не живет на территории республики, не знает «наших» интересов и, соответственно, может отстаивать интересы внешних по отношению к Карелии акторов. Показательным примером здесь может служить ситуация на выборах Главы Республики в апреле 2002 г.. Тогда на высший пост Карелии был выдвинут кандидат из Москвы, летчик-космонавт С. Авдеев. Его появление на политической арене вызвало огромный резонанс по нескольким причинам: во-первых, этого никто не ожидал, и, во-вторых, никто не мог точно сказать «какие силы стоят за визитом космонавта»³⁹². В связи с этим выдвигались различные предположения: «Его «продвигает» «Газпром», заинтересованный в строительстве на территории Карелии газопровода к Штокмановскому месторождению в Баренцевом море»³⁹³, «Авдеева к нам катапультировала федеральная власть»³⁹⁴. Однако самой главной причиной, по которой все политические силы республики сплотились против С. Авдеева, было то, что он из Москвы и поэтому не имеет «к Карелии никакого отношения»³⁹⁵. «Московская прописка» вообще не очень котируется среди политической элиты, потому что центр (Москва) традиционно воспринимался в качестве «чужого».

Такое восприятие «чужих» во многом определило стратегию назначенных руководителей республики, которые стремились доказать, что Карелия для них — родной регион, проблемы которого они знают. В частности, А. Нелидов до своего назначения являлся представителем Карелии в Совете Федерации от исполнительной власти. Как отметил полномочный представитель президента в Северо-Западном федеральном округе И. Клебанов, А. Нелидов «не новый человек в Карелии. Он работал на

³⁹² С космических высот в кресло губернатора? / Карелия. – 2002. – 5 февраля. – С. 3..

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Высший пилотаж / Губерния. – 2002. – 6 февраля. – С. 3

³⁹⁵ Там же.

многих должностях... работал в лесопромышленном комплексе, что особенно ценно для его будущей работы».³⁹⁶ Точно также и А. Худилайнен неоднократно подчеркивал, что Карелия не чужой ему регион: «я сюда впервые попал не в мае» - заявлял Глава Республики³⁹⁷.

Таким образом, можно отметить подвижность границ политического сообщества в Карелии. Политические акторы стремятся «встроить» республику в более масштабные сообщества, как внутри России, так и за ее пределами, формируя тем самым «инклюзивную» идентичность. Такая гибкость границ обусловлена рядом причин, среди которых можно выделить особенность географического расположения Карелии, стимулирующего развитие международного и межрегионального сотрудничества. Интенсивные контакты с государствами Северной Европы, регионами Северо-Запада России подкрепляются артикуляцией общих культурных связей, принадлежностью к финно-угорскому миру. Не менее важную роль в определении границ сообщества играет и стремление политической элиты решить экономические проблемы республики за счет привлечения дополнительных средств. Открытость региона, гибкость его границ позволяет решать задачи по привлечению инвестиций с минимальными издержками.

Подводя итог представленному в данной главе анализу, можно выделить три основных этапа политики идентичности в Республике Карелия, которые отчасти совпадают с выделенными в предыдущей главе этапами политики идентичности в регионах России в целом.

Первый этап начался с момента принятия Декларации о государственной независимости РК 9 августа 1990 г. и продлился до весны 1998 г., когда В. Степанов проиграл выборы на должность Председателя Правительства РК. Этот период можно охарактеризовать как время

³⁹⁶ Андрей Нелидов вступил в должность Главы Республики Карелия [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2010. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2010/07/0721_21.html, свободный. – (06.02.2014).

³⁹⁷ Александр Худилайнен: «Карелия заслуживает лучшего состояния» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2012. – URL : <http://gov.karelia.ru/gov/Leader/Press/120703.html>, свободный. – (06.02.2014).

институционального оформления политического сообщества в республике и конкуренции между стратегиями политики идентичности. Основное внимание политических акторов было направлено на определение основных правил игры как внутри региона, так и во взаимоотношениях республики с федеральным центром. Одновременно был начат процесс символического оформления политического сообщества, связанный с разработкой и принятием официальной символики. Окончательный выбор символов ознаменовал утверждение стратегии «инклюзивной» идентичности, поскольку символика была направлена на демонстрацию принадлежности Карелии к российскому государству.

Второй этап политики идентичности относится к периоду нахождения у власти С. Катанандова (1998-2010). В это время был учрежден День Республики – важный элемент ритуализации принадлежности к сообществу, который задал доминирующие рамки интерпретации истории Карелии как части России. Несмотря на то, что предвыборная программа С. Катанандова включала в себя идею опоры на собственные силы, Карелия не стремилась дистанцироваться от российского государства. Напротив, С. Катанандов всегда демонстрировал лояльность и поддержку всем инициативам федерального центра, даже тем, которые значительно сокращали возможности региональных лидеров. Тем не менее, после отмены прямых губернаторских выборов в середине 2000-х гг. активность в проведении политики идентичности значительно снизилась.

Наконец, третий этап связан с приходом к власти назначенных руководителей республики: А. Нелидова в 2010 г. и А. Худилайнена в 2012 г.. С одной стороны, в это время в публичном дискурсе вновь появилась идея об уникальности Карелии как части финно-угорского мира, что, однако, не означало возрождения стратегии формирования эксклюзивной идентичности. Обращение к национальным особенностям республики использовалось Главой республики в качестве своеобразного ресурса для поиска поддержки внутри региона. С другой стороны, политические элиты продолжали

подчеркивать принадлежность республики к России, к ее полиэтническому народу. Это подтверждается, в частности, в процессе разработки программы празднования 100-летия Карелии в 2020 г. «Моя Карелия – Моя Россия».

Анализ политики идентичности в Республике Карелия свидетельствует о формировании в регионе «инклюзивной» идентичности. Дискурс об «экслюзивности» хотя и присутствует в публичном пространстве, занимает маргинальное положение. Среди факторов, обусловивших выбор «инклюзивной» идентичности, можно отметить низкую долю титульного населения, экономическую зависимость от федерального центра, а также отсутствие доминирующего актора. Необходимость привлечения дополнительных средств привела к утверждению гибких границ сообщества, которые позволили встраивать его в сообщества более крупного масштаба. Приграничное положение Карелии, которое могло бы способствовать формированию эксклюзивной идентичности, в целом способствовало развитию международных связей, которые рассматривались как возможность решения экономических проблем, так и в качестве утверждения особого положения республики в составе России.

Доминирование русских в этнической структуре населения, наряду с экономической зависимостью, не позволило политическим элитам региона вести активный «торг» с федеральным центром за дополнительные полномочия, что было характерно для большинства других национальных республик России. При этом статус Карелии как национальной республики позволил получить определенные преимущества по сравнению с административно-территориальными образованиями. Актуализация этнического своеобразия республики в 1990-е гг. была связана с процессом разработки официальной символики, а в 2010-е гг. — с необходимостью поиска поддержки со стороны назначенных руководителей региона.

Заключение

Представленное диссертационное исследование посвящено теоретическому осмыслению и выявлению специфики формирования и реализации политики идентичности в субъектах Российской Федерации на примере Республики Карелия.

Положенный в основу работы конструктивистский подход позволил определить политику идентичности как деятельность политических элит по формированию как представлений о «мы-сообществе», так и чувства принадлежности к нему в границах политического сообщества. Основными акторами политики идентичности являются политические элиты и институты, которые стремятся легитимировать свое положение и укрепить свои позиции во властной иерархии. При этом сама политика идентичности может проводиться в политических сообществах любых масштабов: от регионов как составных частей государства до национальных государств и наднациональных образований типа Европейского Союза.

Основными направлениями политики идентичности являются символизация пространства, ритуализация принадлежности к сообществу, формирование представлений о «мы-сообществе», а также выстраивание границ «свой» - «чужой». Символизация пространства включает в себя процесс разработки и тиражирования официальных символов государства, которые должны содержать в себе идею, позволяющую объединить членов сообщества. Кроме этого, символизация пространства предполагает распространение и других символов, которые вызывают положительные ассоциации с сообществом. Важным элементом политики идентичности является и ритуализация принадлежности к политическому сообществу, которая выражается в виде организации массовых праздников, утверждения памятных дат и т. д. Формирование представлений о «мы-сообществе» направлено на создание общего жизненного пространства, определение критериев принадлежности к сообществу и ответу на вопрос «Кто такие мы?». Наконец, установление границ «свой» - «чужой» связано с

закреплением границ сообщества и определением правил взаимодействия с «чужими».

Отличительные черты политики идентичности в регионах обуславливаются статусом региона как составной части государства, политические элиты которых ограничены в осуществлении своей деятельности. При формировании и реализации политики идентичности региональные элиты могут руководствоваться различными стратегиями, которые могут привести к формированию региональной идентичности двух типов: «эксклюзивной» и «инклюзивной». Эксклюзивная идентичность направлена на противопоставление регионального сообщества национальному. Этим определяется деятельность региональных элит по формированию представлений о «мы-сообществе». Инклюзивная идентичность, напротив, связана с гармонизацией представлений о региональном и национальном «мы-сообществе». Региональное сообщество рассматривается как неотъемлемая часть сообщества более крупного масштаба.

Выбор той или иной стратегии обуславливается рядом факторов. К ним относятся статус региона, доля титульного населения, экономическая самостоятельность или зависимость от центральных органов управления, географическое расположение и тип политического режима. В рамках объяснительной модели было выдвинуто предположение, что эксклюзивная идентичность будет в большей степени характерна для национальных республик с высокой долей титульного населения, для экономически развитых регионов с моноцентричным политическим режимом, а также для удаленных от центра регионов. И, наоборот, инклюзивная идентичность будет формироваться в административно-территориальных субъектах с преобладанием государственного большинства, зависимостью от дотаций из центра, географической близостью к центральной власти и полицентричным политическим режимом.

Рассмотрение этапов и особенностей формирования политики идентичности в регионах Российской Федерации позволило провести апробацию разработанной теоретической модели. Анализ выявил взаимосвязь между проводимой политикой идентичности в регионах и характером взаимоотношений между центром и регионами, а также деятельностью государства по формированию общенациональной идентичности. Основные этапы формирования и реализации политики идентичности в регионах России в целом совпадают с трансформацией взаимоотношений между центром и регионами, первый из которых был связан с процессом складывания федеративных отношений в 1990-е гг. и неудачными попытками формирования общероссийской идентичности. Ассиметричный характер российского федерализма заложил основы для формирования в субъектах федерации двух типов региональной идентичности. Второй этап начался с приходом к власти В. Путина и началом реформ по построению «вертикали власти», которые привели к снижению автономии региональных органов власти и, соответственно, стимулов для обращения к политике идентичности. В настоящее время наблюдается уникальная ситуация, в которой, с одной стороны, происходит актуализация общенациональной идентичности в политической повестке дня центральных органов власти, а, с другой стороны, политика идентичности после некоторого спада вновь становится составной частью деятельности региональных политических элит.

Анализ конкретного примера формирования и реализации политики идентичности в регионах России — республики Карелия — позволил сделать вывод о формировании в республике «инклюзивной» идентичности, несмотря на предпринимавшиеся попытки выстраивания «эксклюзивной» идентичности на основе обращения к титульной этнической группе. Основными факторами, обусловившими выбор стратегии политики идентичности в Карелии, являлись низкая доля титульного населения и сильная экономическая зависимость от дополнительных финансовых

средств. С одной стороны, это не позволило республиканским элитам в начале 1990-х гг. вести торг с центральными органами власти за дополнительные полномочия, а, с другой стороны, в совокупности с приграничным положением повлияло на формирование гибких границ политического сообщества, которое рассматривалось как составная часть сообществ более крупного масштаба (российского и даже европейского).

Таким образом, разработанная в рамках диссертационного исследования теоретическая модель анализа формирования и реализации политики идентичности в регионах России продемонстрировала объяснительный потенциал и позволила рассматривать процесс формирования региональной идентичности в связи с процессами более крупного масштаба.

Список источников и использованной литературы

1. Конституция Российской Федерации: комментарий Конституционного Суда РФ, официальный текст, принятие и вступление в силу поправок к Конституции РФ. – 3-е изд., доп. и переработ. - М.: Юрайт, 2000. – 63 с.
2. Возрождение Карелии. Концепция социально-экономического развития Республики Карелия на период 2002 – 2006 – 2010 гг. Петрозаводск, 2003, - 93 с.
3. О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: декларация от 12.06.1990 № 22-1// Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1990. - N2. – С. 22
4. Автономия или контроль? : реформа местной власти в городах России, 1991-2001 / В. Гельман [и др.] ; Фонд "Центр изучения современной политики". - Санкт-Петербург : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2002. - 377 с.
5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Г. Николаева ; науч. ред. и вступ. ст. С. П. Баньковской ; Ин-т социологии РАН, Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, Центр Фундамент. Социологии. – Москва : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2001. - 286 с.
6. Ачкасов В. А. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности / В. А. Ачкасов. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2012. - 232 с.
7. Ачкасов В.А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора / В. А. Ачкасов // Журнал социологии и социальной антропологии. - 1999. - Т.2, Вып. 1. - С. 131-143.
8. Барыгин И.Н. Регион как инструмент мира: анализ балтийского академического дискурса / И. Барыгин, Д. Ланко, Е. Фофанова // Вестник

Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. - 2005. - №3. - С. 100-111.

9. Бек У. Что такое глобализация? : ошибки глобализма - ответы на глобализацию / У. Бек ; пер. с нем. А. Григорьева, В. Седелника ; послесл. А. Ф. Филиппова ; ред. Л. Н. Павлова. - Москва : Прогресс-Традиция, 2001. - 302 с.

10. Бергер П., Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; Моск. филос. фонд ; пер. с англ. Е. Д. Руткевич. - Москва : Academia-Центр : Медиум, 1995. – 323 с.

11. Белобородова И.Н. Региональная идентичность как фактор формирования социально-территориальной общности: этнокультурный подход к определению исследовательского поля (на примере Русского Севера) / И. Н. Белобородова // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / под ред. М. В. Ильина, И. М. Бусыгиной. - Москва, 1999. – С. 208-232.

12. Брубейкер Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер ; пер. с англ. И. Борисовой. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.

13. Бусыгина И. Германский федерализм: история, современное состояние, потенциал реформирования / И. Бусыгина // Полис. – 2000. - № 5. – С. 110-120.

14. Бусыгина И.М. Концептуальные основы европейского регионализма / И. М. Бусыгина // Регионы и регионализм в странах Запада и России / отв. ред. Р. Ф. Иванов. - Москва, 2001. - С. 7-15.

15. Бусыгина И. Политическая регионалистика / И. М. Бусыгина ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Университет). - Москва : РОССПЭН, 2006. - 279 с.

16. Валерий Квартальнов: «Богатство Карелии будут создавать туристские кадры»/ Карелия. – 2002. - 15 января. – С. 3

17. Валерий Шлямин, министр внешних связей РК: «Республике необходима концепция международной деятельности»/ Карелия. – 1996. - 16 февраля. – С. 2.
18. Вечные символы/ Северный курьер. -1992. – 3 октября. – С. 2.
19. Виктор Степанов/ Карелия. – 1997. - 12-18 сентября. – С. 3.
20. Внешние связи в новом измерении. Межрегиональное сотрудничество Республики Карелия как фактор развития экономики/ Карелия. – 2002. - 24 января.- С. 2.
21. Вопросы депутатов Законодательного Собрания Республики Карелия Председателю Правительства Катанандову С.Л. по докладу и ответы на них на заседании Законодательного Собрания Республики Карелия 14 марта 2002/ Карелия. – 2002. – 26 марта. – С. 2.
22. Вульф Д. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Д. Вульф. – Москва : Новое литературное обозрение, 2003. – 560 с.
23. Высший пилотаж/ Губерния. – 2002. – 6 февраля. – С. 3.
24. Гамма цветов для флага/ Северный курьер. – 1993. – 9 января. – С. 2.
25. Гармония интересов/ Карелия. – 2003. – 29 апреля. – С. 2.
26. Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер ; пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной ; ред.и послесл. И. И. Крупника. - Москва : Прогресс, 1991. - 319с.
27. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Э. Геллнер // Нации и национализм / пер. с англ. Л. Е. Переяславцевой, М. Б. Гнедовского, пер с нем. М. С. Панина. - Москва : Праксис, 2002. – С. 146-200.
28. Гельман В. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики/ В. Гельман // Полис. - 1998. - № 1. – С. 87 – 105.
29. Гельман В. Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России / В. Гельман, Е. Попова // Центр и региональные идентичности в России / Европ. ун-т в С.-

- Санкт-Петербурге, Фак. полит. наук и социологии ; под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. - Санкт-Петербург ; М. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге : Летний сад, 2003. – С. 187-254.
30. Герб и флаг Карелии: символы без идеологии/ Северный курьер. – 1992. – 25 декабря. – С. 2.
31. Глава Республики в сотне лучших политиков страны/ Карелия. – 2003. – 8 мая. – С. 2.
32. Грошева Г.В. Этническая государственность как фактор формирования региональной идентичности (на примере Республики Хакасия 1990-х – 2000-х гг.) / Г. Грошева // Вестник ТГПУ. - 2010. – Вып. 9(99). - С. 125-131
33. Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки / М. Губогло - Москва : Наука, 2003 – 764 с.
34. Дорогие земляки!/ Карелия. – 2005. – 7 июня. – С. 2
35. Дробижева Л. Российская, этническая и республиканская идентичность: конкуренция или совместимость / Л. Дробижева // Центр и региональные идентичности в России / Европ. ун-т в С.-Петербурге, Фак. полит. наук и социологии ; под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. - Санкт-Петербург ; М. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге : Летний сад, 2003. – С. 47-76.
36. Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных / Д. Н. Замятин. - Москва : РОССПЭН, 2004. - 350 с. - (Политология России).
37. Захаров А. «Спящий институт»: федерализм в современной России и в мире / А. Захаров. – Москва : Новое литературное обозрение, 2012. – 144 с.
38. Захаров А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме / А. Захаров. – Москва : Московская школа политических исследований, 2008. – 143 с. – (Своевременная мысль).
39. Здравомыслова Е. Политика идентичности правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» / Е. Здравомыслова // Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения:

сборник статей / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. - Москва, 2009. – С. 120-136.

40. Здравомыслова Е. «Солдатские матери»: мобилизация традиционной женственности / Е. Здравомыслова // Политическая наука. – 2005. - №3. - С. 39-65.

41. Зубаревич Н. Социэкономические различия между этническими регионами и политика распределения / Н. Зубаревич // Федерализм и этническое разнообразие в России: сб. статей / под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеманн-Грюндера. - Москва, 2010. – С. 80-93.

42. Из интервью С. Катанандова журналу «Российская Федерация сегодня», 2002 г. цит. по: Карелия – территория развития (1998-2008 годы) \ [Администрация Главы Республики Карелия; глав. ред. Т. Колесова]. – Петрозаводск: Скандинавия, 2008. – С.36-41.

43. Имели флаг и герб/ Северный курьер. – 1992. – 18 февраля. – С. 2.

44. Какие гимны мы поем/ Северный курьер. – 1992. – 17 ноября. – С. 2.

45. Карелы: модели языковой мобилизации. Петрозаводск. 2005. 282 с.

46. Кастельс М. Могущество самобытности / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – Москва, 1999. – С. 292-308.

47. Качанов Ю. Опыты о поле политики / Ю. Качанов. - М., 1994. - 159 с.

48. Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе / М. Китинг // Логос. – 2003. - № 6. - С. 67-116.

49. Курс на борьбу с ощущением бедности/ Карелия. – 2002. – 21 марта. – С. 3.

50. Макаренко Б. И. Губернаторские «партии власти» как новый общественный феномен / Б. Макаренко // Полития. – 1998. - №1. – С. 50-58.

51. Макарычев А.С. Глобальное и локальное: Меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием / А. С. Макарычев // Политическая наука. – 2003. - №3. – С. 8-27.

52. Макарычев А. Федерализм эпохи глобализма: вызовы для региональной России / А. Макарычев // Полис. - 2000. - №5. – С. 81-97.
53. Малинова О. Тема прошлого в риторике президентов России / О. Малинова // Pro et Contra. - 2011. - №3-4. – С. 106-122
54. Малякин И. Региональная мифология: три возраста / И. Малякин // Pro et Contra. - 2000. - № 1. - С. 109-122.
55. Марен А. В поисках европейской идентичности: парадипломатическая деятельность Республики Карелия и ее последствия / А. Марен // Политическая наука. - 2002. - №1. – С. 45-51.
56. Медведь – древний символ Карелии/ Наука и жизнь. – 1995. – 4/95. – С. 32-35.
57. Мелешкина Е.Ю. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства / Е. Ю. Мелешкина // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / ред. М. В. Ильин, И. М. Бусыгина. - М., 1999. – С. 126-137.
58. Мелешкина Е.Ю. Региональная идентичность как фактор становления региональных политий в Российской Федерации / Е.Ю. Мелешкина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12: Политические науки. – 1999. - № 6. - С. 48-59.
59. Миненков Г. Политика идентичности: взгляд современной социальной теории / Г. Миненков // Политическая наука. - 2005. - №.3. - С. 21-28.
60. Моя Карелия. Фотоальбом. – Петрозаводск : Скандинавия. 2002. – 176 с.
61. Мы очень любим свой город/ Курьер Карелии. – 2003. – 19 июня. – С. 3.
62. Назукина М.В. Структурные уровни региональной идентичности в современной России / М. Назукина // Регионология. - 2011. - №4. - С. 13-19
63. Не только о символах/ Северный курьер. – 1992. – 14 марта. – С. 2.

64. Немцов Б.: «Скажи Катанандову: «Нет!»»/ Карелия. – 2002. – 18 апреля. – С. 4.
65. Нечаев В.Д. Региональный миф в процессе становления российского федерализма / В.Д. Нечаев // Политика. - 1999. - № 11. - С. 48-72.
66. Нойманн И. Использование «другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей/ И. Нойман. – Москва : Новое издательство, 2004. – 336 с.
67. Ноженко М. Национальные государства в Европе/ М. Ноженко. – Санкт-Петербург: Норма, 2007. – 343 с. – (Европейские исследования).
68. Ноженко М. Северо-Запад России: регион или регионы? / М. Ноженко, Е. Белокурова. – Санкт-Петербург: НОРМА, 2010. – 164 с.
69. Ноженко М. Одна научная загадка, или почему губернаторы так легко согласились с Президентом? / М. Ноженко, А. Стародубцев // Федерализм и российские регионы. - Москва, 2006. - С. 55-77.
70. Ноженко М. В поисках нового регионального сообщества: возможная перспектива рассмотрения федеральных округов / М. Ноженко, Н. Яргомская // Политическая наука. - 2005. - №3. - С. 119-141.
71. О власти и человеческом факторе/ Курьер Карелии. – 2002. – 2 марта. – С. 3.
72. О том, как народу, который, как девушка, дали Карелию/ Карельская Губерния. – 2005. - 8.06. - С. 10.
73. О чем председатель правительства докладывал депутатам/ Курьер Карелии. – 2002. – 19 марта. – С. 2.
74. Обращение члена Совета Федерации Ю. Пономарева к кандидатам на выборные должности всех уровней власти на выборах 2002 года/ Карелия. – 2002. – 19 марта. – С. 3.
75. Окно России в Северную Европу/ Карелия. – 2002. - 26 апреля. – С. 3.
76. Опять обманные знамена?/ Молодежная газета Карелии. – 1992. – 25 августа. – С. 2.

77. От звезды не уйти. К итогам конкурса государственной символики Карелии/ Северный курьер. – 1992. - 25 сентября. – С. 2.
78. От первого лица. Выдержки из интервью и статей С. Л. Катанандова разных лет / Карелия – территория развития (1998 – 2008) / [Администрация Главы Респ. Карелия; глав. ред. Т. Колесова]. – Петрозаводск : Скандинавия, 2008. – С. 28-65.
79. Орачева О.И. Региональная идентичность: миф или реальность? / О. И. Орачева // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / ред. М. В. Ильин, И. М. Бусыгина. - М., 1999. – С. 36-43.
80. Официальными языками Карелии могут быть только русский и финский/ Karjalan Sanomat. - 1996. - 25 мая. – С. 2.
81. Пантелеев С. Ю. Государственная идеология в постсоветской России, / С. Ю. Пантелеев // Российское государство и общество. XX век. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1999. – С. 417-436.
82. Пашков А. Гербы и флаги Карелии/ А. Пашков. – Петрозаводск : КАРЭКО, 1994. - 351 с.
83. Перфильев Ю. Региональная символика: в поисках идеологии Ю. Перфильев // Регионы России в 1999 г.: ежегодное приложение к «Политическому альманаху России» / под ред. Н. Петрова. - Москва, 2001. - С. 324-337.
84. Петров Н. Формирование региональной идентичности в современной России / Н. Петров // Центр и региональные идентичности в России / ред. В. Гельман, Т. Хопф. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 125-186.
85. Петрозаводск – центр образования России на год/ Курьер Карелии. – 2002. - 18 апреля. – С. 2.
86. Победитель пока не определен/ Северный курьер. – 1992. – 19 мая. – С. 2.
87. Поддержать сильных, помочь слабым/ Карелия. – 2003. - 28 июня. – С. 3.

88. Поздравление Председателя Государственной Думы Б. Грызлова с Днем Республики Карелия/ Карелия. – 2010. – 8 июня. – С. 2.
89. Политика и культура в российской провинции : Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская обл. / Михаил Жеребятьев [и др.] ; под ред. С. Рыженкова, Г. Люхтерхандт-Михалевой (при участии А. Кузьмина) ; Междунар. ин-т гуманит.-полит. исслед. - Москва ; Санкт-Петербург : Летний сад, 2001. - 253 с
90. Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х тт. / отв. ред. И.С. Семенов. Редкол.: И.С.Семенов, В.В.Лапкин, Л.А.Фадеева. - Москва: РОССПЭН, 2012.
91. Попова О. В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества / О. Попова. - СПб : СПбГУ, 2002. – 256 с.
92. Попова О. В. Развитие теории политической идентичности в отечественной и зарубежной политологии / О. Попова // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.). Редколлегия сборника: И.С. Семенов (отв. редактор), Л.А. Фадеева (отв. редактор), В.В. Лапкин, П.В. Панов. Москва : ИМЭМО РАН, 2011. – С. 13-29.
93. Пояснительная записка к проекту Закона Республики Карелия «О языках в Республике Карелия» (сентябрь 1996 г.) // Карелы: модели языковой мобилизации. – Петрозаводск, 2005. – С. 112-114.
94. Пояснительная записка к проекту Закона Республики Карелия «О языках в Республике Карелия» (январь 1998 г.) // Карелы: модели языковой мобилизации. – Петрозаводск, 2005. – С. 126-128.
95. Председатель Правительства Республики Карелия Виктор Степанов: «Республики в каком-то смысле ледоколы, прокладывающие путь федерализму в России»/ Карелия. – 1995. - 29 июля. – С. 3.
96. Прими поздравления, северный край!/ Карелия. – 2002. - 8 июня 2002. – С. 2.

97. Проект Закона Республики Карелия «О языках в Республике Карелия», январь 1998 // Карелы: модели языковой мобилизации. – Петрозаводск, 2005. – С. 123-126
98. Протокол заседания коллегии Государственного комитета Республики Карелия по национальной политике от 25 декабря 1996 г. // Карелы: модели языковой мобилизации. – Петрозаводск, 2005. – С. 235-240.
99. Реформа местной власти в городах России, 1991-2006 / В. Гельман [и др.] ; Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, Центр изучения современной политики. - Санкт-Петербург : Норма, 2008. - 366 с.
100. Роккан С. Центр-периферийная полярность / С. Роккан // Политическая наука. – 2006. - №6. - С. 73-101.
101. Роккан С. Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму / С. Роккан, У. Дерек. – Логос. - 2003. - № 6 (40). - С. 117-132.
102. С космических высот в кресло губернатора?/ Карелия. – 2002. – 5 февраля. – С. 3.
103. С юбилеем, Карелия!/ Карелия. – 2010. - 8 июня. – С. 2.
104. С. Катанандов Карелия в священном треугольнике // Карелия. 10 шагов в новое тысячелетие. – Петрозаводск : АУ РК «Издательский Дом «Карелия», 2010. – С. 4-6
105. С. Катанандов: «Нам предстоит достойно пройти свой этап»/ Карелия. – 2003. – 7 июня. – С. 2.
106. С. Катанандов: «Надо смелее двигаться вперед»/ Карелия. – 2003. – 5 апреля. – С. 3.
107. С. Федотова Учимся быть гостеприимными/ Карелия. – 2003. – 15 мая. – С. 2.
108. Сагитова Л. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере республики Татарстан) / Л. Сагитова // Центр и региональные идентичности в России / ред. В. Гельман, Т. Хопф. – Санкт-Петербург,

2003. – С. 77-124.

109. Семенов И.С. Национальные практики формирования гражданской идентичности: опыт сравнительного анализа / И. Семенов // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.). Редколлегия сборника: И.С. Семенов (отв. редактор), Л.А. Фадеева (отв. редактор), В.В. Лапкин, П.В. Панов. Москва : ИМЭМО РАН, 2011. – С. 86-100.

110. Семенов И.С. Политика идентичности / И. Семенов // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. – Москва : РОССПЭН, 2012. – С. 162-167

111. Семенов И. С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности / И. С. Семенов // ПОЛИТЭКС. - 2011. - №2. – С.5-24.

112. Семенов И. Идентичность в предметном поле политической науки // // Идентичность как предмет политического анализа Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.). Редколлегия сборника: И.С. Семенов (отв. редактор), Л.А. Фадеева (отв. редактор), В.В. Лапкин, П.В. Панов. Москва : ИМЭМО РАН, 2011. – С. 8-13

113. Семенов И. С. Идентичность в системе координат мирового развития / И. Семенов, В. Лапкин, В. Пантин// Полис. - 2010. - №3. - С. 40-59.

114. Смирнягин Л. О региональной идентичности / Л. Смирнягин // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 17. Меняющаяся география зарубежного мира. - Москва-Смоленск, 2007. - С. 21-49.

115. Тернборн Г. Мультикультурные общества / Г. Тернборн // Социологическое обозрение. – 2001. - №1. - С. 50-67.

116. Тишков В.А. Идентичность и культурные границы / В. Тишков // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. Москва, 1997. - С. 15-43.
117. Тишков В. А. От федерализма до сепаратизма, или как превратить «национальный очаг» в большой международный пожар / В. Тишков // Российская федерация сегодня. - 1999. - № 22. - С. 49-51.
118. Тишков В. А. Федерализм и национализм в многонациональном государстве / В. Тишков // Межнациональные отношения в России и СНГ. – Москва, 1995. - Вып. 2. - С. 157-172.
119. Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика / В.А. Тишков. - Москва, 2001. – 240 с.
120. Три месяца в числе лидеров/ Карелия. – 2003. - 8 апреля. – С. 3.
121. Туровский Р. Региональная идентичность в современной России / Р. Туровский // Российское общество: становление демократических ценностей. - Москва, 1999. - С. 87-136.
122. Туровский Р. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России Р. Туровский // Идентичность и география в постсоветской России: сборник научных статей. – Санкт_Петербург: Геликон Плюс, 2003. - С. 139-173.
123. Тюков Б.: «Коммунисты не станут поддерживать Катанандова ни при каких условиях»/ Губерния. – 2002. - 27 февраля. – С. 3.
124. Фарукшин М. Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт / М.Х. Фарукшин. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1998. – 335 с.
125. Фарукшин М. Х. Этничность и федерализм: возможность сочетания или тотальная несовместимость / М.Х Фарукшин // Политэкс. - 2008. - Т.4, №2. - С. 5-27.
126. Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А.Тишкова / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; сост. М.Н.Губогло,

Н. А. Дубова. – Москва : Наука, 2011. – 670 с.

127. Филиппов В. Р. Критика этнического федерализма / В.Р. Филиппов. – Москва: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2003. – 380 с.

128. Хенкин С. Сепаратизм в России: позади или впереди? / С. Хенкин // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2. - С. 5-19.

129. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум; пер. с англ. А.А. Васильева. - Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. – 305 с.

130. Хобсбаум Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум // Вестник Евразии. - 2000. - №1. - С. 47-62.

131. Цыганков А. Выборы в Карелии: вторые безальтернативные/ А. Цыганков // Выборы и проблемы гражданского общества на Северо-Западе России. – Москва: Московский центр Карнеги, 2001. - № 5. - С. 23 – 29.

132. Чернышев А.Г. Особенности регионального самосознания и современный политический процесс / А.Г. Чернышов // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / ред. М.В. Ильин, И.М. Бусыгина. - Москва, 1999. – С. 139-145

133. Шевцова Л. Ф. Режим Бориса Ельцина / Л. Шевцова.- Москва, 1999. – 535 с.

134. Шенк Ф. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе / Ф. Шенк // Политическая наука. – 2001. - № 4. – С. 4-17.

135. Шлямин В.: «Диалог – основа экспорта»/ Карелия. – 2002. - 26 марта. – С. 3.

136. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. - М., 1996. – 197 с.

137. Этнический призрак/ Наблюдатель. - 2001. - 29 января – 4 февраля. – С. 3.

138. Aronowitz S. *The Politics of Identity: Class, Culture, Social Movements*. New York: Routledge, 1992
139. Barth F. Introduction, in: F. Barth (ed.) *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference*, Waveland Press, 1969, pp. 9-16
140. Bernstein M. Identity Politics. - *Annual Review of Sociology*, 2005, Vol. 31
141. Bromley H. Identity Politics and critical pedagogy. - *Educational Theory*, 1989, 39(3), pp. 207-223
142. Brubaker R., Cooper F. Beyond "Identity" // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29, № 1, pp. 1-47.
143. Calhoun C. *Social Theory and the Politics of Identity*. - *Social Theory and the Politics of Identity*, ed. by C. Calhoun, Blackwell, Oxford, UK, 1994
144. Connolly C. Splintered sisterhood: antiracism in a young women's project. - *Feminist Review*, 1990. 36 (Autumn), pp. 52-64
145. Giddens A. *The Nation as Power-Container // Nationalism*. 1994. New York
146. *European Identity*. Ed. By Jeffrey T. Checkel and Peter J. Katzenstein. Cambridge University Press. 2009. 265 p.
147. Hettne B. Europeanization of Europe: endogenous and exogenous dimensions // *European Integration*. 2002, Vol. 24. №4
148. Keating M. *The new regionalism in Western Europe: territorial restructuring and political change*. UK, USA: Edward Elgar, 2003
149. *Kymlicka W. Finding our way. Rethinking ethnocultural relations in Canada*, 2004. - 220 p
150. Knouse J. From Identity Politics to Ideology Politics. - *Utah Law Reviews*, 2009, №3
151. Passi A. The resurgence of the 'Region' and 'Regional Identity': theoretical perspectives and empirical observations on regional dynamics in Europe // *Review of International Studies*. 2009, №35

152. Ross JA. Urban development and the politics of ethnicity: a conceptual approach. - *Ethnic and Racial Studies*, 1982, 5(4), pp. 440-456
153. *Taylor Ch.* The politics of recognition // *Multiculturalism and the «Politics of recognition»* / A. Gutmann (ed.). - Princeton, N.Y.: Princeton univ. press. 1992. - P. 25-73
154. Декларация о государственном суверенитете Карельской АССР // Кодекс [Электронный ресурс] – Электрон. ст. – Петрозаводск, 2014. – URL : <http://kodeks.karelia.ru/api/show/919000601свободный> - (6.02.2014).
155. Концепция социально-экономического развития РК // Карелия официальная [Электронный ресурс] / Госкомитет Республики Карелия по развитию ИКТ. – Электрон. ст. – Петрозаводск, 1999. – URL : <http://gov.karelia.ru/gov/Leader/Document/concep1.html>, свободный. – (6.02.2014)
156. О «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. №1666 [Электронный ресурс] / Президент Российской Федерации. – URL : <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1644521>, свободный. – (6.02.2014).
157. О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 гг.)»: постановление от 20 августа 2013 года [Электронный ресурс] / Правительство Российской Федерации. – URL : <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>, свободный. – (6.02.2014).
158. Программа приграничного сотрудничества Республики Карелия на 2001-2006 годы [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия, - 2000. - Режим доступа: -

<http://gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Relations/Boundary/index.html>, -

свободный. - (09.10.2013)

159. 8 июня – День Республики Карелия [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2011. – URL : <http://gov.karelia.ru/Karelia/2194/2.html>, свободный. – Аналог печат. изд. (Карелия. – 2011. - 7 июня). – (06.02.2014).

160. 8 июня – День Республики Карелия [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2012. – URL : <http://gov.karelia.ru/Karelia/2294/2.html>, свободный. – Аналог печат. изд. (Карелия. – 2012. - 7 июня). – (06.02.2014).

161. 8 июня – День Республики Карелия. Поздравление Главы Республики Карелия, Председателя Законодательного Собрания Республики Карелия и Главного федерального инспектора в Республике Карелия аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном Федеральном округе [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2013. – URL : http://gov.karelia.ru/gov/News/2013/06/0607_01/html, свободный. – (06.02.2014).

162. Александр Худилайнен: «Будем относиться к инвесторам ответственно и формировать новый имидж доверия к Карелии» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2012. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2012/12/1229_06.html, свободный. – (06.02.2014).

163. Александр Худилайнен: «В Карелии активно поддерживается культура и языки коренных народов» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2012. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2012/12/1218_11.html, свободный. – (06.02.2014).

164. Александр Худилайнен: «День России – символ единства нации и совместной ответственности за историю, настоящее и будущее нашего великого народа» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2013. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2013/06/0611_03.html, свободный. – (06.02.2014).
165. Александр Худилайнен: «Карелия заслуживает лучшего состояния» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2012. – URL : <http://gov.karelia.ru/gov/Leader/Press/120703.html>, свободный. – (06.02.2014).
166. Александр Худилайнен: «Рассчитываю на консолидацию всех сил для достижения позитивных перемен в жизни республики» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2012. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2012/09/0907_18.html, свободный. – (05.02.2014).
167. Александр Худилайнен: «Чем лучше чувствует себя культура, тем меньше проблем в нашем обществе» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2012. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2012/06/0630_03.html, свободный. – (06.02.2014).
168. Александр Худилайнен: «Юбилей республики – не фейерверки, а напряженная и кропотливая работа» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2013. – URL : http://gov.karelia.ru/gov/News/2013/10/1011_09.html?print=, свободный. – (06.02.2014).
169. Андрей Нелидов: Карелия – самобытная республика [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2010. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2010/08/0818_18.html, свободный. – (06.02.2014).
170. Андрей Нелидов вступил в должность Главы Республики Карелия [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2010. –

URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2010/07/0721_21.html, свободный. – (06.02.2014).

171. Андрей Нелидов: «Карелия – центр духовной силы» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2010. – URL : - http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2010/08/0824_07.html, свободный. – (06.02.2014).

172. Ачкасов В. А. Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «калининградский казус» [Электронный ресурс] / В. А. Ачкасов. – Электрон. ст. - [Санкт-Петербург]. – URL: <http://www.politex.info/content/view/90/30/>, свободный. – Аналог печат. изд. (Политекс. – 2005. - № 1). – (9.12.2013).

173. Башмаков И.С. Региональная идентичность в политической жизни Краснодарского края: ход формирования посредством символической политики власти [Электронный ресурс] / И. Башмаков. – Электрон. ст. – URL: <http://teoria-practica.ru/-1-2012/politics/bashmakov.pdf>, свободный. – Аналог печат. изд. (Теория и практика общественного развития. - 2012. - №1.). – (9.12.2013)

174. Бусыгина И., [Электронный ресурс] / И. Бусыгина, М. Филиппов. – Электрон. ст. – [Россия]. - URL: (<http://magazines.russ.ru/nz/2012/4/b7-pr.html>), свободный. – Аналог печат. изд. (Неприкосновенный запас. - 2012. - №4). – (9.12.2013).

175. В наследство от губернатора [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2012. – URL : <http://politika-karelia.ru/?p=8194>, свободный. – (06.02.2014)

176. Гельман В. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России [Электронный ресурс] / В. Гельман, С. Рыженков. – Электрон. ст. – [Санкт-Петербург]. – URL: (www.politex.info/content/view/764/30/), свободный. – Аналог печат. изд. (Политекс. - 2010. - №4). – (9.12.2013).

177. Глава Карелии: «Нам нужны не пользователи республики, а инвесторы» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2010. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2010/11/1117_06.html, свободный. – (06.02.2014).
178. Глава Карелии обсудил с радиожурналистами 90-летие Карелии, мировой кризис и популярную музыку [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2010. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2010/06/0624_07.html, свободный. – (06.02.2014).
179. Государственный герб Республики Карелия [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2003. – URL : http://gov.karelia.ru/gov/Different/Symbolics/gerb_hist.html, свободный. – (06.02.2014).
180. Губернатор ушел, проблемы остаются [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2012. – URL : <http://politika-karelia.ru/?p=8181>, свободный. – (06.02.2014).
181. Дорогие жители Карелии! (поздравление с 80-летием республики) [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2000. – URL : http://gov.karelia.ru/gov/News/2000/0603_01.html, свободный. – (06.02.2014).
182. Ельцин Б. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации «Об укреплении российского государства» / Б. Ельцин // Консультант Плюс [Электронный ресурс] : комп. справ. правовая система / Компания " Консультант Плюс". - Электрон. дан. - [Москва], 1994. - URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=417720>, свободный. – (6.02.2014).
183. Емелин И. Государственные символы Республики Карелия [Электронный ресурс] / И. Емелин. – Электрон. ст. – Москва, 2007. - URL: http://www.geraldika.org/05_2007_29.htm. - (9.12.2013).

184. Идея, которая объединит нас всех [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 1999. – URL : <http://gov.karelia.ru/gov/News/Leader/1999/0701.html>, свободный. – (07.02.2014).
185. Интервью Главы Республики Карелия Александра Худилайна финской газете Helsingin sanomat [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2013. – URL : <http://www.gov.karelia.ru/gov/Leader/Press/120713.html>, свободный. – (06.02.2014).
186. Информационно-туристский портал РК [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2014. – URL : http://www.ticrk.ru/ru/section_3296.html, свободный. – (21.01.2014).
187. Исследование: перед выборами в Госдуму у восьми губернаторов рейтинг не дотягивает до 20% [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Москва, 2011. – URL : http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/11/07/n_2086094.shtml, свободный. – (21.01.2014).
188. Карелия не лишится статуса республики [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2010. – URL : <http://karelinform.ru/?id=19599>, свободный. – (06.02.2014.)
189. «Карельский поворот» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2013. – URL : <http://gov.karelia.ru/gov/Leader/Press/000613.html>, свободный. – (06.02.2014)
190. Кром Е. Тише едешь – дальше будешь [Электронный ресурс] / Е. Кром; в подготовке материала принимала участие Н. Владимирская. – Электрон. ст. – Петрозаводск; Санкт-Петербург, 2004. – URL: http://expert.ru/northwest/2004/26/26no-stcenke_50138/, свободный. – Аналог печат. изд. (Эксперт Северо-Запад. - 2004. - № 26). – (21.01.2014).
191. Крылов М. Региональная идентичность в историческом ядре европейской России [Электронный ресурс] / М. Крылов. – Электрон. ст. -

- URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/027/663/1216/002-1.pdf>, свободный. - Аналог печат. изд. (Социс. – 2005. - № 3). - (21.01.2014).
192. Макарычев А. С. Регионализм и региональная культурная идентичность [Электронный ресурс] / А. Макарычев. – Электрон. ст. - URL: <http://www.crimea.edu/internet/Education/notes/edition11/n01102.html>, свободный. - (10.09.2013).
193. Макарычев А. Регионализм глазами конструктивизма: агенты, структуры, идентичности [Электронный ресурс] / А. Макарычев. – Электрон. ст. – URL : <http://magazines.russ.ru/nz/2010/3/ma14.html>, свободный. – Аналог печат. изд. (Неприкосновенный запас. - 2010. - №3).- (21.01.2014)
194. Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России [Электронный ресурс] / О. Ю. Малинова. – Электрон. ст. – URL : <http://www.politex.info/content/view/662/30/>, свободный. - Аналог печат. изд. (ПОЛИТЕКС. – 2010. - № 1). – (21.01.2014).
195. Международная деятельность Республики Карелия в 1994 - 1997 годах. Краткие итоги [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия, - 2001. - Режим доступа: <http://gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Relations/inter97.html>, - свободный. – (09.10.2013)
196. Международные организации, проекты и программы. Двустороннее сотрудничество РК с зарубежными партнерами [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия, - 1998. - Режим доступа: <http://gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Relations/inter97b.html>, - свободный. – (09.10.2013)
197. Миненков Г. Идентичность в политическом измерении [Электронный ресурс] / Г. Миненков. – Электрон. ст. – Минск, 2005. – URL: <http://nmnby.eu/news/analytics/414.html>, свободный. – (21.01.2014).

198. Мы должны быть узнаваемы в России. Председатель Правительства РК Сергей Катанандов о 80-летию Республики Карелия [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2000. – URL : http://gov.karelia.ru/gov/News/2000/0419_03.html, свободный. – (06.02.2014)
199. Назукина М. Региональная идентичность в России: типологический анализ [Электронный ресурс] : автореферат диссертации. – Электрон. дан. - Пермь, 2009. – URL : http://identityworld.ru/load/poisk_po_alfavitu/n/nazukina_mv_regionalnaja_identichnost_v_sovremennoj_rossii_tipologicheskij_analiz_perm_2009/21-1-0-2, свободный. – (21.01.2014).
200. Новая страничка в имидже Карелии [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2010. – URL : http://gov.karelia.ru/gov/News/2010/08/0812_11.html, свободный. – (24.01.2014).
201. О гербе и «Гармонии вечного» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2003. – URL : http://gov.karelia.ru/gov/Different?Symbolics?gerb_ex.html, свободный. – (24.01.2014).
202. О Дне Республики Карелия [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2003. – URL : <http://gov.karelia.ru/gov/Leader?Document/day.html>, свободный. – (21.01.2014).
203. О проекте новой Конституции Республики Карелия [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2003. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/Leader/Document/Project_const/sprav.html, свободный. – (24.01.2014).
204. Обращение Главы Карелии А. В. Нелидова к жителям республики [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2010. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2010/12/1227_06.html, свободный. – (06.02.2014).

205. Пантин В.И. Самоопределение как ресурс модернизации [Электронный ресурс] / В. Пантин. – Электрон. ст. – Москва, 2010. – URL : http://www.ng.ru/scenario/2010-03-30/10_samoopredelenie.html, свободный. – (6.02.2014).
206. Перекрасить медведя и убрать елки, которые изображены на гербе Карелии [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2013. – URL : <http://nika-media.ru/blog/vse-novosti/society/gerb-karelii-okazalsjanepравilnym/>, свободный. – (06.02.2014).
207. Петрова А. Польза и вред от укрупнения регионов [Электронный ресурс] / А. Петрова. – Электрон. ст. – Москва, 2003. – URL : (<http://bd.fom.ru/report/map/projects/info/info2003/fi0344/of034403>), свободный. – (6.02.2014).
208. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации// Консультант Плюс [Электронный ресурс] : комп. справ. правовая система / Компания " Консультант Плюс". - Электрон. дан. - [Москва], 2001. – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30989/, свободный. – (6.02.2014).
209. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России [Электронный ресурс]. – Электрон. ст. – Москва, 2012. – URL : <http://kremlin.ru/transcripts/17118>, свободный. – (6.02.2014).
210. Пояснительная записка к проекту закона Республики Карелия «Об установлении Дня Республики Карелия» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 1999. – URL : <http://www.gov.karelia.ru/gov/Leader/Document/note.html?print=>, свободный. – (06.02.2014).
211. Пряжа стала центром празднования Дня Республики Карелия [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2013. – URL : – http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2013/06/0608_07.html, свободный. – (21.01.2014).

212. Путин В. Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс] / В. Путин. - Электрон. ст. – Москва, 2012. – URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html, свободный. – (06.02.2014).
213. Результаты социологического исследования ассоциативного цветового восприятия географического пространства и социума – «Карелия» [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2000. – URL : http://gov.karelia.ru/gov/Different/Symbolics/research_gerb.html, свободный. – (21.01.2014).
214. Республика Карелия. Итоги всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2011. – URL : http://krl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/resources/648b16804ee28b20832c833467c8ff84/2_%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8+%D0%92%D0%9F%D0%9D-2010+%D0%BF%D0%BE+%D0%A0%D0%9A.pdf, свободный. – (06.02.2014).
215. Республика Карелия – туристические достопримечательности [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2013. – URL : <http://www.gov.karelia.ru/gov/Info/tourism.html>, свободный. – (06.02.2014).
216. Сергей Катанандов одобряет предложения президента РФ по укреплению власти, высказанные на расширенном совещании правительства страны [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2004. – URL : http://gov.karelia.ru/gov/News/2004/09/0914_08.html, свободный. – (06.02.2014).
217. У юбилея Республики Карелия появился свой символ [Электронный ресурс] / Электрон. ст. – Петрозаводск, 2010. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News?2010/04/0412_12.html, свободный. – (06.02.2014).
218. Шлямин В. Еврорегион «Карелия» - новые вызовы и новые

возможности [Электронный ресурс] / В. Шлямин // Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия, - 2001. - Режим доступа: http://gov.karelia.ru/gov/News/2001/0518_01a.html, свободный. – (09.10.2013)

219. Юхтанов А. В Ульяновске создается НИИ по поиску региональной идентичности [Электронный ресурс] / А. Юхтанов. – Электрон. ст. – URL: <http://www.ul.aif.ru/politic/article/29462>, свободный. – (9.12.2013).

220. Identity Politics. - Stanford Encyclopedia of Philosophy, Fall 2002 edition, <http://plato.stanford.edu/archives/fall2002/entries/identity-politics/>, (1.12.2011)